

310773

Рыба м. с. Тихвин

**ПРОВЕРЕНО
1958 г.**

01/01/12

ПРОВЕРЕНО
1948 г.

ОСНОВАНІЕ

или

Существенныхъ правилъ

ФИЛОСОФІИ,

ПОЛИТИКИ

и

ПРАВСТВЕННОСТИ.

Экз. 10793

Твореніе Палковника Вейсса,
Члена разныхъ Академій.

Переводъ съ французскаго, съ седьмаго изданія.

*S'il faut opter, si, dans ce tourbillon,
Il faut choisir, d'être dupe ou fripon;
Mon choix est fait, je bénis mon partage:
Ciel! rends-moi dupe, et rends-moi juste et sage.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Санктшпетербургъ. 1807.

ЕГО СІЯТЕЛЬНОМУ,

Господину Дѣйствительному Тайному Совѣшнику, Оберъ-Камергеру, Государственнаго Совѣша Члену, Сенатору, Санкшпешербургскому Губернскому Предводителю Дворянства, Академіи Художествъ Президенту, Императорскихъ Библіотекъ Директору, Комитета о уравненіи городскихъ повинностей Предсѣдательствующему, Комиссіи о поспроеніи Казанской церкви Первоприсущствующему, и орденовъ Св. Апостола Андрея, Св. Александра Невскаго, Св. Анны 1го класса, Св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста, и обоихъ Польскихъ Кавалеру,

Г Р А Ф У

АЛЕКСАНДРУ СЕРГѢВИЧУ

СТРОГОНОВУ.

Кому приличнѣ посвятить могу твореніе мудраго, содѣлывающаго тещь своему отечеству, какъ не вамъ, Сіятеильнѣйшій Графъ, мужу всѣми любимому и прославляемому, коего разумъ столь просвѣщенъ; сколь сердце неощенно, коего всѣ дни жизни ознаменованы благотвореніями, и имя пребудетъ незабвеннымъ въ потомствѣ?

*Примите благосклонно сіе приноше-
ніе одного изъ ревностныхъ почитателей
Вашей Особы. — Одобреніе Ваше погту я
лестнѣйшею для себя наградою.*

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

Милостиваго Государя

преданнѣйшій слуга

А. Струговщиковъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ПЕРЕВОДЧИКА.

Превосходное твореніе глубокомысленнаго Сотинителя, соединившаго въ себѣ знанія, остроуміе, пронизательность, добродушіе, нѣжность и величіе духа, который описалъ свѣтъ каковымъ онъ быть долженъ и каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, изобразилъ теловѣка, страсти его, добродѣтели и пороки, проникнувъ въ сокровенныя изгибы его сердца, наерталъ взаимныя обязанности общежитія, какъ всякой добрый сынъ, отецъ и гражданинъ оныя чувствовать и понимать долженъ, который, будучи равно удаленъ отъ безбожія и суетвѣрія, держался во всемъ срединѣ, желалъ блага всему роду теловѣтескому, показывая всякому званію, состоянію и полу пути къ достиженію благополучія, сіе твореніе великаго ума возродило во мнѣ желаніе видѣть оное на языкѣ нашемъ. —

Преодолевая трудности въ переводѣ таковаго рода сочиненій встрѣтавшіяся, старался я, сколько могъ, сохранить силу и красоты подлинника; но не знаю успѣлъ ли въ томъ. — Здравомыслящій читатель проститъ несовершенство онаго; не будетъ удивляться разнообразію слога, зная что нельзя говорить однимъ языкомъ о любви и бережливости, о предразсудкахъ и стыдливости, о модѣ и безсмертіи души; — строгимъ же критикамъ отвѣтствую, подобно Автору: переседите лучше, и вы большую меня окажете публикѣ услугу.

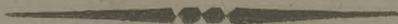
ОГЛАВЛЕНІЕ

Первой части.

	страни.
Предисловіе Сочинителя, - - - - -	1
Вступленіе, - - - - -	19
О добродѣтели, - - - - -	35
О истинѣ, - - - - -	39
О предразсудкахъ, - - - - -	43
О мнѣніи, - - - - -	50
О главнѣйшихъ качествахъ челоуѣка, - - - - -	60
О истинномъ и ложномъ достоинствѣ, - - - - -	64
О благополучіи, - - - - -	78
Утѣшенія въ несчастіи, - - - - -	95
О спрасяхъ, - - - - -	109
О любви, - - - - -	128
О честолюбіи, - - - - -	151
О зависни, - - - - -	158

35/2/100

	страниц.
О ревности. - - - - -	- 162
О гнѣвѣ. - - - - -	- 173
О лѣности. - - - - -	- 180
О гордости. - - - - -	- 186
О скупости. - - - - -	- 195
О бережливости.	- 199
О умѣренности. - - - - -	- 216
О здоровіи. - - - - -	- 229
О благоразуміи. - - - - -	- 235

ПРЕДИСЛОВІЕ

СОЧИНТЕЛЯ.

На двадцатомъ году починалъ я себя умнымъ; на тридцатомъ началъ думать о себѣ совсемъ противное. Правила мои не имѣли швердыхъ основаній, заключенія мои были сомнишельны, спрасши прошиворѣчуши.

Я много видѣлъ, много чиналъ, почти сполько же наслаждался, но еще болѣе спрадалъ. Обвинялъ судьбу и людей; конечно они не совсемъ правы были, но менѣ виновны нежели какъ я полагалъ.

Однажды въ щаспливую минушу возимѣлъ я швердоспъ духа вопросишь себя, не имѣюшь ли и они сполько же причинъ негодовашь на меня, сколько я на нихъ? Безприспраспнымъ окомъ спалъ разсмаприваешь свою жизнь, и казалось ясно усмошрѣлъ, что большая часпъ того, что называлъ *несчастіями* были *ошибки*; что съ юношеспва моего былъ я жершвою моихъ склонноспей, и что есплибъ

Часть I.

имѣлъ менѣе самолюбія, а болѣе благо-
разумія, умѣренности и гибкости въ ка-
рактерѣ, що избѣгнулъ бы положеній,
коихъ воспоминаніе и поднесъ душу мою
сшѣсняешъ.

Сіе сколь пятгоспное, шакъ и ушѣши-
тельное для сердца моего признаніе,
произвело другія. Я хошѣлъ узнать, на
какомъ основаніи утверждалась довѣрен-
ность моя къ собственнымъ познаніямъ;
опдалъ самому себѣ опчешъ въ своихъ
мнѣніяхъ, и удивился слабости и несвой-
ственности оныхъ въ самыхъ важныхъ
предметахъ. Я увидѣлъ, что случай и
привычка болѣе разполагали моими мы-
слями нежели опытность, что пылкость
ума и примѣръ болѣе меня обольщали
нежели разумъ, и что накопляя множе-
ство суешныхъ познаній, пренебрегъ я
самыя существенныя. — Содѣлавшись
скромнѣе, искалъ я пушеводителя между
писателями самыми здравомыслящими и
просвѣщенными. Я желалъ найши пол-
ную систему, равно удаленную отъ суе-
вѣрія и нечестія, кошорая бы согласна
была въ начальныхъ основаніяхъ съ моими

разсужденіями; но щещно. Одного находилъ я лицемѣрнымъ свяшошею, другаго безбожнымъ; въ одномъ поверхностныя знанія, въ другомъ опвлеченныя; — большая часть ихъ разсужденій заключалась въ опривкахъ; въ самыхъ превосходныхъ видимы были признаки народныхъ предразсудковъ, зависимости отъ своего званія и узъ порабощенія; а болѣе всего недоспапокъ опытноспи, швердоспи и великодушія.

Не будучи доволенъ оными, прибѣгнулъ я къ собственнымъ размышленіямъ; присовокупилъ къ онымъ извлеченіе изъ всѣхъ вообще, и соспавилъ себѣ особую систему, коей вліяніе на собственное мое благополучіе, еспъ сильнѣйшее мое убѣжденіе въ пользу ея истины.

По мѣрѣ правильнѣйшаго образованія ума моего, чувствованія мои спали между собою болѣе согласовашься, поступки болѣе сходствовашь, а предпріяпія удачнѣе. — Я былъ безпокоенъ, нынѣ успокоился: ощущалъ скуку, теперь удовольствіе. Пріятно провожу дни свои въ свѣтскомъ общежитіи, и могу бышь

еще довольнѣ собою въ уединеніи. Еже-
ли не научился почищать людей, по по-
крайней мѣрѣ умѣю имъ прощать, и чув-
ствую, что всегда болѣе или менѣе нужно
и мнѣ взаимное ихъ снисхожденіе.

Какъ умноженіе знаній естественнo
производитъ желаніе бытъ полезнѣйшимъ,
то полагаю я, что заблужденія мои воз-
могушь предохранитъ, а разсужденія
облегчитъ жребій моихъ собратій. — Я
предлагаю сіи послѣднія не какъ истины,
но какъ просшья мнѣнія. Совѣшую вся-
кому читателю не довѣрять имъ, не из-
слѣдовавъ напередъ оныя основательно.
Предупреждаю его, что многіе здоро-
мыслящіе люди почищаютъ меня Энту-
зіасмомъ, и приписываютъ мнѣ излишнее
самолюбіе. Можешь бытъ для сокрытія
оного представляю я сей мой трудъ не
какъ хорошее сочиненіе, но какъ допол-
неніе къ тому, кошораго у насъ недо-
стаетъ. Всякой обязанъ принести обще-
ству дань своего трудолюбія, и долженъ
спараться оставить по себѣ какой либо
почтенный знакъ своего существованія.

Къ достиженію сей цѣли, не споль-
ко ищу я славы високаго ума, какъ того
чшобъ быть полезнымъ. Я неимѣю щеще-
славія ушверждашь, чшобъ разсужденія
мои о предметахъ, коими занимались ве-
личайшіе умы всѣхъ вѣковъ, были новы.
Къ щастію рода человѣческаго, многія
изъ сихъ правилъ спольже древни какъ
и оный, и часшо нынѣшнимъ Авшорамъ
оспаешся шокмо достоинство выбора,
порядка, слога и знанія принаровляясь
къ обстоятельствамъ.

Вообще болѣе надлежалобы спарашь-
ся усовершенствываешь, нежели изобрѣ-
шаешь. — Въ самомъ сокращенномъ сочи-
неніи хошѣлъ я собрать самое большее
число важнѣйшихъ истинъ, нужныхъ
къ познанію какъ въ частномъ шакъ и
въ общешвенномъ жишій, спараясь бышь
вразумительнымъ и яснымъ. Хошѣлъ по-
дашь крашкое начертаніе о *способѣ раз-
суждать*, и основаешь оный на едино-
образныхъ началахъ, весьма шрудныхъ,
ежели они извлекающся изъ многихъ со-
чиненій, судящихъ о предметахъ по про-
шивоположеннымъ правиламъ, и разсма-

привающихъ оныя въ разныхъ видахъ. Я хошълъ согласить мнѣнія, по видимому прошивоположныя, и изъ разсѣянныхъ въ шѣхъ сочиненіяхъ правилъ, составивъ единообразную систему.

Планъ мой столь обширенъ, предметы столь разнообразны, а предѣлы шакъ шѣсны, что я не смѣю ласкаться надѣждою въ совершенномъ успѣхѣ. Трудно согласить природу съ предразсудками, нравоученіе съ полишикою, нѣжность съ силою, истину съ сомнѣніемъ, доказательство съ чувствительностію и пріятностію. Конечно я не во всѣхъ предуспѣлъ подробностяхъ, но сравнивая себя съ моими предшественниками, думаю, что все сочиненіе вообще не столь неудачно: впрочемъ кто изъ Авшоровъ, цѣня достоинство своего сочиненія, не почель бы оное гораздо превосходнѣйшимъ, нежели каковымъ оно есть въ самомъ дѣлѣ?

Разсуждая о человѣкѣ, описывалъ я одиѣ и шѣже спрасши, дѣйствія и причины. Живописецъ оставивъ ли свое художество для того, что изображенія

его, какъ и его сотрудниковъ всегда состояшъ изъ глазъ, изъ ушь, изъ ногъ и рукъ? — Я сочиняю какъ другіе рисуюшъ, по склонности, а не по званію. (*) Сочиненію своему полагаю не болѣе цѣны, какую вѣроятно полагаешь и сама публика, и споль же равнодушно взираю на ея хулу, сколь неосновательны бываюшъ вообще ея рѣшенія. Я раздробилъ сію публику и спросилъ себя, сколько извѣстно мнѣ шаковыхъ людей, коихъ похвала могла бы для меня бытъ лестна? малое число оныхъ удивило меня! повѣряишь ли шому? я не нашель ни одного челоувѣка, кошорому бы желалъ *во всемъ* по нравиться. Ешь многіе, коихъ одобренія почель бы я самою унизишельною для меня крипикою, ибо они доказалибы шѣмъ, что мы сходствуемъ между собою въ образѣ нашихъ мыслей.

(*) Мало ешь состояній, сопряженныхъ съ большими безпокойствами. Разсмашривая жизни самыхъ лучшихъ сочинителей, найдемъ въ оныхъ болѣе всего жалобы на ихъ преслѣдованія, описаніе ихъ болѣзней, ученые раздоры и несогласія.

Сія недовѣрчивость ко мнѣніямъ другихъ, не изъемлеть во мнѣ шой, кошорую каждый благоразумный человекъ долженъ имѣть и къ своимъ. Ежели обвиняшь меня, что издавъ въ свѣтъ худое сочиненіе, шо я охотно въ томъ признаюсь, надѣясь что шакже согласяшся со мною, что все равнобъ было ешлѣбъ я сіе время упошребилъ и на обыкновенныя упражненія, одна глупость спшшшъ другой, и первая нехуже послѣдней. Сверхъ же шого, сколь пріятно доспавляшь себѣ удовольствія независимыя ошъ своенравія другихъ. Предпріятіе мое ушѣшало меня, привлекало мое вниманіе, и работа ушра содѣлывала часто пріятнымъ вечеръ. Признаюсь, что произведеніе не сошвѣшшсшвуешь моему ожиданію. Я хошѣлъ написать что нибудь еще лучшее, чувствуя въ себѣ превосходнѣйшія способности; но для доспшженія сего нужно было прилагать спаранія и время, кошорыми не хошѣлъ я жершвовашъ, не увѣряться напередъ о успѣхѣ. — Можешъ быть будущъ смѣяшся надъ шщеславіемъ моимъ наспавляшь родъ

человѣческой, но потомъ преспятъ за то, что я имѣлъ въ виду одно шокмо желаніе бышь полезнымъ.

Каковъ бы ни былъ супѣхъ моего сочиненія, не могу имѣшь совершенной неудачи въ предполагаемой цѣли. Важнѣйшій предметъ былъ шотъ, чтобъ увѣришься въ истинномъ своемъ достоинствѣ. Подобнаго рода сочиненіе ешь зеркало души, мѣра знаній и печашъ Генія. Ежели я получу себѣ ошь онаго одну шу пользу, что сдѣлаюсь скромнѣе, шот и шогда не почшу шрудъ мой напраснымъ. Ежели назначашъ мнѣ мѣсто въ числѣ посредственныхъ Авшоровъ, шот безъ стыда и досады удалюсь ошь поприща; сшавъ просшымъ зрительемъ безъ зависши буду изъясляшь свою радость, видя другихъ увѣнчанными шот славою, которой не могъ самъ пріобрѣсть. Не имѣя достоинства бышь великимъ безъ прискорбія удовольствуюсь бышь честнымъ человѣкомъ, что можешъ бышь сообразнѣе и свойственнѣе моимъ склонностямъ и спокойствію. Тогда ошрекуть ошь многихъ шрудныхъ предпріятій,

и, усыпленный безопасностію, усладитель-но буду покоишься въ нѣдрахъ умѣренности, довольствуясь шѣмъ, что я человекъ обыкновенный.

Публика весьма несправедливо судитъ о сочинителяхъ, причисляя ихъ къ особому роду людей, пребуя опъ нихъ слишкомъ многого, и оказывая имъ споль мало снисхожденія: возмимъвъ сначала высокое объ нихъ мнѣніе, наконецъ презирають ихъ: сравнивая всегда разговоры и поступки ихъ съ сочиненіями, удивляюшя находя иногда въ нихъ шаковую прошивоположность. Я предваряю, что каково бы ни было мое сочиненіе, оно превосходитъ Авшора; начершанные мною правила и примѣры ешъ все шю, что я въ лучшія минушы жизни моей вообразилъ могъ: сверхъ шого опкрылъ я истины слишкомъ для себя поздно, а пошому и не могли они принеши мнѣ никакой пользы.

Хошя философія объемлетъ въ обширномъ своемъ пространствѣ все что подвержено владычеству разума, но существенно сосредошчивается она въ пра-

кпическихъ испинахъ. Я болѣе имѣлъ въ предметѣ опытѣ нежели умозрѣніе, болѣе сущность, нежели наружность: разсужденія Логиковъ возбудили во мнѣ сомнѣніе къ ихъ наукѣ, и я увѣренъ, что ошъ превыспреннихъ опвлеченносшей МешаФизики содѣлалось множество Педаншовъ и нечесшивыхъ, а мало чеспныхъ людей.

Просвѣщенный чпшатель легко можешъ поняшь, что ошъ меня зависѣло бышь глубокомысленнѣе и опвлечениѣе; но сочиненіе мое шогда менѣе бы привлекало чпшателя, менѣебы было справедливо и полезно. Я охошно бесѣдую съ учеными, но не для нихъ пишу: они безъ шого все знаютъ. Хочу напомнишь имъ одно шокмо правило, чпобъ они болѣе исполняли шо, чему учащъ, кошорому правилу спараюсь и самъ послѣдоващъ, желая чпобы они въ шомъ были меня щаспливѣе.

Конечно преимущеспвеннѣе должно спарашся объ образованіи ума и сердца шѣхъ, для коихъ сіе болѣе другихъ нужно: не упуская изъ вида никакого зва-

нiя ни возраста, особенно прiемлю въ предметъ молодаго челоуѣка вступающаго въ свѣтъ. Съ сердечнымъ соболѣзнованiемъ предъупреждаю его, что образуя сердце его *къ высокимъ гчувствованiямъ, ко всему изящному и справедливому*, можешъ бытъ приношу я жертву общему благу: можешъ бытъ заплашишь онъ своимъ спокойствiемъ за то, что инымъ образомъ будешъ судишь и чувствовашъ; но сiе не должно основанiи его; усовершенствуя себя, найдешъ онъ въ себѣ спокойствiе и тишину; оправданно проникнешъ въ глубину души своей; и ежели къ несчастiю дружество, почтенiе и довѣренность, сiи естественные соупушники добродѣтели, его оправдывашъ, то чувствование собственнаго достоинства будешъ его ушѣшашъ и подкрѣпляшъ; и даже въ несчастiи и угнетенiи не отречешся онъ признавашъ не исповѣдуемый промыслъ, бдящiй о его судьбѣ. — Не долженъ онъ думать найши въ обществѣ основательныя правила; а старашся соединяшъ благоразумiе съ честностiю; и естли присоветуешъ къ сей послѣд-

ней смѣлость, прозорливость и постоянство, единственно могущія ушвердишь его въ сихъ намѣреніяхъ, шо да прошивоборствуемъ онъ обольщенію примѣровъ; да не увлечешся удивленіемъ и ошвращеніемъ, которое есть слѣдствіе онаго. — Я хотѣлъ бы предваришь въ немъ сіе позднее испытаніе, часшо споль дорого намъ спюющее, и котораго цѣну узнаемъ мы шогда, когда не лзя уже онимъ воспользовашься. Желалъ бы дашь ему яснѣйшія понятія о добродѣтели, удалишь всякую мысль о ложномъ достоинствѣ, предохранишь его какъ ошъ опасности суевѣрія, шакъ и ошъ заблужденій философіи; показашь ему свѣшь не шокмо шаковымъ, каковъ онъ бышь долженъ, но и каковъ онъ есть. „Нако-нець желалъ бы образовашь его умъ, шпронуть его сердце, содѣлашь щасливимъ и полезнымъ.“

Я начерпалъ правила, коими самъ желалъ бы бышь руководствуемъ въ юношескихъ моихъ лѣшахъ, и которыя преподалъ бы моимъ дѣшямъ; ошсшупление ошъ коихъ повергло меня въ бездну нещасній, а соблюдение изшоргло изъ про-

пасши въ кою погружень былъ, и возве-
ло мало по малу на шу степень благо-
получія, копорой я по моимъ обспо-
лшельсшвамъ не могъ ожидать.

Есшлы мысли мои иногда кажущя
непріятными испинами, по я увѣренъ
что шокмо великія идеи сосшавляющъ
свойсшво великихъ душъ. Просшонарод-
ныя правила досшашочны для юноше-
сшва, но содѣлывающя бесполезными
въ позднѣйшихъ лѣсахъ. Въ свѣшскомъ
общезишій нужна гибкость въ каракшерѣ,
умѣющая примѣняшя къ неизбѣжимымъ
зощасшіямъ; шакový каракшеръ надле-
жишъ соединишъ съ швердосшію духа,
побуждающаго насъ переносишъ малыя
зощлюченія, презирашъ полезныя опасно-
сши и преодолѣвашъ препяшсшвія. — Я
не преподаль ни одного правила не изъ-
яснивъ причины и вѣрояшнаго дѣйсшвія
онаго; но ошвѣчаю шокмо за чисшосер-
дечность моихъ намѣреній, а не за вѣр-
ность изчисленій. Сшараясь избѣгашъ пло-
довисшосши, должень былъ иногда опу-
щашъ излишнія подробности и заключе-
нія, и меня конечно укоряшъ будущъ въ
шомъ, что иногда разрываешя связь мо-

ихъ мыслей: но сей недоспашокъ довольно замѣняешь ясношю и почношю.

Я не придерживался схоластическихъ правилъ и порядка: но слѣдовалъ по той спезѣ, кошорую полагалъ самою свойственною разуму человѣческому и сообразною для естественной связи начальныхъ основаній съ изслѣдуемыми предметами. Изслѣдывая челоѡвка, нашель я, что главная пружина имъ управляющая, естъ *личная польза*, и доказавъ ему единымъ шокмо разумомъ, что добродѣшель и благополучіе по существу своему одно и шоже, прибѣгаю пошомъ къ естественной вѣрѣ, и надѣжда на будущую жизнь и доказательспва о существовѣ Бога справедливаго и мздовоздаятеля, усугубляюшь мое увѣреніе.

Главнѣйшая шрудность сосшояла въ томъ, чтошобъ бышь вразумительнымъ для каждаго сосшоянія. Ежели уже необходимо, чтошобъ знашные не имѣли предразсудковъ, шо можешъ бышь не менѣ шото нужно, чтошобъ оные пребыли неизкореняемы въ людяхъ низкаго сосшоянія. Не жестоко ли бы было внушишь рабамъ чувствшванія Героевъ, и лишишь

щасливато невѣжу ушѣшающихъ его мечшаній?

Не менѣе того трудно одними доказательствами убѣждать разные народы; ибо хошя истина и непремѣнна въ своемъ основаніи, но различествуетъ въ своихъ подробностяхъ, сообразно мѣстамъ и вѣкамъ. Въ странѣ погруженной въ невѣжество, гдѣ люди непросвѣщены и философія въ колыбели, посредственные сочиненія предпочитаются хорошимъ, потому что сіи послѣднія весьма тогда отдаляются отъ принятыхъ мнѣній. Триста лѣтъ тому назадъ хорошее сочиненіе почислалось бы худымъ; наши лучшія творенія были бы сожжены, или не имѣли бы чинашелей, по той самой причинѣ, что въ наши времена проспаякъ, кошорый безъ всякаго удовольствія читаетъ Локка, Моншескіе или Клариссу, восхищается читая какойнибудь дурной журналъ, или *высокія дѣянія прекрасной Магеллоны*; равно какъ и поштому, что правила признанныя нынѣ (*)

(*) Сіе сочиненіе писано въ 1785мъ году.

310773

весьма обыкновенными въ Лондонѣ, Пешербургѣ, Берлинѣ а недавно и въ Вѣннѣ, будуще смѣлы въ Парижѣ, дерзоспсны въ Венеціи, богохульны въ Римѣ, гнусны, прокляты въ Мадридѣ, а въ Лиссабонѣ достойны коста. Книги какъ и законы не могушь равно приличесивовашь всемъ народамъ: надобно примѣняяшь ихъ къ климату, правленію, просвѣщенію и къ степени вѣроперимости.

Ежелибы главная моя цѣль соспола въ томъ чпобъ нравиться, шо легко бы могъ я смягчить мои выраженія, и льсняя самолюбію другихъ, шѣмъ удобнѣе ушвердишь шоржесиво моего собсшвеннаго. По нѣсколькихъ дней шруда могъ бы я изьяшь изъ сего шворенія шпрогія истины, не нравящіяся ни Миниспрамъ, ни Сибарисамъ; я спрашиваль совѣша у нѣкоторыхъ благоразумныхъ людей, какое дѣйствіе произведешъ мое сочиненіе; они сказали мнѣ, что я приобрѣшу не многихъ равнодушныхъ друзей, а множесиво ненавидящихъ враговъ.

Но мнѣ не о томъ хошѣлось знашь. Я спросиль, сочиненіе мое принесешъ
Часть I.

310773

болѣ ли *пользы* или вреда? Мнѣ отвѣ-
чаютъ что *болѣ пользы*. И шакъ пусть
напечапають оное.

Ежели великой души человекъ не бу-
дешь одобряшь мое сочиненіе за то, что
я былъ слишкомъ оспорожень, или же
упустилъ нѣкоторыя важныя истины,
то пусть вспомнишь, что „шотъ свѣшь
„который бы его просвѣшилъ, могъ бы
„ослѣпить другихъ.„ — Естли кшо при
спрогосни своихъ правилъ спанешь меня
укоряшь въ нарушеніи благоприспой-
ности, что легкимъ слогомъ описывалъ
важныя предметы, что крайне снисхо-
дителенъ былъ къ слабостямъ человеке-
скимъ, или что упошребилъ нѣкоторыя
черпы ложнаго блеска вредящія проспо-
шѣ, — то пусть вспомнишь, что дабы
наспавляшь надобно нравиться, чтобы
убѣждашь надобно привлекашь чипаше-
ля, и что снисходительность въ малыхъ
дѣлахъ даетъ болѣе вѣсу большимъ.

Всякому другому кришику опвѣш-
ствую: *созините лучше*, и я буду чипать
вась съ удовольствіемъ и признашель-
ностью.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Страхъ и желаніе суть двѣ главнѣйшія пружины человѣческихъ дѣяній. Страхъ предполагаетъ зло, а желаніе добро. Какъ узнать истинное зло и благо? Какія есть средства къ избѣжанію перваго и къ приобрѣшенію другаго? — Сіе изслѣдованіе есть главный предметъ философіи, которая не извѣдая никакой истины, особенно познаніе чловѣка полагаетъ наукою, мудрость предметомъ, нравственность средствомъ, и можетъ быть названа училищемъ благополучія или свѣтскаго общежитія.

Прочія науки имѣютъ временную пользу; сія же непремѣнную.

„Она приличествуетъ всякому Государству, всякому возрасту и всякому сословію.„ Нѣтъ минуты въ жизни, гдѣ бы не служила она пушеводи-

шелемъ; она наславляетъ насъ какія
должности слѣдуетъ исполнять, какія
удовольствія вкушать и какихъ опа-
сностей избѣгать; она украшаетъ на-
ше существо, возвышаетъ душу къ ея
источнику, отдѣляетъ ея отъ жало-
сти и презрѣнія достойныхъ бездѣлицъ
забавляющихъ простолюдиа. Ея созер-
цаніе всегда доставляетъ разуму пищу,
кошорая его укрѣпляетъ, занимаетъ и
ушѣшаетъ. — По ея независимости
отъ людскихъ мнѣній свергаетъ она
иго предразсудковъ и мнимыхъ нуждъ;
научаетъ насъ наслаждаться невинны-
ми забавами безъ порабощенія себя
онимъ, и благоразуміемъ предупрежда-
етъ скорьбь. Она дѣлаетъ намѣренія
наши непоколебимыми, наше благопо-
лучіе пріятнѣйшимъ; уменьшаетъ лю-
тосць злосчастнаго рока, и соединяя
наше блаженство съ блаженствомъ дру-
гихъ, неизбѣжимыя наши спраданія
орошаетъ источникомъ будущихъ оп-
радъ и ушѣшеній. Она научаетъ насъ
безъ сокрушенія покаяться судьбамъ
неисповѣдимаго промысла, соображаетъ

наши желанія и поступки съ нашимъ положеніемъ; живишь мирно и спокойно съ другими и съ собою; прощаешь собственныя глупости и съ кротостію переносишь несправедливости другихъ, оказывая имъ услуги, любовь и сожалѣніе.

Но какъ со временемъ все перемѣняется, то и слово *философія* или *любомудріе* получило почти совсѣмъ иное значеніе. Въ наши времена Физика и Математика похитили ея престолъ, которымъ еще въ прежніе вѣки завладѣла щемная схоластика. Ежелибы Сократъ, Эпикуръ или Зенонъ возвращались къ намъ, и еслибъ мудрецы сіи могли чему удивляться, то изумились бы видя что Логикъ, Алгебраистъ или Дисциплинаръ присвояющъ себѣ болѣе права называться философами.

Древніе не имѣли никакого понятія о силѣ притягательной и электрической, о призмахъ и горячемъ веществѣ воздуха, но они болѣе занимались происхожденіемъ существъ, раз-

сужденіемъ о настоящей цѣли оныхъ,
о истинѣ и правосудіи, о благѣ и злѣ,
о частномъ и общественомъ благо-
получіи; особливо же превзошли они
насъ въ великодушныхъ усиліяхъ со-
единяшь примѣры съ правилами. До-
стопамятно что Ликургъ, величайшій
законодатель, Гомеръ, превосходнѣй-
шій стихотворецъ, Конфуцій, перь-
вѣйшій нравоучитель, и естественная
вѣра основанная на ошвлеченнѣйшихъ
понятіяхъ Физики и Метафизики
древнихъ Персовъ и Халдѣевъ, равно
относясь къ опдаленнѣйшимъ вре-
менамъ историческаго вѣроятія. Сра-
внивая даже самыя заблужденія древ-
ней философіи намъ извѣстной съ ше-
ствіемъ разума человѣческаго, мы най-
демъ, что оныя болѣе принадлежатъ
къ эпохѣ паденія наукъ, нежели къ на-
чалу оныхъ. Сіе могло бы насъ заспа-
вить думать, что существовали наро-
ды просвѣщеніе насъ.

Нынѣшнія открытія важны, хотя
несколько доказаны, какъ то пола-

гающъ. Невтонъ былъ первѣйшій Математикъ, Боергавъ проницательный Химикъ, Монголфье щасливый Геній; но хошябъ спали называшъ меня невѣждою, шо при семъ единственномъ достоинствѣ не могу я ихъ называшъ философи. Умствованія Невтона шоль же слабы, сколь глубокомысленны математическія его исчисленія; онъ не имѣлъ смѣлости дѣлать какія либо предположенія о перьвой движущей силѣ припягательности, опредѣляя законы оной; принялъ основаніемъ неясную причину, коея извѣстныя дѣйствія немного извяснили, и паки повергнулъ физику въ пошвенныя свойства перинапезизма. (*) Темношъ предметовъ имѣ описываемыхъ, народное предубѣжденіе Англичанъ, и излишнія похвалы Вольшера, кошорый шомо любилъ хвалишъ прошивоположныя его роду знанія, болѣе спосѣшествовали славѣ Невтона, нежели подлинное его достоинство.

(*) Ученіе Аристотеля.

Истинная цѣна философическихъ сочиненій опредѣляется не по степени изобрѣшенія, но по вліянію на благополучіе и усовершенствованіе рода человеческого. — Безъ сомнѣнія, познанія о штыгши воздуха, о раздробленіи разносоставныхъ шѣлъ до первобытныхъ веществъ оныхъ, о раздѣленіи цѣтшовъ солнечныхъ лучей; какъ и шѣ, что взаимная пришнягательность шѣлъ сосшоишѣ въ прямомъ содержаніи къ массѣ оныхъ, и въ обратномъ содержаніи квадрата разстояній, разширили предѣлы наукъ. Сіи высокія изобрѣшенія могутъ на время забавлять малое число глубокомысленныхъ испытателей; но они понынѣ мало способствовали къ содѣланію насъ лучшими и благополучнѣйшими. Съ другой стороны, полагая върояшнымъ, что нынѣшнія наши познанія за нами слѣдуютъ, и при будущемъ существованіи поспешенно будутъ усовершенствованы, то сіи изобрѣшенія еще мало важнѣе шановяшся. Тогда Невтонѣ покажешся уже небольшимъ Матема-

шикомъ, который измѣрилъ частицу
проспрансхва, и на догадкахъ осно-
валъ законы, по коимъ движущся апо-
мы. Тогда величайшій физикъ содѣ-
лывается маловажнымъ испытаниемъ,
опкрывшимъ нѣкоторыя свойсхва ве-
щесхва, коего измѣненія, происходя
опъ сшени спужи или шеплошъ,
зависятъ опъ большаго или мѣньша-
го распоянія опъ фокуса, и въ буду-
щее время можетъ быть не будущъ
имѣшь никакого сходсхва съ прошед-
шими явленіями. — Какая польза про-
изпекаетъ опъ прочихъ наукъ, кошо-
рыя суть принадлежности истинной?
Напрощивъ шого Сократова, Маркъ-
Аврелія, усугубляетъ свой блескъ, по-
тому что наука о справедливости и
несправедливости объемлетъ вселен-
ную и сближаетъ насъ съ Божесш-
вомъ; она одна не подвержена презрѣ-
нію, каковы бы ни были соотношенія
ея къ вышнему Сущесшву.

Математика, Физика и прочія къ
онимъ принадлежащія науки служатъ

преддверіемъ храма мудрости, а наука нравственности есть святылище онаго. Причины преобразования сихъ причинъ относящія къ варварскимъ временамъ. Когда суевѣріе и деспотизмъ соединились для порабощенія разума, тогда умствовашь сдѣлалось преступленіемъ. Гражданинъ уже не смѣлъ разсуждать о священныхъ правахъ природы: человекъ исполненный благоговѣнія не дерзалъ возноситься духомъ къ Звѣздному всего видимаго; онъ нашелся принужденнымъ порабощить правила свои о настоящемъ и будущемъ благополучіи владычествующимъ заблужденіямъ властолюбія, скупости и невѣжества. Тогда надлежало опровергать философію, и при невозможности оную совсѣмъ уничтожить, преобразовали ея свойство. Самыя ясныя понятія зашмелись; остроуміе замѣнило основательность, слова вещи, различія правила; бесполезныя обряды истинныя обязанности; и частныя даянія, общественныя добродѣтели. Темница сдѣлалась сильнѣйшимъ

доказательствомъ, коспертъ заключе-
ніемъ. Противъ подобной Логикѣ фа-
нашикъ можешъ упорствовать ; но
мудрый съ спенаніемъ покаряется.

Нынѣшніе противники философіи
хотя и не столь жестоки, но не менѣ
шого опасны. Глупцы, невѣжи, зависш-
ливые, вершопрахи и многіе полагающіе
свою пользу въ томъ, чпобъ другіе не
думали, пришворно обращающъ оную
въ смѣхъ, кошорый часно не безъ при-
чины падаешъ на Автора ; но никогда
на науку. Правила ея могушъ бышь
ложны по слабому смяу Автора, но осно-
ваніе оной непремѣнно ; и доколѣ бу-
душъ сущесствовашъ важныя истины,
по цѣль оныхъ не можешъ бышь хи-
мерою, даже и тогда, когда не дости-
гнушъ до оной. — Дѣйствія необходимо
должны имѣшь причины, а причины
дѣйствія: почему сіи сущесства шакovy,
а не иныя, и чшо между различными
средствами нѣкопорыя вѣроятнѣе дру-
гихъ. А пошому усиліе къ изысканію
оныхъ имѣешъ постоянный предметъ,
и тогда даже когда бываешъ безуспѣшно.

Никогда совершенно не обвемлютъ истину сію, по сближающся къ ней, по удаляющся отъ нея: не можно никогда достигнуть до совершенства, но можно содѣлаться лучшимъ. — Нѣтъ никакого мудраго, кошорый бы часно не обнаруживалъ своихъ нелѣпостей; но между имъ и глупымъ, между честнымъ и худымъ, много степеней различія; и безъ сомнѣнія лучше занимають первыя нежели послѣднія, и заблуждаются иногда, нежели часно или всегда.

Порицающій философію не примѣчаетъ того, что самъ шцился философствовать, и по доразумѣваемому признанію пріемлетъ онъ, что во всякой вещи болѣе или менѣе можно доказывать утвердительно и отрицательно истину и ложь; ибо безъ того на что же и изслѣдовать?

Почти все то что происходитъ на свѣтѣ, раждается отъ умствования. — Въ совѣсахъ Государей, послѣ опредѣлительныхъ разсужденій, хорошихъ

или неосновательныхъ, дѣлается рѣ-
шительное поспановленіе, равно какъ
и въ обыкновеннѣйшихъ поспупкахъ.
— Все различіе между мыслію шисне-
ніемъ или словами изображенною со-
споимъ въ томъ, что въ перьвомъ
случаѣ должно основательнѣе вникашь
въ оную, ибо лучше цѣнишь можно то,
что мѣдленно обдумывающъ и попра-
вляющъ, нежели что слегка извѣсны-
ющъ въ обыкновенномъ разговорѣ. —
Испинное знаніе собспвенно еспъ не
что иное какъ усовершенспвованное
поняшіе.

Досповѣриѣйшій признакъ глупо-
сти и развращенія народа еспъ всеоб-
щее равнодушіе къ умспвеннымъ про-
изведеніямъ, которыя обыкновенно на
свѣшѣ болѣе имѣющъ вліянія нежели
какъ то думаютъ. Ученѣйшіе люди со-
дѣйспвовали достопамятнѣйшимъ пе-
ремѣнамъ. Александръ Македонскій,
Юлій Кесарь, Карлъ Великій, Петръ
Великій, и многіе другіе были самыя
ученѣйшіе мужи своихъ вѣковъ. Въ

наши времена видимъ мы самое цвѣ-
щущее правленіе памѣ гдѣ Государи
наиболѣе просвѣщены; пошому что
„превосходство силъ, (какъ говоритъ
одинъ неизвѣстный Авторъ) „всегда
„наконецъ переходитъ на ту сторону,
„гдѣ превосходящія способности.“

Нравственность споль врожденна
человѣку, что нѣтъ ни одного шака-
го, который не зная сего, не посвѣ-
щаль бы всю жизнь на изученіе ея;
и ежели онъ ошибается въ своихъ за-
ключеніяхъ, шо отъ того, что огра-
ничиваясь обыкновенно собственною
опытностію, или находясь въ шѣсномъ
кругу своея жизни, не воображаетъ
себѣ другихъ правилъ и нравовъ какъ
токмо друзей, родственниковъ и всѣхъ
шѣхъ, кои имѣютъ съ нимъ отно-
шеніе, и по симъ мнимымъ образцамъ
судитъ о всемъ что есть или быть
должно. Напрошивъ того просвѣщен-
ный нравочитель шципся основашь
свои правила на опытѣ разныхъ на-
родовъ и изящнѣйшихъ мнѣніяхъ фи-
лософовъ всѣхъ вѣковъ.

Нравственность раздѣляютъ на богословную и философическую. Первая различается по принятымъ исповѣданіямъ: другая же почти у всѣхъ народовъ единообразна, потому что доказательства свои извлекаетъ изъ простыхъ понятий о справедливости и истинѣ, кои Всевышнее Существо запечатлѣло въ душахъ нашихъ, и называется иначе *разумомъ*, который есть способность различать истину отъ лжи. Слабый въ отроческихъ лѣтахъ, спраши обуевающъ оный въ зрѣломъ возрастѣ, въ насигающей старости охладѣваетъ, отъ болѣзней повреждается, и къ большому несчастію находимъ мы его противоположнымъ въ различныхъ мѣстностяхъ величайшихъ людей объ однихъ предметахъ. (*) —

(*) Сии противоположныя сужденія нигдѣ столь не ощутительны какъ въ полипическихъ прѣвнностяхъ многочисленнаго сословія. Но какъ здѣсь такъ и въ другихъ мѣстахъ противоположность не столько зависитъ отъ степени способности, какъ отъ причины приводящей оное къ дѣйствию. Одинъ пріем-

Все сіе долженствуешъ возбуждашь въ насъ благоразумную недовѣрчивость къ собственнымъ своимъ сужденіямъ. Гдѣ найши такую истину, которую не можнѣ было поколебать умствованіями, или нелѣпое предложеніе, которое бы не утверждали съ нѣкоторою вѣроятностію?

Но не смотря на сію сомнительность разума, токмо онъ есть свѣтильникъ мрака разсѣвающій: его употребляющъ къ убѣжденію, чѣмъ мы не руководствовались онымъ. И дѣйствительно, ежели я неизбѣру его пушеводилемъ, то что предохранитъ меня отъ заблужденія? — Ежели я буду вѣришь принятымъ обычаямъ и внушеніямъ моихъ наставниковъ, при-

летъ въ предметъ пользу, другой справедливость, а прешій благоразуміе. Одинъ робокъ, другой смѣлъ; тотъ пріемлетъ въ уваженіе выгоду нѣкоторыхъ гражданъ, другой пользу всего Государства; а большая часть помышляющъ о собственной своей пользѣ, которая различествуетъ у нихъ по владычествующимъ спростамъ.

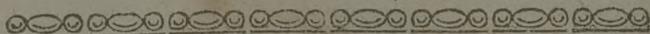
мѣру моихъ предковъ, по правила мои
будущѣ зависимы отъ случайности ро-
жденія. Я буду Антропофагомъ между
дикими народами Америки, идолопо-
клонникомъ между язычниками, Му-
сульманомъ въ Азіи, Христіаниномъ
въ Европѣ, Кафоликомъ въ Золотурнѣ
и Протестантомъ въ Бернѣ.

Не взирая на сіе удивительное раз-
личіе мнѣній между людьми, есть одна-
кожъ вещи относящіяся къ разуму,
въ коихъ они согласны. — Никакой на-
родъ еще не полагалъ, чтобъ прихвще-
ніе и благошворительство, честность
и плутовство, знаніе и невѣжество,
мужество и шрусость, были одно и
тоже. Въ семъ смыслѣ можно упопре-
бить древнюю пословицу, что *гласъ*
народа, гласъ Божій.

Примѣчанія достойно то, что хо-
тя догматы болѣе отвлекали отъ вѣ-
ры, нежели содѣлывали къ ней привер-
женными тѣхъ, кои опровергали оныя
противными догматами, но никогда

никакая секта не дерзала оспаривать
начальныя основанія нравственности;
всѣ почитаютъ ее подпорою частнаго
и общественнаго благоденствія. Книги
исполненныя Атеизма представляютъ
намъ удивительнѣйшія ошоры опроверженія.

И такъ съ достоверностію можно
заклѣчить, что есть правила незави-
симыя отъ мѣстъ, временъ и обстоя-
тельствъ, составляющія чистѣйшее
извлеченіе разума и средоточіе въ коемъ
соединяются всѣ наши душевныя спо-
собности; единомысліе всѣхъ народовъ
по сему предмету есть вѣрнѣйшее въ
шомъ ручательство. — И мы пошчимся
разверзати сіи правила.

О добродѣтели.

Важнѣйшій предметъ философіи состоитъ въ томъ, чтобы имѣть ясное понятіе о добродѣтели. Безъ сего основанія все зданіе колеблется; вмѣсто истинныхъ обязанностей полагаютъ мнимыя, и при желаніи добра дѣлаютъ зло.

Добродѣтель есть ни что иное какъ твореніе добра.

Добро можетъ быть то, что способствуетъ къ общему благополучію.

Слѣдовательно добродѣтель есть склонность души къ общему благу.

Также: порокъ есть ни что иное какъ злотвореніе.

Зло есть то, что вредитъ общему благу.

Слѣдовательно порокъ есть всякая склонность стремящаяся къ разрушенію общаго блага.

Я говорю *общественное благо*, или *всеобщее благополучіе*, попому что малое добро должно бытъ пожертвовано большему, ибо случисься можешъ что частная польза вредна общей.

Я говорю *склонность*, попому что особенно побудительная причина нами руководствуешъ и опредѣляешъ цѣну нашимъ поступкамъ, кои могутъ бытъ полезны, не бывъ добродѣтельны; — вредны не бывъ порочны: ибо ежели при зломъ намѣреніи, по невѣденію сдѣлаюшъ добро, то не менѣ того виновны будучъ; а равнымъ образомъ и противоположно.

Единое желаніе, когда оно преклонно къ добру, сближается къ самому поступку. — Не бытъ мстительнымъ отъ страха, или за неимѣніемъ къ тому средствъ, и не угнѣташъ по безсилію, сущъ дѣйствія случая, которыя не могутъ бытъ личными дѣяніями, попому что оныя виѣ насъ. — Равномѣрно же и доброе намѣреніе или искреннее же-

ланіе дѣлапъ добро, хотя бы и оспа-
лось безъ дѣйствія, всегда почипается
добродѣшелью, ежели неисполненіе она-
го зависипъ опъ судьбы, ибо мы мо-
жемъ опвѣпспивовашъ шокмо за нашу
волю.

Также весьма нужно дапъ шочное
поняпше о *всеобщемъ благѣ*, заключаю-
щемъ въ себѣ многія частныя. Сіе сло-
во часшо упопребляется во зло, и оп-
дѣляя опъ общества сперва одно лицо,
пошомъ многихъ людей разнаго состоя-
нія, обращающъ оное наконецъ въ ни-
чшо. — Вредишь одному безъ нужды
для многихъ, значишь вредишь Госу-
дарству, и услуживашъ одному или мно-
гимъ на щепъ бѣльшей части людей,
есть порокъ, а не добродѣшель.

Положимъ на примѣрѣ, что вамъ
предоставлено право назначипъ кого
либо къ гражданскому мѣшпу, и вы
къ оному опредѣлише неспособнаго: вы
благодѣшельспвуеше ему, но вредише
обществу, кошорому причиняеше оскор-
бленіе въ шомъ, что для него есть наи-

драгоценнѣйше, и именно *въ хорошемъ
управленіи дѣлъ*, и будете учасниками
несправедливости, которую вами
опредѣленный учинишь по невѣжеству
или подлости.

Нѣтъ философическаго правила, ко-
торое бы можно было безъ извѣстнаго при-
мѣнять ко всѣмъ обстоятельствамъ,
кромѣ единого того, чтобы всегда соо-
бразять свои поступки съ *обществен-
ною пользою*. Сіе одно правило безъ из-
ключенія; для руководства просвѣщен-
наго человѣка довольно сего; всё прочія
суть слѣдствія онаго. — Оно можетъ
быть названо *правиломъ всѣхъ правилъ*,
или основаніемъ нравственности: но
не смотря на мнимую ея простоту, для
употребленія оной нужны превосходныя
знанія. — Обыкновеннаго ума человѣка
долженъ предоставлять верховной вла-
сти, или же познаніямъ самыхъ про-
свѣщенныхъ философовъ, опредѣленіе
важнѣйшихъ предметовъ, помня что
хотя сущность и дефиниція онаго и
непремѣнна, но правила могутъ быть,

различны въ отношеніи къ обществен-
ной пользѣ, пошому что вещи необхо-
димы въ одно время, могутъ быть
пагубны въ другое, и что разными спо-
собами можемъ мы достигашь одной
цѣли.

О И С П И Н Ъ.

Въ разсужденіи большей части лю-
дей можно уиодобить истину про-
спранной поверхноспи, въ коей каждый
усматриваетъ токмо малую частицу,
по которой судитъ о всемъ положеніи.
— Истина есть обширный ландшафтъ,
коего перспектива, виды и опшѣнки
до безконечности различествуютъ, су-
дя по пункту, съ котораго оную раз-
сматриваютъ. — Одинъ видѣлъ то,
другой другое, каждый утверждаетъ
свое опкрытіе, наконецъ разгорячаюш-
ся и возстаютъ другъ противъ друга;
всѣ правы и неправы.

Одинъ дѣлалъ свои наблюденія изъ глубины пропасти, другой съ равнины, прешій съ возвышеннаго мѣста. Смѣлѣйшій восходитъ на опасную вершину, гдѣ пьшаясь чистымъ воздухомъ отдѣленнымъ отъ всѣхъ смрадныхъ частицъ, паритъ на безпредѣльномъ горизонтѣ; и искусствомъ вспомошествовая своимъ естественнымъ способностямъ, посредствомъ зрительной трубы открываетъ тысячи предметовъ укрывающихся отъ простыхъ глазъ, и угадываетъ многіе другіе миліоны, которыхъ никогда не различитъ и познать не можетъ.

Умственные заблужденія гораздо обыкновеннѣе нежели чувственные, и вообще все великое превышаетъ понятие простолюдима. — Сократъ и другіе превосходные философы не имѣли многихъ послѣдователей; но Магометъ при своемъ невѣжествѣ основалъ самую многочисленную секту на землѣ. — Не мудраго Ликурга, или инаго великаго законодателя законы распространились

и вошли къ намъ въ употребленіе, но педанша Θεодосія и свирѣпнаго Юстиніана. — Ежелибы истина низошла съ небесъ обитавъ между нами, по должнабъ была явиться сперва въ видѣ безразсудности, дабы не почли ее самою глупостью.

Сомнѣніе о своихъ познаніяхъ есть первый шагъ къ мудрости. Курсъ нравственной Географіи и Хронологіи долженствовалъ бы предшествовать изученію оной: по есѣ по общему обозрѣнію земнаго шара, она служила бы къ сразненію мнѣній разныхъ народовъ, ихъ источника, противоположности успѣховъ и паденія, и наконецъ къ извлеченію простѣйшихъ поняшій; — врожденныя идеи суть слѣдствіе нашей нашуры, драгоценныя дары нашего Творца, коихъ всѣ проповѣдники лжи и угнѣшатели разума не могли совершенно истребить.

Древніе изображая намъ истину во всей ея простотѣ, оставили намъ при-

мѣрѣ, кошорому мы не слѣдуемъ. Сверхѣ личности благоразумія опягчаемъ мы оную излишними украшеніями, и она столь же порабощена модѣ какъ и щеголиха. — Философѣ, дабы согласишь свои желанія съ обычаемъ, разсмаприваетъ ее въ естественной ея нагощѣ, и насладясь всѣми ея прелестями, покрываетъ ее блестящею бронею, грубою одѣждою, или понкимъ флеромъ. Наша зашѣвчивость въ семъ случаѣ подобна спыдливости шѣхъ женщинѣ, кои обращаясь въ любовныхъ дѣлахъ, дѣлаются скромнѣе когда ихъ красота увядаетъ, увѣрены будучи, что воображеніе больше послужитъ въ ихъ пользу, нежели самая сущность. — Въ разсужденіи же излишней понкости въ пріяпностяхъ выраженій, привлекающей насъ болѣе къ словамъ нежели къ вещамъ, болѣе къ оборотамъ нежели къ доказательствамъ, то она есть признакъ испорченнаго вкуса, а не усовершенствованія онаго. — Особливо въ важныхъ изысканіяхъ о наукахъ, дѣлахъ или добродѣтели, остроуміе

къ разуму есть то, что румянѣ къ красотѣ: прельщаемѣ при первомѣ взглядѣ, при второмѣ наскучаемѣ, а наконецъ производимѣ и отвращеніе.

О предразсудкахъ.

Самыя вышшія истины для простаго народа ничто иное суть какъ предразсудки, пошому что онѣ приемлемѣ оныя, равно какъ и заблужденія, безъ всякаго размышленія. Онѣ мыслимѣ такъ или иначе, не по разсудку своему, а по привычкѣ; и замѣчанія доспойно, что живописное всѣхъ болѣе къ челоуѣку подходящее, болѣе всѣхъ склонно къ подражанію.

Ничто не унижаетъ такъ разумъ челоуѣческій, какъ всеобщее сходствіе мнѣній и вѣры жишелей цѣлыхъ странъ. — Въ одномъ народѣ, въ одномъ городѣ все согласуется между собою въ своихъ мнѣ-

нїяхъ и правилахъ, а въ нѣкопоромъ ошѣ онаго разспоянїи, другой городѣ, другой народѣ слѣдуешѣ правиламъ совѣмъ прошивнымъ, и каждый изъ нихъ совершенно увѣренъ въ справедливости своихъ. Сколько спранныхъ обычаевъ, нелѣпыхъ мнѣній, или опвраишельныхъ гнусностей и безчеловѣчїй въ прежнихъ вѣкахъ постановлены были законами и одобряемы народами. — Если гдѣ въ обычаѣ обожаютъ кошекъ, луковицъ, или быка (какъ шо было прежде у Египтянъ), шо всѣ повергающя шамъ предъ ними, называя нечестивыми и варварами шѣхъ, кои инаково съ ними разсуждающъ.

Сїе неоспоримымъ служилъ доказательствомъ, сколь ненадежно и сомнительно извѣстное правило, что *надлежитъ слѣдовать своей совѣсти*. — Будемъ увѣрены, что она не будучи сама управляема, весьма худой для насъ душеводитель. — Когда у Грековъ, Картагенянъ и почти у всѣхъ сѣверныхъ народовъ Богомъ Орусу, Арголосу, Кро-

носу, Мелеку, Тору и Водену кровавыя приносимы были жершвы, когда храмы ихъ обагряемы были кровію невинныхъ, гдѣ мать приносила въ жершву дочь свою, а сынъ опца; или въ новѣйшей исторіи, въ шѣ злополучныя времена гоненій за вѣру, когда другъ обнажалъ мечъ пропиву друга, брашъ умерщвлялъ брата; когда у Албійцевъ вѣшали, жгли, рѣзали, сажали молодыхъ дѣвицъ на колъ, вырѣзывали у нихъ груди, жарили и ѣли оныя, — тогда умоизскупленные сіи мнили слѣдовашь своей совѣсти.

Мы шрепещемъ ошѣ ужаса, слыша какъ Каннибалы, опмщевая плѣннымъ своимъ непріятелямъ најжесточайшимъ образомъ, по неслыханныхъ надъ ними мученіяхъ, превращающъ шѣла ихъ себѣ въ пищу, — но мы безчеловѣчные, развѣ забыли что исторія наша, проклятія достойная, изобилуетъ всѣми сими мерзосшями, и что просвѣщеніе наше и побудительныя къ тому причины содѣлываютъ насъ еще виновѣе.

— Но и не напоминая чипашелю о гнусныхъ сихъ дѣянiяхъ, мы безпресшанно имѣемъ предъ глазами видимые доказательствва, сколь невѣренъ сей нашъ пушеводитшель. — Истина вездѣ одна, а совѣсть различесвуенъ до безконечности: она не одинакова въ Римѣ, въ Лондонѣ и Констаншинополѣ. Еще болѣе показываешъ по примѣрѣ двухъ просвѣщеннѣйшихъ націй. Въ Калѣ проклинаятъ то, что въ Дуврѣ почищаютъ святымъ; что во Франціи почищается *набожностію и мудростію*, то въ Англіи называютъ *суевѣріемъ и невѣжествомъ*.

Но разсматривая сіе въ обширнѣйшемъ видѣ, находимъ до 100 миліоновъ жителей Востока, кои перзаемыбъ были раскаяніемъ, ешьлибъ спали порицанъ Магомеша, а мы всегда говоримъ что онъ былъ обманщикъ, не чувствуя онъ того ни малѣйшаго зазрѣнiя совѣсти. — А такъ же и съ другой стороны до 700 миліоновъ людей презирающъ наши главнѣйшія догматы

вѣры, и сколько же увѣрены въ свято-
сти своихъ, какъ и мы думаемъ объ на-
шихъ. Если согласишь совѣсти самой
большей части рода человѣческаго, то
и то не можешь быть вѣрнымъ дока-
зательствомъ ея справедливости.

Ученые имѣютъ также свои пред-
разсудки, какъ и невѣжи: суевѣрный
вѣритъ многому, безбожный не вѣритъ
почти ничему. Есть заблужденія, ко-
имъ великъ слѣдовать обычай, и ста-
ринныя истины, которыми общена-
родное мнѣніе вѣритъ преиспещуемъ:
человѣкъ истребляетъ даже предраз-
сужденія свои другими предразсудками.
Могъ ли бы когда подумать Аристо-
пель, что Невтонъ раздробитъ лучъ
свѣта, а сей послѣдній повѣрилъ ли
бы чибъ возможно было плавать по
воздуху? За нѣсколько лѣтъ еще по-
лагали сіе въ числѣ пустыхъ химеръ,
а теперь мы видимъ, что подымающіяся
на воздухоплавательныхъ шарахъ до
1500 шаговъ. Кто можетъ знать, до
какой степени совершенства доведено

будетъ сіе новое открытіе? Кто знаетъ сколько другихъ гораздо важнѣйшихъ въ послѣдствіи времени найши будетъ можно?

Крестьянинъ вѣритъ слѣпо во все мѣсяцословнымъ знакамъ, а полученный не хочетъ даже вѣрить вліянію луны на землю: онъ слушаетъ перваго съ улыбкою сожалѣнія, и старается доказать ему, что шло опстоящее отъ насъ болѣе нежели на 90 тысячъ миль, и совершенно опдѣленное отъ земнаго шара, не можеть никакого имѣть надъ нами вліянія; но вѣрныя доказательства убѣждаютъ болѣе догадокъ. Прозябаніе расшѣній бываетъ скорое или шихое, смотря по измѣненіямъ луны; а Океанъ даетъ намъ вѣрное доказательство, что приливъ и отливъ морей находится въ соотношеніи съ сею планетою, равно какъ обращеніе крови въ женскомъ полѣ сообразуется съ перемѣнами душевныхъ онаго расположеній. Все это знаютъ, а мало кто размышляетъ сколь сіе странно.

— Не восходя до причинъ слишкомъ опвлеченныхъ, кажешся чшо можно показашь шому довольно вѣрояшныя: чѣмъ болѣе луна спановишся полною, шѣмъ болѣе бываешь преломленія лучей: чѣмъ сильнѣе лучи преломляются, шѣмъ болѣе свѣшу; и никакому сомнѣнію не подвержено, чшобъ свѣшъ, шеплоша и все принадлежащее къ спихи огня, не было однимъ изъ перьвыхъ дѣйспвующихъ орудій природы, и не могло произвесть въ воздухъ и другихъ жидкихъ веществвахъ различій, производящихъ сіи дѣйспвія.

— — — — —
— — — — —
— — — — —
— — — — — . Сии приведенные мною примѣры, къ коимъ можно присовокупить множество другихъ, должны насъ содѣлать крайне оспорожными въ нашихъ мнѣніяхъ, ибо менѣе изъ нихъ находишся достовѣрныхъ, нежели какъ суевѣрный полагаешь, и болѣе возможныхъ, нежели сколько мнимый философъ думаешь.

Не спанемъ дѣлашь предположеній,
не разсмопрѣвѣ напередъ оныя; опшверг-
немъ по, что прошивно разуму, и ру-
ководспвуясь имъ, воздержимся опъ
предубѣжденій. — Извѣвимъ уваженіе
наше людскимъ мѣнїямъ, хопшбъ оныя
ложны были, когда шокмо они споспѣ-
шеспвуютъ блугу общеспва. — Лучше
слѣдовашъ полезнымъ предразсудкамъ,
нежели испинѣ испребляющей оные.

О мнѣніи.

Одно изъ благошвореній природы
ешъ то, что большая часть нашего
благополучія зависилъ опъ сужденія
объ насъ другихъ. Опъ сего успано-
вилась взаимная зависимость, побужда-
ющая насъ оказывашъ другъ другу снп-
схожденіе, и даетъ другимъ нѣкошорой
родъ власпи награждать поспупки на-
ши похвалою, или наказывашъ хулою.

Мы можемъ полагать благошвореніе сіе въ числѣ нѣхъ многихъ, копорыя во зло употребляемъ, и оно содѣлалось обильнѣйшимъ источникомъ заблужденій, пресупленій и несчастій.

Человѣкъ оспашаея всегда посредствомъ, ежели не свергнешъ съ себя нѣсколько иго народнаго *мнѣнія*: чрезмѣрная сія зависимость содѣлываетъ насъ робкими, полагаетъ преграды познаніямъ, и порабощаетъ насъ своеправію перьваго глупца, копорый захочетъ надѣ нами издѣваться, и клеветника копорый захочетъ насъ обезславити: благополучіе наше спановится тогда спольже непоспояннымъ, какъ и народная молва.

Честное имя безъ сомнѣнія есть драгоценное добро, но что въ немъ, когда каждый коварный клеветникъ можетъ у насъ его похишить? Одобреніе таковаго есть обида, и шокмо похвала честныхъ людей должна быть для насъ лешна; но сіи споль же оспоржно

хвалящѣ, сколь оспорожно мнѣніе перемѣняющѣ. — Чшо обѣ васѣ говорящѣ и мыслящѣ, не усугубляещѣ и не уменьшаещѣ истинной цѣны вашего достоинства: хвалищѣ ли или хулищѣ васѣ спанущѣ, вы останетесь тѣмѣ же человекомѣ. Ежели вы шаковы, какимѣ быщѣ должны, шо не будеще унывать ошѣ злословія, и не возгордищѣ ошѣ похвалы.

Вѣ свѣтскомѣ общежитіи несколько одобряющѣ вышшія добродѣтели, сколько низшія, какѣ на примѣрѣ, оспорожность, скромность, учтивость и благоприсойность. Не считающѣ великимѣ человекѣ, о кошоромѣ всякой хорошо ошзывается: онѣ вѣроятно долженѣ быщѣ слабодушнымѣ и посредственнымѣ: великодушные люди имѣющѣ друзей ревностныхѣ и враговѣ ненавидящихѣ. — Не имѣющѣ также предубѣжденія презирающѣ того, кого злорадно преслѣдуещѣ: онѣ безѣ сомнѣнія имѣещѣ какое либо свойство великой души, и гонимѣ завистью

и местию. Люди охотиѣ прощаютьъ несправедливосць, нежели оскорбленіе причиненное ихъ самолюбію.

Полезно обращать вниманіе на сужденія другихъ о нашихъ искреннѣйшихъ друзьяхъ и коропкихъ знакомыхъ. Тогда увидимъ мы, что они въ оныхъ различествують какъ черный цвѣтъ отъ бѣлаго. И какъ бытъ имъ единообразіе, когда въроятно то, что нѣтъ двухъ человекъ на землѣ, которые бы совершенно одинаково судили объ одномъ хотя не много связаномъ предметѣ нравственности; и даже тогда, когда кажешся намъ, что они согласуются въ заключеніи, то побудишельныя причины бывають различны. Чшобъ бытъ истиннымъ цѣнителемъ достоинства, надобно имѣть рѣдкую проницательность ума; а чшобы выхвалять отличнымъ образомъ, надобно самому заслужить отличную похвалу: ибо какъ всякой въ другомъ почитаетъ шокмо превосходныя по мнѣнію его качества, то случается чшо глупецъ спараясь

васъ превозноситъ, будетъ васъ порицать.

Разсмапривая какимъ образомъ занимающся другими, легко можемъ свергнушь опасный и безпокойный предразсудокъ, что нами много занимающся. Ежели свъкъмъ случилъсѣ важное произшествіе, какъ напимърѣ бракосочетаніе, опредѣленіе къ мѣсту, какая либо потеря и шому подобное, по каждый спѣшилъ извѣяишь пріемлемое имъ въ шомъ учаспіе; но не обольщайшесь симъ наружнымъ пришворствомъ. Разсмотрише подробнѣ ревностнѣйшаго комплиментшисша, всшупише свъ нимъ въ разговоръ о предметѣ, которыи его восхищаль или приводилъ въ сокрушеніе, вы легко примѣшисше равнодушіе, холодность, можешъ бышь скрышную радость въ несчастіи, и почти всегда зависъ въ благополучіи (*).

(*) Одинъ изъ достойнѣйшихъ людей лѣжалъ вчера на одрѣ смерти; я провелъ вечеръ свъ искреннѣйшими его друзьями; но они по обыкновенію своему играли въ кадрилъ и были довольно

Мало таковыхъ людей, которые бы не считали себя весьма важными особами, достойными вниманія и незаслуживающими бышь замѣшанными въ полпѣ. Можешъ бышь высокое мнѣніе о насъ самихъ сполькоже неосновашельно какъ и ихъ? Вопервыхъ увѣримся, что другіе еще менѣе нами занимающся нежели мы ими; что имѣя въ предметѣ собшвенную свою пользу и изнемогая подъ бременемъ своихъ безпокойствъ, мало имѣющъ они чувствительности къ другимъ, и что сердца ихъ оспающся хладными, когда уста извѣяють дружбу, нѣжностъ и сожалѣніе.

Ежели вы желаете узнать, что думаетъ или будетъ мыслишь публика о какомъ либо поступкѣ или произшествіи до васъ относящемся, то пред-

веселы. На другой день онъ умеръ: я видѣлъ родственниковъ его, которые болѣе думали о наслѣдствѣ нежели о своей потерѣ, и друзей, которые при томъ болѣе себя нежели его жалѣли; а послѣ похоронъ никто не будетъ о немъ и думать.

спавше, что другой кто, а не вы, естъ дѣйствующее лице, попомѣ удалите всякое чувствованіе нѣжности, великодушія, и философическое просвѣщеніе: извѣяйте при помѣ нѣкошорую зависль и шайную склонность къ злословію и насмѣлкѣ: предметѣ который предспавишся вамѣ, будешѣ точно шаковѣ каковымѣ публика васѣ разсмашривала. Сіе правило рѣдко можешѣ обманушѣ вообще. Въ разсужденіи часпнаго челоѣва, шо ешли онѣ соперникѣ или врагѣ вашѣ, присовокупите къ сему сокровенную оправу упонченной клеветы, ложь и ухищренную ненависть, часно сокрышую подѣ личиною снисхожденія и благосклонности. Правда, что друзья ваши должны бы произвешѣ прошивное сему впечатлѣніе; но судя обѣ оныхѣ вообще, не слишкомѣ полагайтесь на нихѣ: ревностнѣйшіе извнихѣ часно полагаютѣ великодушнымѣ усиленѣ и самое молчаніе, или ежели равнодушно и ошорочно за васѣ всшупятся; ибо, говоряшѣ они, опасно вмѣшиватся въ чужія дѣла.

Сіе гнусное, но кѣ несчастію весьма справедливое изображеніе, ежели вы имѣете великаго свойства душу, должно возбудить въ васъ слѣдующія чувствованія: — сперва негодованіе, потомъ ненависть къ людямъ, за шѣмъ енисхожденіе, или лучше сожалѣніе о нихъ, и наконецъ пвердое намѣреніе слѣдовашь природнымъ склонностямъ, согласуя оныя съ своими обязанностями, и не заботясь много о болшлавой молвѣ.

Вѣрнѣйшій признакъ величія души есть могущество, постоянно противоборствоващъ обольщенію примѣра, ѣдкости насмѣшекъ и владычеству предразсудковъ. — Къ чему послужитъ просвѣщеніе, еспли желаніе сохраничь ложное почтеніе людей воспрепятствуешъ слѣдоващъ правиламъ, онымъ предписуемымъ? Все равно, бышь заблуждающимся невѣжею, или просвѣщеннымъ, кошорый вѣдаешъ въ чемъ состоитъ добро, но по малодушію онаго не дѣлаешъ.

Разсмотримъ подробности сію публику, и приговоры ея покажутся намъ не столь ужасными. Она есть нѣкоторый родъ чудовища составленнаго изъ несогласныхъ часшей и самыхъ противоположныхъ крайностей. — Мужина и женщина, дика и старикъ, безбожный и суевѣрный, Капуцинъ и Пешименръ, судья и пляжущійся; болшливый по природѣ, своенравный по карактеру, эхо первой молвы и лжецъ по привычкѣ; шопъ копорому прудно угодишь, другой копорого легко обманушь; неблагодарный и медлѣнный въ воздаяніяхъ. — Вошъ неспройныя чершы сего столь спрашнаго призрака, и шаково есть упованіе челоѣка особенно, что говоря объ ней много худаго, не опасаемся никого обидѣшь, пошому что каждый спашишь себя выше просшолюдима, копорого обвиняешъ въ невѣжесшвѣ и несправедливости, дабы не измѣришь все просшрансшво шого достшойнсшва, о копоромъ всякой столь сильно о себѣ увѣренъ. Но ежели она несправед-

лива въ несчастіи, по опасность содѣ-
льваетъ ее правосудиѣ; составляющія
ее части сами по себѣ приѣмлютъ свой-
ственный имъ видъ: прѣзрѣнныя дарова-
нія паки приходящъ въ уваженіе;
спрахи заспавляются умолкнушь за-
висшь, а необходимость просвѣщаетъ
въ нуждѣ.

Во ожиданіи сихъ рѣдкихъ случа-
евъ, не пренебрежемъ малыя; по благо-
разумію спанемъ примѣняясь сей пу-
бликѣ; принесемъ ей въ жертву без-
дѣлицы, никогда же должности наши;
спанемъ опасаться хулы, но презримъ
ее, когда честь намъ по повелѣваетъ;
возвѣдемъ мужество даже и улыбаемъ
ся ложнымъ догадкамъ, когда можемъ
сказать самимъ себѣ: *Я сдѣлалъ все
то, къ чему долгъ мой меня обязывалъ.*

Наконецъ спанемъ сообразоваться
обычаямъ во всемъ помъ, что не про-
тивно разуму, нашимъ склонностямъ
и вкусу; не будемъ казаться спра-
ными въ бездѣлицахъ: это болѣе щце-

славіе, нежели благоразуміе, и заспа-
вляешъ думашъ, что мы неспособны
къ важнѣйшимъ дѣламъ. „Повѣрь миѣ,
„говорилъ нѣкошорый отецъ своему
„сыну, спремившемуся къ славѣ опли-
„чить себя; въ глупостяхъ все здѣла-
„но и обдуманно, оспается только
„спрранность бытъ добродѣтельнымъ.„

О главнѣйшихъ качествахъ человѣка.

Главнѣйшія его качества суть *до-
бродушіе, знаніе и мужество*: или въ
другихъ словахъ *благосклонность, муд-
рость и твердость духа.*

Добродушіе есть усердіе споспѣше-
ствовать благополучію другихъ. Отъ
него происходитъ все нравственное ве-
личіе: ибо безъ желанія бытъ добродѣ-
тельнымъ къ чему послужаѣ намъ
познанія о добродѣтели?

Но сіе желаніе оспається безв дѣйствія, ежели разумъ онымъ не руководствуемъ: безв просвѣщенія добродушіе естъ слабость, оно ошибается въ своихъ предметахъ, не знаетъ средствъ къ достиженію оныхъ, и часто при самыхъ чистосердечныхъ намѣреніяхъ дѣлаемъ зло.

Не довольно того, чтобъ желать добра, и имѣть необходимыя познанія; главнѣйшій пунктъ состоимъ въ исполненіи: для сего нужно мужество. Слабодушный унываетъ отъ препяпсвій, „онъ споль много зависимъ отъ „мнѣнія, своихъ нуждъ и безопасно„спи,“ что не можешъ бытъ постояннымъ въ своихъ намѣреніяхъ.

Безв добродушія и мужества, познанія сущъ токмо суетное украшеніе. Безв просвѣщенія и мужества, *благоклонность* токмо бесполезное желаніе: мужество же безв добродушія и просвѣщенія спремится къ разрушенію общественныхъ связей; изъ чего про-

изходишь необходимость ихъ соединенія.

Прочія добрыя качества происходятъ отъ сихъ трехъ главныхъ: какъ то отъ добродушія: *сожалѣніе*, содѣлывающее насъ чувствительными къ спраданію другихъ; *милосердіе*, помогающее имъ въ нуждѣ; *гестность* или *правосудіе*, почишающее правъ оныхъ; *благодарность*, признапельная къ благодѣяніямъ; *дружба*, соблюдающая пользу другихъ какъ свою собственную; *устивость*, спарающаяся угождать, и вообще всѣ *свѣтскія добродѣтели*, распроспраняющія свои пріятности на кругъ нашего общежитія.

Знаніе производишь *благоразуміе*, кошорое съ мудросію избираетъ, предвидишь препяшствія, и знаетъ средства избѣгать оныя; *снисходительность*, кошорая почишаешь погрѣшности нещастіями, сожалѣетъ и прощаетъ оныя; *великодушіе*, спремящееся къ испинному достоинству; *познаніе теловѣка*, искореняющее въ насъ пред-

разсудки; *умѣренность*, упреждающую крайности и уменьшающую наши нужды; *простоту*, образъ истины; *величіе души*, предпочитающее честь выгодѣ; *вѣротерлимость*, прошивоположенную суевѣрію, и *ловиновеніе* законной власти, основанной на необходимости законовъ, къ охраненію общесшвеннаго спокойствія служащихъ.

Просвѣщенное мужество производитъ *владыгество надъ страстями*; *праводушіе*, гнушающееся хипроспью; *безкорыстіе*, прошивоположенное подлости; *гистосердечіе*, неробѣющее говорить полезныя истины; *дѣятельность*, умножающую плоды прудолубія; *постоянство*, пребывающее непоколебимымъ въ похвальныхъ намѣреніяхъ; *терпѣніе*, переносящее то чему не можешъ возпрепятствовать; *неустрашимость*, всегда спокойную среди опасносшей; *любовь къ отечеству*, являющую рвеніе къ общесшвенному благу, и *геройство*, приносящее себя въ жершву оному.

Мы находимъ много честныхъ лю-
дей; мало знаковыхъ, кои бы были чест-
ны и просвѣщены; но когда увидимъ
добродушнаго, мудраго и великой души
человѣка, то сіе едва ли не чудомъ по-
чищаемъ. О юноша горящій желаніемъ
прославиться! *вотъ цѣль къ которой*
ты стремишься долженъ, и гдѣ слава
и щасіе себя ожидающъ.

О истинномъ и ложномъ достоинствѣ.

Почтеніе къ самому себѣ, безъ ко-
его нѣсть истиннаго благополучія, мо-
жетъ токмо основываться на чувст-
вованіи собственнаго достоинства. Вся-
кой принужденъ признавать сію исти-
ну; но нѣтъ ни одной, копорой бы съ
большимъ искусствомъ старались из-
бѣгать; и какъ всякой имѣетъ какое
либо качество, „опличающее его отъ

„простолоудима, то и почитаетъ сіе
„качество важнѣйшимъ, и шокмо оное
„сравниваетъ съ другими.“

Смѣха достойное зрѣлище представилось бы намъ, ежелибъ мы могли проникнуть въ тайныя побудительныя причины, на коихъ каждый основываетъ свои права къ уваженію. Входишь въ таковыя жалоспныя подробности, значилобъ унизить достоинство философіи; но къ несчастію оныя необходимо нужны для познанія челоуѣка, и производящъ маловажныя разсужденія, касающіяся до великихъ дѣлъ.

Одинъ занявъ собою попому что причесанъ и одѣтъ по модѣ, что имѣетъ спройный станъ, что пріятно танцуешъ, или же хипросыями обольстилъ нѣсколько невинныхъ жершвъ: онъ полагаетъ себя весьма превосходнымъ предъ шѣмъ, коего непреклонная честность ему извѣстна; но онъ смотришь на то, что сей неловко кланяется, или же что цѣвшъ его плашья

вышелъ изъ моды: можетъ быть вспо-
минаетъ онъ, что имя его двумя ли-
перами менше, или что оно не столь
приятно для слуха, какъ его. Я знаю
одного человѣка опличившагося полез-
ными дарованіями; но онъ болѣе ува-
жаетъ превосходство свое въ бильбо-
кешной игрѣ нежели другія свои каче-
ства, потому что первый въ ней
игрокъ. Одинъ шокмо разъ случилось
мнѣ спорить съ однимъ изъ моихъ
почтеннѣйшихъ друзей, по той причи-
нѣ, что я утверждалъ, что бумажныя
вырезки, въ чемъ онъ искусенъ, опас-
нѣе отъ рисунковъ, ибо они не имѣютъ
ни пѣней, ни блеску. Наконецъ я, кри-
тикующій другихъ, я очень помню, что
предъ симъ большимъ пребывалъ отъ
товарищей моихъ уваженія, когда но-
силъ большой эпoletъ съ бахрамою,
нежели когда имѣлъ маленькой: и нѣтъ
мѣсяца какъ я примѣнилъ, что смѣле
шелъ, и съ большею довѣренностію яв-
лялся въ собраніяхъ, потому что фракъ
на мнѣ былъ новый, а уборъ наряднѣе;
можетъ быть это было отъ того, что

подражалъ глупосшямъ другихъ; но слѣдствія сущь почти одинаковы.

Часно мнимое наше достоинство основываемъ мы на качествахъ, коихъ не имѣемъ. Робосшь почишаемъ мы осторожностію, плуповсшво *благоразуміемъ*, надмѣиносшь *важностію*, грубосшь *гисосердегіемъ*, жемансшво *пріятносшю*, пышносшь *свѣтскимъ обращеніемъ*. Жершвудя общесшвенною пользою выгодѣ своихъ друзей или своего семейсшва, почишаемъ себя *добрыми сынами отечества*: расшочая государсшвенныя сокровища, шщеславимся своею *щедросшю*; особливо же всякъ думаетъ, что имѣетъ превосходный разумъ, а всякой знаетъ, что ничего нѣтъ рѣже какъ обладать онымъ.

Мы спремимся еще далѣе. Нерѣдко видимъ, что перьвѣйшія и знашнѣйшія особы въ государсшвѣ шщеславяшся даже самыми своими пороками, и обнаруживающъ то, чего не могутъ скрышь: никакое пресшупленіе для нихъ

негнушно, еспли оно подѣ прикрасою оспроумія или содѣйствуется съ прилпностію и ловкостію; они щцеславяшя своимѣ развращеніемѣ, своею лѣностію, невѣжествомѣ, распуштствомѣ, жестокосердіемѣ или безбожіемѣ: всякое честное правило для нихѣ презрительно; они осмѣивающѣ разсужденія благоразумнѣйшихѣ людей, и при единомѣ словѣ добродѣтели начинающѣ зѣвать. — Ежелибѣ злотворный духѣ хотѣлѣ воспріянь образѣ человека, то бы не могѣ явишься подѣ опаснѣйшимѣ покровомѣ.

Самое названіе достойнаго человекѣ заключаетѣ въ себѣ значеніе онаго. Достойнымѣ человекомѣ можетѣ бышь названѣ тотѣ, который полезными качествами заслужилѣ почтеніе и признательность себѣ подобныхѣ. — Всякая благодарность предполагаетѣ полученныя благодѣянія или склонность къ извѣвленію оныхѣ. — И такѣ единая добродѣтель естѣ истинное достоинство; безѣ оной всякое высокое

миѣніе о насѣ самихъ есть ни что иное какъ бредъ нашего самолюбія.

Чѣмъ болѣе при склонности къ благопворенію оказываемъ мы благодарній, тѣмъ превосходнѣе спановиися наше достоинство: оное часпію зависитъ отъ судьбы, пошому что она даруетъ намъ власъ для того нужную; но единственнo намѣреніе есть дѣйствительное достоинство, пошому что оно токмо отъ насъ зависитъ, и мы обязаны нѣкопорою признапельностію всякому желающему бытъ полезнымъ, даже и въ шакомъ случаѣ, ежели его положеніе не спосѣшешвуешъ сердечнымъ его желаніямъ.

Порода, богатство, могущество, тогда заслуживаютъ наше уваженіе, когда мы сіи преимуществва употреблемъ ко благу общества; безъ чего необходимо слѣдовало бы заключить что и подлѣйшіе злодѣи или безумнѣйшіе могутъ бытъ достойные люди, ибо ничто не препяшшвуешъ имъ бытъ

высокой породы, богатѣйшими или знашными. — Ученые также не заслуживающъ нашего уваженія, еспли успремяющъ вниманіе свое къ маловажнымъ изслѣдованіямъ или предметамъ суешнаго любопытства и тщеславія. Много есть ученыхъ въ бездѣлицахъ, коихъ глубокія свѣденія споль же мало пользы приносящъ, какъ и невѣжество другихъ. Они все знаютъ, но не умѣющъ разсуждать, обращаясь и живъ съ подобными себѣ.

Къ чему послужитъ намъ что вы знаете восемь или десять языковъ, и каждую звѣзду по ея названію, каждую эпоху по ея времени, или таблицы логарифмовъ и синусовъ? Какая будетъ отъ того польза, что вамъ извѣсны формы Цекропсовыхъ спремьнъ, соразмѣрности Фригійскихъ вазъ, и даже самыя развалины Пальмиры? — Ограничьте себя сими науками, значите подражать ремесленникамъ, копорые запасаются инструменшами, не употребляя ихъ въ пользу. — Но сіе меня

забавляеніѣ, говорите вы, о эшо правда: но вы требуете уваженія, и вы неправы. Ежели плоды вашихъ наукъ не переходящъ предѣловъ вашего кабинета, шо пространство онаго должно опредѣлить степень вашей славы и мѣру нашей признательности.

Ученый уступаетъ въ достоинствѣ Генію ; но заслуги полезнаго человѣка превышаютъ достоинства какъ шого такъ и другаго. Я сомнѣваюсь, не болѣе ли оказали услугъ роду человѣческому Драке привезшій въ Европу картофели, или Анахарзисъ, изобрешеніемъ колеса для горшечниковъ, нежели законодатель прищипательныхъ и опщипательныхъ силъ.

Испинно-ученые люди, ежели честность ими не руководствуемъ, заспавляютъ насъ шѣмъ болѣе ихъ ненавиждѣшь, пошому что они имѣютъ болѣе возможности вредить, и что сіе могущество равнымъ образомъ можетъ

бышь удѣломъ самой подлой души. Таковымъ былъ бы полипической ораторъ, упошребившій дарованія свои къ угнѣшенію своего отечества, или мздоимный ходашай, который попирая ногами правосудіе и ослѣпленный сребролюбіемъ, упошребилъ бы свое вишійство въ пользу злодѣя, для приписанія невиннаго. — Вышшая степень учености и невѣжества, добродушія и жестокосердія, не составляютъ еще двухъ крайностей нравственнаго свойства: есть степень гораздо низшая злобнаго невѣжи, то есть злобнаго просвѣщеннаго человека.

Самыя угнѣшительныя изъ истинныхъ различій, суть тѣ, кои токмо случаю приписать можно, какъ то: богатство и дворянство. — Бѣдность есть бремя заславляющее насъ медлительно влачиться тамъ, гдѣ другіе лѣпаютъ, или лавировать, гдѣ они прямо плывутъ. Просонародное имя, хотя оно само по себѣ ничто иное какъ пустой звукъ въ воздухъ, бываетъ однако

безпрестаннымъ препятствіемъ; оно предупреждаетъ прошиву васъ, хотя васъ и не знаютъ, преграждаетъ пути къ повышеніямъ, къ союзамъ и наконецъ погубляетъ фамилію оное имя носящую.

Но съ другой стороны, прослая порода болѣе заслуживаетъ наше уваженіе, ибо при равныхъ усилкахъ шолъ болѣе приобрѣтаетъ славы, кто болѣе преодолѣлъ препятствій. — По утонченному щеславію, надлежало бы иногда скрывать свое воспишаніе, чинъ и имущество. — Сія низкая порода была однимъ изъ лавровъ увѣнчавшихъ Сократа, Платона, Эпикура, Эпиктета, Катона, Пифагора, Камилла, Маріа, Цицерона и многихъ другихъ мудрыхъ и Героевъ. Кто шесствуемъ по ихъ слѣдамъ, можетъ ихъ почитать своими предками. Словарь великихъ людей есть его родословное древо, и онъ можетъ себѣ избрать девизомъ: *Родъ мой не знатенъ былъ; но я содѣлалъ его знаменитымъ.*

Опытъ доказываетъ намъ, что добродѣтели и дарованія предковъ рѣдко къ потомкамъ ихъ переходящъ. Ровоамъ былъ сынъ Саломона; Коммодъ, Маркъ - Аврелія; Калигула, Германика; Рихардъ, Кромвель; и проч. Сынъ можетъ имѣть совсемъ противоположную своему свойству, равно какъ добродѣтели одного вѣка могутъ быть сѣмьянами пороковъ послѣдующаго.

Подчиненный не рѣдко можетъ сказать своимъ начальникамъ: какая мнѣ въ томъ нужда, что предки ваши опличили себя достоинствомъ, ели вы сами заслуживаете презрѣнiе? Не ужели по качествамъ умершихъ долженъ я судить о живыхъ? Какая мнѣ нужда что вы имѣете миллионы, шиплы, рабовъ, палаты, ежели блескъ вашъ прискорбно напоминаетъ мнѣ мое бѣдствiе, и ежели превосходство вашихъ дарованій и могущества не имѣетъ другаго предмета, кромѣ того, чтобы лишить меня драгоцен-

ныхъ благъ свободы, собственности и равенства (*)?

При равныхъ достоинствахъ, богатый и дворянинъ должны однакожъ имѣть нѣкоторое преимущество въ опредѣленіи къ общественнымъ должностямъ. Имъ болѣе оказывающъ уваженія и повиновенія, они не сполько подвержены обольщенію и ими не споль легко управлять можно: также обыкновенно во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ видна нѣкоторыя сановитость и ловкость, копорыя сами по себѣ хопя и маловажны, но заслуживающъ однакожъ нѣкоторое уваженіе по вліянію на народъ, копорымъ споль же легко глазами, какъ и разумомъ управлять можно (**).

(*) Здѣсь Авторъ разумѣетъ не мнимую во Франціи существовавшую вольность и равенство; но гражданскую свободу, по коей всѣ подданные *равно* должны зависѣть отъ законовъ.

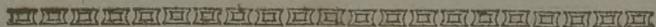
Примѣч. Перевод.

(**) У Грековъ и Римлянъ доходъ опредѣлялъ степень дворянства: оно не было преимуще-

Сколь мало не достойные вельможи заслуживающъ, чшобъ воздавали имъ почшеніе, споль напрошивъ того должны мы уважать испинныхъ вельможъ, оказывая имъ почшеніе, помощь и защиту. Ихъ дѣло есть дѣло ошечесшва; споспѣшесшвуя предпріятіямъ, или распросшраня славу ихъ, споспѣшесшвуемъ мы дѣяніямъ ихъ на пользу общую понесеннымъ. — Но въ разсужденіи перьвыхъ, не забудемъ что

ство жалуемое за добродѣтели или заслуги предковъ; но приобрѣталось шокмо имѣніемъ. Въ Римѣ по закону Росція было постановлено, какое имѣніе надлежало имѣть чшобъ быть Рыцаремъ, или ежели кто былъ Рыцаремъ, чшобъ быть Сенаторомъ. — Въ Англіи почши шже самое. Законами и обычаемъ постановлено, какое имущество надбно имѣть чшобъ быть присяжнымъ, Членомъ Парламенша или Перомъ. Хотя сіе правило весьма недосшпатчно въ подробностяхъ, но не такъ прошивно разуму, каковымъ оно на перьвый взглядъ кажется; потому что при одинакихъ способностяхъ, богатый долженъ вообще имѣть болѣе возвышенности въ чувствованіяхъ, болѣе познаній и средствъ къ исполненію своей должности.

мы обязаны имѣть снисхожденіе ко
слабостямъ каждаго. — Помыслимъ
что опасно противоборствовать вве-
деннымъ обычаямъ и непросвѣщенной
власти. — Не станемъ рабски пресмы-
каться предъ знатными; но будемъ
благоразумны и учтивы. Изъявимъ
иногда по благоразумію то, что про-
сполудимъ оказывать по невѣжеству.
— Наконецъ „предоставимъ всѣ сіи
„маловажныя опличія шѣмъ, кои
„не могутъ достигнуть высокихъ“ и
прудясь безъ подлости о нашемъ воз-
вышеніи, никогда не упустимъ изъ ви-
ду, что общесшвенная польза есть един-
сшвенная мѣра истиннаго достоинства.

О благополучіи.

Всякой человекъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ постоянно спремится къ достиженію благополучія: но что оно споль рѣдко, то сіе происходитъ отъ того, что мы будучи творенія несовершенныя, обыкновенно ищемъ его тамъ гдѣ искасть не должно; и что ложное разсужденіе внушая намъ ложныя желанія, заставляешъ насъ гоняшся за мечшою, тогда когда думаемъ слѣдовать за истиною.

Благополучіе болѣе состоитъ въ чувствованіи, нежели въ положеніи въ которомъ находимся; болѣе въ нашемъ о вещахъ сужденіи, нежели въ нихъ самихъ. — Фортуна можетъ споспѣшествовать оному; но не содѣлать: она можетъ намъ даровать наружность, а не сущность благополучія: ибо инако было бы оно соразмѣрно чину или мѣ-

спу нами занимаемому; но досповѣр-
ный опытъ доказываетъ, что средня-
го соспоянія люди болѣе ощущаютъ
удовольствій, нежели вышшаго званія,
гдѣ спраспи сильнѣе господствуютъ,
нужды непомѣриѣе, и наслажденія не
споль естественны. — Какъ наше зва-
ніе не опытъ насъ зависитъ, а честполю-
біе есть одно изъ золъ угнѣпающихъ
человѣчество, по необходимо нужно
удосповѣришься въ сей истинѣ: къ
щасію нашему мало есть шаковыхъ,
кои бы возможно было доказать убѣ-
дительнѣе и яснѣе.

Всѣ мы не можемъ быть богаты-
ми и знатными; и въ этомъ нѣтъ
большой нужды. Правосудіе Всевышня-
го Существа между различными соспо-
яніями постановило равновѣсіе добра
и зла, содѣлывающее оныя почти рав-
ными: наиболѣе сожалѣнія достойны
двѣ пропивоположенныя крайности;
блаженнѣйшее соспояніе есть тихая
умѣренность, равно опдаленная опытъ
зависши и опытъ презрѣнія.

Знашный, обращая на себя внима-
ніе публики, лишается своей свободы;
подчиненъ принятымъ обыкновеніямъ,
придворнымъ обрядамъ и жеманству
почесшей. Сердце его спѣснено даже
въ самыхъ еспешвенныхъ наслаждені-
яхъ, какъ на примѣрѣ въ довѣренно-
сти, въ дружбѣ, въ любви, въ попече-
ніяхъ о пропитаніи и пріятностяхъ
домашней жизни. Чувства его припу-
тлены; заботы его дѣйствительныя,
слава мечпательная; грусти снѣдаютъ
его сердце; уваженіе оказывается его
званію, но самое возвышеніе онаго ум-
ножаетъ его попеченія и зависимость.
— Средопочіе съ кошораго взираемъ
на благополучіе а часшо и на самое до-
стоинство знашныхъ, состоить въ
обратномъ содержаніи физическаго гла-
зомѣра: издали кажутся они намъ ко-
лоссами, а въ близости пигмеями. —
Ежелибы возможно было проникнуть
въ глубину сердець, и измѣрить удо-
вольствія, шо часшобъ въ удивленіе
приходили, видя на кого падаютъ боль-
шія жребія.

Порфира не преляшпвуешъ спановишься каждый день спарбе 24^ю часами, и еспшли шо бываешъ съ большимъ блескомъ, шо обыкновенно съ меньшою веселоспшо и спокойспвиешъ. — Ежелибъ поселанинъ или мѣщанинъ, вечеромъ послѣ дневныхъ спудовъ, съ женою и дѣшми своими, наслаждаешъ прохладнымъ воздухомъ у порога своихъ ворощъ, могъ сравнишь и изчлишь прискорбныя и прляшныя чувспвованія, кошорыя въ шошъ же день ощущали большая частъ Монарховъ, шо удивилсѣ бы узнавъ, что онъ болѣе прляшныхъ минушъ имѣлъ: и шокомо шакъ должно судишь о своей судьбѣ, ибо чему должно завидовашъ, еспшли не благополучно?

Въ общежитіи богатство шакже не имѣешъ болѣе испинныхъ выгодъ: оно опносительшо къ шому роду людей, съ коими мы принуждены бываешъ обращашъся, и удовольспвіе чувспваемое при пріобрѣшеніи, бываешъ соразмѣрно имѣнію, коимъ мы владѣли.

Часть I.

6

Король присовокупивъ провинцію къ державѣ своей, менѣе пользуется сею выгодою, менѣе наслаждается щастіемъ нежели помѣщикъ распроспранившій границы владѣній своихъ, или ремесленникъ прибавившій нѣсколько земли къ своему огороду. Дѣвочка благополучнѣе съ своею ленточкою, нежели Принцесса при всѣхъ своихъ алмазахъ; роскошный богачъ, коего сполнѣ изобилуешъ вкуснѣйшими яствами, гдѣ пресыщаются шунейдцы, не сполнѣ ощущаешъ истинныхъ удовольствій, какъ подмасперье, который въ воскресенье въ загородномъ пракширѣ угощаешъ поварища своего бушылкою вина.

Даже въ самыхъ горестныхъ положеніяхъ есть небольшія услажденія, о коихъ нельзя себѣ вообразить находясь въ лучшемъ состояніи. Заключенный въ темницу, удручаемый бѣдностію, спраждающій болѣзнію, имѣющій удовольствія неизвѣстныя человѣку свободному, богатому и здоровому; но имѣя извѣстныя и спраданія, коихъ ужасъ

долженъ привесѣть въ шрепешѣ вино-
вниковъ оныхъ.

Ежели спанемъ возходипѣ къ исто-
чнику свойственнѣйшихъ людямъ не-
щасній, по увидимъ, что оныя обы-
кновенно производяшъ отъ собствен-
ныхъ ихъ слабостей. Почти всѣ мы
жалуемся; но еслибъ безприсрасшно
разсмапривали самихъ себя, по увидѣ-
ли бы, „что исправивъ себя, облег-
чили бы и свою участь.“ Конечно
есть бѣдспвія зависяція отъ судь-
бы; но разсмопримъ обстоятельно
собственныя свои, и тогда долж-
ны будемъ признашся, что сами
много онымъ способспвовали: по край-
нѣй мѣрѣ всегда бывающъ способы, ко-
торыя отъ насъ самихъ зависяшъ, по
есть: переноситъ оныя съ поспоян-
спвомъ и спокойспвіемъ, свойствен-
нымъ великимъ душамъ. Большая часть
нещасній исчезающъ, ежели мы не хо-
шимъ почишатъ оныя шаковыми. —
Кто болѣе спраждешъ во время бури?
Трусъ ли, который сокрываея въ са-

момъ низу корабля, спонешъ, прене-
щешъ и ошчаяваешся или неустраши-
мый, который съ вершины палубы пре-
зираешъ ярость воздымающихся волнъ,
не спрашашь чшобъ оныя могли поко-
лебашъ его мужество? Ежели мачшы
сломаяшся и послѣдуешъ кораблекруше-
ніе, перьвый въ многвеніе низвергаешся
въ бездну: но другой находшъ еще
способы къ своему спасенію, онъ схва-
тываетъ доску, играешъ волнами, бу-
дучи игралищемъ оныхъ, хладнокровно
презираешъ ихъ ярость, и упорно про-
тивоборспвуя онымъ, спокойно ожида-
ешъ послѣдствія, будучи швердо увѣ-
ренъ, что подверженъ опредѣленіямъ
справедливаго провидѣнія; и что попу-
щеніе онаго ешъ благо. Впрочемъ ка-
кое зло могушъ они ему причиншъ?
Смерть! Но спѣишъ-ли шруда зани-
машься споль много шакою маловажною
вещію?

По мнѣнію Эпикура, благополучіе
ешъ *тѣло безболѣзненное, душа безмя-
тежная.* Мы не можемъ сомнѣвашься

чтобы обыкновеннѣйшая причина болѣзней нашихъ не была невоздержность, и что заботы, досады, спрахи, сѣшванія и снѣдающія желанія большею частію происходятъ отъ пороковъ и необузданныхъ склонностей, какъ на примѣрѣ отъ скупости, невѣжества, честолюбія или недосыатка свѣтскихъ добродѣтелей. — Декартъ полагалъ благополучіе въ *Чувствованіи нашихъ совершенствъ*. И такъ почерпнемъ оное въ самомъ его источникѣ, и не исключая чувственныхъ удовольствій, будемъ увѣрены, что пріятнѣйшія ощущенія и нѣжнѣйшія наслажденія извѣсны только честному и просвѣщенному человеку, и что всякой другой не можетъ себѣ даже и вообразить оныхъ.

Одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ достиженію благополучія, есть то, что можетъ быть нѣтъ человека, который бы не гнался за химерою нигдѣ не существующею: онъ составляетъ ее въ воображеніи своемъ изъ всѣхъ благъ разсѣянныхъ въ природѣ. Желалъ бы

имѣть одного видѣ, дарованія, богатства; другаго имя, званіе, довѣренность, познанія, иногда умѣ, рѣдко добродѣтели. Въ другомѣ мѣстѣ завидуешь щастливому супругу, опцу, свободному человѣку; онѣ соединяешь вещи самыя рѣдкія и самыя несогласныя, какѣ шо: удовольствія уединенной жизни и шумнаго общежитія, свободу и честолюбіе: — изѣ сихѣ частей составляешь цѣлое, съ копорымѣ сравниваешь свое положеніе, и неудивительно, что находишь оное шога нещастнымѣ. Нѣтъ ни одного человѣка, копорый бы не имѣлъ какихѣ либо преимуществѣ, внушающихѣ въ другихѣ зависть, и коихѣ цѣну онѣ самѣ не чувствуешь. Родѣ жизни, копорымѣ скучаешь одинѣ, составилѣ бы верховное благополучіе другаго.

Судя шаковымѣ образомѣ о положеніи нашемѣ мы весьма ошибаемся: часшо говорено, не надобно шокмо шотрѣшь на вышшихѣ себя, но вокругѣ себя. Надобно разсмашривать людей

вообще, и спросишь себя: сколько таковыхъ, съ коими бы я во всемъ промѣнялся, какъ въ страданіяхъ ихъ, такъ и удовольствіяхъ? Ежели число тѣхъ съ коими бы мы не желали промѣняшь участъ нашу есть большее, то тогда мы несправедливо ропщемъ; ибо по какому праву претовашъ можемъ бытъ благополучнѣе нежели большая часть рода человѣческаго?

Другой предразсудокъ, болѣе свойственный юношѣ, есть пошлѣ, что онъ воображаетъ себѣ младость счастливѣйшею эпохою въ жизни. По моему мнѣнію, въ зрѣломъ возрастѣ, между тридцатымъ и пятидесятымъ годами имѣемъ мы лучшее понятіе о пріятности жизни. Удовольствія не столь пылки и живы, но истиннѣе; не столько жертвуемъ мы наружности, сколько самой сущности: мало по малу исчезаютъ досады и неудовольствія происходящія отъ ложнаго познанія о человѣкѣ, суешныхъ предпріятій и надбѣдъ: не столько бываемъ подвержены

послѣдствіямъ безразсудности и менѣе порабощены сужденію другихъ. — Даже самая дряхлоспъ имѣетъ свои пріапшности; нѣкоторая чувствительность при воспоминаніи о самомъ себѣ есть усладительнѣйшая. Ежелибъ въ семъ возрастѣ не ощущали мы удовольствій, то спалили бы съ шолікимъ сердечнымъ сокрушеніемъ разсваваться съ жизнью?

Разсмотрѣвъ все, рѣшительно сказать можно, что вѣрнѣйшій путь къ достиженію благополучія, есть правота. — Конечно, въ совершенно разращенномъ обществѣ, гдѣ угнѣшеніе, нечеспіе, подлоспъ и хипроспъ называюща блаторазуміемъ, мудростію и знаніемъ свѣша, можешъ быть что непоколебимая и опкровенная добродѣпель, которая гнушаеша пройсками и не много заботится о томъ, *что другіе говорятъ стануть*, будетъ преградою къ достиженію щастія. Тотъ, который всегда предпочишаешъ честь корысци и добродѣпель лести, бываешъ

ужасомъ низкихъ душъ, а иногда и предметомъ ихъ ненависти. Есть гнусные люди, которыхъ единый взоръ честнаго челоуѣка приводитъ въ смятеніе, и для коихъ самое большое преступленіе есть истинное достоинство. Но къ счастью нашему находимъ мы и великодушныя сердца, къ коимъ имѣемъ свободный доступъ тогда шокмо, когда докажемъ что достойны онаго; и наконецъ ежели честности не оказываюшъ всегда виѣшнихъ воздаяній, то внутреннія бываюшъ непреложны. Нѣшъ чувствованія благосклонности, которое бы не сопровождалось сокровеннымъ удовольствіемъ; нѣшъ исполненной обязанности, коея воспоминаіе насъ бы не утѣшало.

Сравнимъ въ важныхъ случаяхъ, поступки честнаго челоуѣка съ бездѣльникомъ. Какое величіе души найдемъ въ перъвомъ, какое благородство въ чувствованіяхъ, какое спокойствіе духа въ несчастіи, какая умѣренность въ благополучіи! въ другомъ же, какія

низкія намѣренія и подлые способы! какая боязнь обнаружитъ себя, какое малодушіе въ несчастіи, какая надменность и злоупотребленіе при могуществѣ! Если онъ падетъ, всё его осмѣиваютъ; напрошивъ того добродѣтельный въ несчастіи уноситъ съ собою сожалѣнія всѣхъ честныхъ людей, чувствованіе своего достоинства, и даже уваженіе самихъ своихъ враговъ. Противопологая мужество, добродушіе и шерпѣніе несправедливости, доказываемъ что мы ихъ превосходимъ, тогда даже когда ихъ жертвою бываемъ.

Ничто споль не доказываетъ истинную связь благополучія съ добродѣтелію, какъ единообразное значеніе оныхъ. — Для пріобрѣтенія какъ того, такъ и другой, нужны добродушіе привлекающее благосклонность, честность пріобрѣтающая уваженіе, познанія исстребляющія заблужденія, умѣренность упреждающая крайности; наконецъ твердость духа, коего препяспівія не могутъ поколебать, ниже не-

щаспія вѣ уныніе повергнушь. — Разсмашривая такимъ образомъ достпойнѣйшія качества и чиспѣйшія испочники блаженства, по шѣсной связи оныхъ, можемъ увѣриться, что истинная добродѣтель и истинное благополучіе сущь почти не разлучны.

Впрочемъ не спанемъ увеличивашь степень свойственнаго намъ совершенства. Легче нежели мы себѣ воображаемъ, можно быть изъ первѣйшихъ людей на свѣшѣ. — Я прошу остановишься здѣсь чинашеля, и не судишь по обманчивой славѣ; но пусть проникнешь онъ вѣ сокровенные изгибы сердца челошеческаго и вопросишь самаго себя, кто есть совершеннѣйшій изъ извѣстныхъ ему людей? Онъ удивишься нашедъ сколь мало и сей самый добродѣтеленъ.

Владычество надъ нашими спрашьями бываешъ всегда весьма ограничено. Мудрый шакже преклоненъ спра

спямъ, какъ и обыкновенный человѣкъ, вопреки утвержденію надменнаго сподвижника; но онъ ими, а не они имъ управляющъ. Онъ не свободенъ въ устахъ; но душа его благородна и независима. Не богатъ въ бѣдности, но ограничивая свои нужды, она для него не столь ошлагошительна. Не равнодушенъ въ скорби и горести, чувствуетъ несчастіе, спрашивается и избѣгаетъ онаго; но не усугубляетъ оное воображеніемъ и малодушіемъ. Наконецъ мужество и благородіе его также подвержено человѣческой бренности; онъ иногда впадаетъ въ заблужденіе, потому что человѣкъ, но не столь часто, и въ самыхъ его заблужденіяхъ видно свойство великой души.

Къ несчастію, подвержены мы болѣе горестямъ, нежели удовольствію: чрезмѣрные спраданія могутъ быть долговременны, пріятныя наслажденія обыкновенно скоро исчезаютъ; привычка прищипываетъ ихъ, а крайность въ оныхъ обращается въ скорбь. — Чув-

спвишельнымъ людямъ всего пруднѣе переносишь по положеніе, когда исполнялся всѣ ихъ желанія, особливо ежели по непредвидимо бываетъ: душа и тѣло равно изнемогаютъ отъ сильныхъ чувствованій, почти чуждыхъ нашему естеству: они безпокоятся, ушомляются, и наконецъ въ изпощеніи находятъ покой.

Истинное благополучіе болѣе состоитъ въ спокойствіи, нежели въ пылкихъ чувствованіяхъ: крошкая смиренность и нѣжное чувство сердца суть подруги ея. — Каковы бы ни были наши усилія къ достиженію его, вспомнимъ, что Творецъ нашего бытія не сошворилъ насъ для покоя: Онъ одарилъ насъ дѣятельною способностію, содѣлывающею насъ благополучными тогда, когда мы оную въ дѣйство производимъ. Нравственный и вещественный міръ основанъ на первобытномъ правилъ безпрерывной подвижности, коея дѣйствія намъ споль же внясны, сколь неизвѣсны

причины и предметъ. — Человѣкъ не долженъ льститьъ себя наслажденіемъ поспоянной пищи: и тогда даже, когда самъ съ собою и съ другими наиболѣе въ согласіи живешъ, надобно чшобы онъ былъ движимъ самымъ чувствованіемъ своего спокойствія и равнодушія. — Безъ упражненія разумъ шупветъ, безъ движенія шбло ослабѣваетъ: умѣренность какъ въ шомъ такъ и другомъ есть соспояніе природы и благополучія.

Наконецъ къ симъ не избѣжимымъ измѣненіямъ, спанемъ присовокуплять по благоразумному выбору собшвенныя наши; сверхъ шого чшо нужды и удовольствія различествующъ по мѣрѣ насигающей спарости, всякая перемѣна бываетъ опасна, и особливо въ разсужденіи положенія нашего: *лучшее часто бываетъ хуже хорошаго.* — Къ потерянному шаспію многихъ людей можно къ спашъ примѣнить сію Англискую Эпиграфу:

*I was well, would be better, took Physick,
and died.*

Я былъ здоровъ, вздумалъ лѣчить-
ся, принялъ лѣкарство, и умеръ.

Ушѣщенія въ несчастіи.

Ты говоришь, я несчастливъ. Раз-
смотримъ безпристрастно, въ самомъ
ли дѣлѣ ты таковъ, и пройдемъ куп-
но разныя спешени злополучія.

Во первыхъ боленъ ли ты? голо-
денъ ли? шершишь ли спужу? нахо-
дишься ли подъ игомъ рабства, или
подверженъ лишенію самаго необходи-
маго, или опасности потерять оное,
ежели въ несостояніе придешь продол-
жаешь пятгоспный шрудъ? — Нѣтъ, го-

воришь ты; но это есть благо, коимъ всѣ пользуются. Я въ томъ согласенъ, но и ты также согласишься, что крестьяне, работники, рабы, суть паковыежъ челоѳки, какъ и ты, имѣющъ такое же происхождение, такія же спраси, такія же права на благополучіе, и что болѣе прехъ четвершей рода челоѳческаго почти бы себя щасливыми, ежелибъ могли наслаждаться либми выгодами, коимъ ты не даешь никакой цѣны. — Ежели ты превосходишь сей классъ людей, то благодари провидѣніе за то, что оно содѣлало тебя благополучнѣе другихъ.

Но кромѣ общаго положенія, есть частныя сопряженныя съ скорбію. — Ты говоришь, что имѣешь шокмо по естеству необходимое, а не по швоему состоянію. — Совершенный предразсудокъ! состояніе швое точно то, къ шоторому судьба тебя опредѣлила: лице швое въ ономъ тебя пошпановляешь, а не прахъ швоихъ предковъ; достояніе швое не шаково, каково моглобъ бышь.

но каково есть въ самомъ дѣлѣ, и невозможно, чтобъ ты когда либо былъ выше или ниже. — Никогда не должно предполагать имѣть состояніе своего отца. (*) Ежели щастіе, которое часто возвышаетъ низкихъ и унижаетъ высокихъ, даровало тебѣ менѣе имущества, менѣе силы; нежели кому другому, то это значитъ, что оно опредѣлило тебѣ низшій чинъ, которому ты долженъ сообразоваться; съ наблюденіемъ порядка и съ дѣятельностію

С. Соболевскаго

(*) Мыслие сіе, разрушающее щастіе многихъ людей, находящихся еще въ завидномъ положеніи, гораздо опаснѣе въ шакомъ вѣкѣ, въ которомъ самолюбіе и роскошь, вспомошествоемыя временными доходами, низпровергаютъ потомство, и для суетныхъ прихотей жертвуютъ необходимымъ потомковъ нуждамъ. Предки наши довольствовались своими доходами: а мы поглощаемъ ихъ капиталы. Сіе сумасбродство долженствуетъ непременно разсиритъ щастіе семействъ, низпровергнуть достоинства, увеличить неравенство, и вовлечь въ перемѣны, почти всегда предшествовавшія незапному возвращенію пышности.

Часть I.

всякъ можешъ содержать себя благопристойнымъ образомъ, сообразно своему званію. Бѣдный, произшедшій отъ богатаго, по всей строгости не имѣетъ права на его сокровища, равно какъ Государь родившійся отъ раба, недолженъ гнушаться низкимъ своимъ произхожденіемъ.

Спанемъ продолжая даѣе наше изслѣдованіе. — Ты собственно сказать не въ рабствѣ находишься, но въ зависимости отъ многихъ другихъ тебя приисъсляющихъ. Увы! это участь всего рода человѣческаго; кромѣ домашнихъ связей, нѣтъ обществу безъ подчиненности, нѣтъ степеней безъ власти и повиновенія: она возмущаетъ покломъ враговъ необходимаго порядка. Всѣ сословія въ семъ отношеніи уподобляются сословію военному, гдѣ капталъ зависитъ отъ сержанта, сержантъ отъ Капитана, Капитанъ отъ Полковника, Полковникъ отъ Генерала, а сей послѣдній отъ своего Государя, своихъ солдатъ, а еще болѣе отъ соб-

спвенныхъ своихъ слабостей и неспособности, будучи обремененъ дѣлами, которыя его беспокояшъ, мучашъ и содѣлывающъ обыкновенно однимъ изъ наименѣе щасливыхъ его арміи. Занимашъ мѣсто выше своего состоянія кажется долженствовало бы быть лесинѣ, нежели имѣть состояніе выше себя.

Сіи связи ошъ которыхъ ты зависишь, сіи начальники, суть или люди разсудительные, или по большей части неосновательные. Въ первомъ случаѣ ты долженъ ихъ уважать; во второмъ же, нѣтъ чловѣка на свѣшъ съ коимъ бы не возможно было ужиться и воспользоваться даже самыми его погрѣшностями. — Опринь гордосшь и упорсшво другихъ оскорбляющія: заставъ почиашъ себя за свои добродѣтели, уважашъ за дарованія, и бышь вѣжливыми за швою почтительность, прошивополагая единообразное обращеніе своенравію, хорошіе поступки худымъ и кропосшь вспылчивосши. Спайся узнашь свойсшво своихъ началь-

ниовъ, своихъ совмѣстниковъ и враговъ; умѣй уступать когда сопротивленіе щипино: являй снисхожденіе къ низшимъ себя, и шаковое же будешь взаимно тебѣ оказываемо. Кпо немощеиъ служишь въ большомъ, можешь оказать услуги въ маломъ, или покрайней мѣрѣ онъ умѣешь вредить. — Наконецъ образуй въ положеніи швоемъ ясное понятіе о шѣхъ выгодахъ, копоры оно тебѣ доставишь можешь, и о опасностяхъ тебѣ угрожающихъ: давай себѣ отчетъ въ своихъ предпріятіяхъ, въ своихъ надѣждахъ: попомъ начертай по сему плану поведенія, коего правильная система сопровождалась бы швердосію постоянною и спокойною, занимая себя безпрестанно ограничиваніемъ швоихъ нуждъ, не превышающихъ швоего шасія.

Кромѣ зависимости естественной, есть другія, состоящія въ собственномъ нашемъ выборѣ; какъ напримеръ зависимость состоянія изъ ко-

порого могли бы мы выйти, переменить хорошее на худшее. Мы не можем без несправедливости обвинять судьбу за сии произвольныя узы. — Впрочем, истинная свобода состоитъ болѣе въ насъ самихъ, нежели въ обстоятельствѣхъ. Руссо говорилъ, (въ одномъ письмѣ, мало извѣстномъ, въ которомъ онъ пребывалъ наче бытъ заключеннымъ, нежели гонимымъ,) „что вольность его не состоитъ во власти людей, и что нѣтъ ни смѣны, ни заповѣдей, которыя могли его „одной лишить.„ Эпиктетъ сохранилъ оную среди рабства, утѣшая себя чаше сими превосходными словами. *Я нахожусь въ томъ званіи, въ которомъ Богъ меня поставилъ.*

Ложное воображеніе бываетъ наипаче самою обыкновенною причиною нашихъ мученій; недопустимъ чтобъ благополучіе наше было игрищемъ онаго. Ежели оно представляетъ намъ наружное благо истиннымъ, и излишество необходимымъ, „то испребимъ оное предваре-

„ніемъ перемѣнъ и ушѣшений, которые
„современемъ послѣдуютъ и возбужде-
„ніемъ нашего чувствованія къ обык-
„новеннымъ наслажденіямъ, коими
„наше положеніе будещь сопровождаютъ-
„ся.„ Не спанемъ мучить себя прежде
времени несчастіями, которыя можетъ
быть никогда не послѣдуютъ: опспро-
чимъ ропшаніе до шѣхъ поръ, пока
оныя обнаружатся, и тогда еще весьма
рано будещь оными перзашься. Не спа-
немъ прельщашься обманчивою нару-
жностію: худое начало часто имѣетъ
весьма щасливой конецъ. — Но дабы
предохранить себя отъ очарованій воо-
браженія, надлежалобъ быть разсуди-
тельнымъ, а къ несчастію сіе не такъ
легко. Мы не такъ думаемъ, какъ бы
слѣдовало думать; меланхоликъ дока-
зываетъ, что вовсе невѣритъ тому,
чему желалъ бы вѣрить: ибо ежели бы
отъ него зависѣло думать по его про-
изволенію, то какая сильнѣйшая выгода
не заставила бы его перемѣнить свой
образъ мыслей, какъ не та, чтобъ ви-
дѣть конецъ своихъ мученій? — Никто

произвольно не находишь въ несчастіи или заблужденіи: ошѣ невѣжества или слабости нашей упорствуемъ мы пребывая въ оныхъ.

Кромѣ щастливаго положенія, есть благополучіе болѣе намъ свойственное; оно состоитъ въ душевныхъ качествахъ. Ежели природа даровала тебѣ въ удѣлъ силу и разумъ, что можешь ли ты сѣшовать на судьбу? Не получилъ ли ты ошѣ нея драгоцѣннѣйшіе дары? И какіе другіе могутъ сравниться съ даромъ честнаго сердца и проницательнаго ума? Оно часто насъ награждаетъ, когда кажешься что наказываешь, предуготовляя намъ постоянное благо ошѣ приключившихся временныхъ несчастій. — Мы или оныя заслужили, или безвинно переносимъ: въ первомъ случаѣ надлежитъ только намъ обвинять самихъ себя, и покаяться безъ роптанія; во второмъ же, чего намъ опасаться, ежели существуешь правосудное провидѣніе? Сшанемъ шворить благо, будемъ уповать на оное, и рано

или поздно правосудіе его вознаградишь насъ.

Печальная, но въ несчастіи утѣшительная истина есть та, что рѣдко достигая до нѣкоторыхъ познаній, или постоянного благополучія другимъ пушемъ, какъ пушемъ несчастій. — Кто не испыталъ бѣдности, укоризнъ, печали, сѣшований, болѣзней, шощъ лишенъ половины чувствованій человѣческихъ. — Скорбь есть пружина мысли: безмѣрные спраданія, обращаясь сами на себя, устремляющъ размышленіе къ самому надѣжному убѣжищу: оно наблюдаетъ всѣ наружности, соображаетъ всѣ возможности, и дошедъ до крайности обнаруживаетъ въ немъ силы, понятія и источники, которые щасливый жребій оставилъ бы безъ дѣйствія; — тогда мы щасливы и добры, когда много прешерили. — Кромѣ разверзанія душевныхъ способностей, навыкъ къ опасности и къ недостатку содѣлываетъ шерливимъ, умбренымъ и мужественнымъ; воспоминаніе

собственныхъ злощастій возбуждаешъ насъ къ сосраданію о другихъ.

Безъ сомнѣнія ешъ положенія ужасныя и гнусныя: (*) но къ спраданіямъ

(*) Кто не жилъ въ столицахъ, или кто живучи въ оныхъ, не проникалъ во внутренности дворовъ, переулковъ, погребовъ, сараевъ и даже пемницъ, не можешъ себъ представить крайностей, до коихъ доводятъ бѣдность, жестокость и презрѣніе чловѣка къ его подобнымъ. Между многими случаями возбуждающими ужасъ и омерзение, я приведу два примѣра скудости, оставившіе во мнѣ сильное впечатлѣніе.

Нѣкто среднихъ лѣтъ, благороднаго вида чловѣкъ, въ кошоромъ сквозь рубище его видно было, что онъ получилъ нѣкогда хорошее воспитаніе, влачился мѣленно въ Парижъ по улицѣ Гренель, въ обѣденное время. Лице его блѣдное и шомное показывало нужду и ошчаяніе: оно боязливо обращалось на проходящихъ, казалось просило ихъ о сожалѣніи, и не дерзало къ онымъ присунуться. — Я устремилъ на его взоры свои: сосраданіе кошорое онъ примѣшилъ, казалось ободрило его сердце. — Я хотѣлъ говорить съ нимъ, боялся унизить его: онъ хотѣлъ говорить со мною, опасался унизиться. — Опередивъ его

душевнымъ можно примѣнить наставленіе Эпикура проповѣдуя шблесныхъ. —
Ежели онѣ сносны, то надлежитъ сносить: ежели несносны, то скоро умертвятъ.

и дабы доставить ему случай, остановился я у воротъ прахсира. — Онѣ приближается, колеблется подходитъ ко мнѣ съ прелепомъ . . . и едва собирается съ силами произнести сіи слова: *вы человекъ: я такой же какъ подобный . . . вы идете обедать, а я не ѣлъ три дни!* — Какая вишійшвенная рѣчь!

Проказиваясь однажды въ Римѣ, мимо укромнаго весьма нечистаго мѣста, служившаго сосѣдямъ къ свозу людскаго помеша, увидѣлъ я двухъ молодыхъ людей, которые рылись въ онемъ, и съ ошвращеніемъ изображавшимся въ ихъ движеніи, собирали ошшуда въ корзину лоскушки бумага: они удалялись на время, дабы напишаться чистымъ воздухомъ, и одинъ изъ нихъ, изнуренный болѣзнію, упалъ отъ слабости. — Я спросилъ ихъ, къ чему служатъ такія мерзости? Увы! ошвѣшшвовали они, къ нашему пропитанію: обмывъ сіи лоскушки, продаемъ фунтъ по малой цѣнѣ; ихъ употребляютъ къ дѣланію новой. — О люди! до какой степеніи вы должны себя унижать, дабы получить необходимое пропитаніе! Между тѣмъ однакожъ крайность сія, въ сравненіи съ многими другими, еще сносная.

— Ты несчастливъ: но потерпи еще не много, и не будешь себя болѣе: благошворительная смерть медлѣнно приближается къ тебѣ, но приближается безпрестанно. Въ сей самый день, кошорый показался тебѣ споль длиннымъ, вѣроятно, что она облегчила участь болѣе осмидесяти тысячъ людей, борющихся съ спраданіями, шолкое жѣ число поснупило въ жизнь бѣдствіями преисполненную, сполько же испытало болѣзни родовъ, а гораздо болѣе число повергнушо въ печаль лишеніемъ отца, сына, супруги, друга. — Подумай о милліонахъ людей изнемогающихъ въ рабствѣ, въ шемницахъ, въ бѣдности, о погибающихъ отъ бѣдствій безпрестанно вновь рождающихся или отъ неизлечимыхъ болѣзней. Сколько есть жертвъ опчаянія, угрызенія совѣсти, презрѣнія, казней! — Увы! сей ужасный день прошелъ безъ повороша для нихъ, какъ для тебя, и равно какъ для самаго щасливаго, кошорому ошалося обѣ немъ шолько щещное сожалѣніе. — Единый бла-

гошворипель умѣла оспановипшь спре-
мпипельный бѣгъ онаго, начертавая на
прошедшемъ, котораго уже нѣтъ болѣе,
свои права на будущее, которое по-
слѣдуетъ.... Разумъ уклоняется сихъ
упѣшеній, пріемлемыхъ опъ мученій
другаго; но чувство беретъ въ томъ
участіе, и надѣжда будущаго существо-
ванія ушѣшаетъ насъ въ настоящемъ.

До какой крайности ни были бы
мы доведены, вспомнимъ, что нѣтъ
столь великихъ бѣдъ свѣтъ, въ коихъ не
могли бы мы себя чемъ либо ушѣшить,
мало положеній столько опчаянныхъ,
изъ которыхъ бы мужество и прудо-
любіе не могли насъ изпоргнуть. —
Кромѣ обыкновенныхъ упѣшеній, уда-
ры форшунъ суть поржество мудраго
... Съ какимъ негодованіемъ поцира-
етъ онъ ея своенравіе, съ какою непо-
колебимостію сноситъ ея удары, съ
какою неуспрашимостію спремится
на препяспівія. — Ты можешь меня
поколебать, говоришь онъ, но не сра-
зишь, наклонишь, но не повергнешъ....

я возстану съ вящею силою; и ежели не могу принудить тебя быть ко мнѣ благосклоннымъ, то по крайней мѣрѣ принужу казаться несправедливымъ.

О спрасяхъ.

Кажется, что важнѣйшая ошибка въ пространныхъ и бесплодныхъ изысканіяхъ о спрасяхъ состоятъ въ томъ; что утонченностію весьма зашмили простую теорію, умножили причины и дѣйствія, не мысля о томъ, что одна главная движущая сила могла произвестъ многія измѣненія, смотря по обстоятельству и по состоянию того существа, надъ коимъ она дѣйствовала. Даже и дѣ, которые восходили до всеобщей побудительной причины *самолюбія*, не помышляли о томъ, что и оно есть токмо дѣйствіе еще отдаленнѣйшей причины.

По мнѣнію моему естъ токмо одна средопочная спрасшь, одна начальная мысль; источникъ оной естъ чувствительность, а измѣненія ея зависящъ отъ обстоятельствъ. Не лзя извяснишь сію первобышнюю способность принимащъ впечатлѣнія, попому чшо она проспа и неразлучна съ сущесствомъ нашимъ. Будучи не раздѣльна, не имѣетъ она часпицъ; не имѣя никакихъ соотношеній не лзя ее ни съ чемъ сравнивать, но можно доказашъ чшо чувспивовашъ и умспивовашъ естъ почти одно и шже.

Всякое чувспвующее существо не обходимо должно ощущашъ *пріятныя*, или *прискорбныя* впечатлѣнія. — Въ первомъ случаѣ желяетъ оно продолженія шго чшо ощущаетъ; въ другомъ ошсущствія онаго. — Желая, сравниваетъ; — сравнивая, разсуждаетъ; — разсуждая судитъ; — судя умспвуетъ. Слѣдовашельно умспивованіе и чувспивованіе въ началахъ своихъ шже-спвенны. Свойство спрасшей и спеде-

ни умственныхъ способностей зави-
сящъ отъ степени нѣжности и чув-
ствительности, отъ усовершенствован-
ія органовъ, надъ коими она дѣйстви-
тельна и отъ свойства нужды и обстоя-
тельствъ, коимъ она подчинена. —
Ежели сіе правило столь справедливо,
сколь мнѣ кажется вѣроятнымъ, то
можетъ оно распространить новый
свѣтъ въ нашемъ метафизическомъ
хаосѣ и ошлеченную темноту нашей
теоріи о душѣ содѣлать простою.

Система по которой *самолюбіе* по-
лагается главнѣйшею побудишельною
причиною нашихъ дѣяній, содѣлалась
пагубнѣйшимъ прешикновеніемъ нынѣш-
ней нашей философіи, которая по ра-
венству предполагаемыхъ ею побужде-
ній, не различаетъ порока отъ добро-
дѣтели, и утверждаетъ что они суть
одно и то же. Многіе Авторы изъ по-
то выводили гнусныя заключенія, раз-
рушающія до основанія благонравіе и
правоту: (*) но кажется не прудно

(*) Больше всѣхъ отличались въ сѣмъ нѣкоторые

ихъ софизмамъ пропивоположишь самыя просныя, но убѣдительноѣйшія разсужденія: — Вознесишь мыслію къ вышней степені величественности; предспавъше себѣ Всевышнее Существо достойное обожанія, поспавъше правосудіе, благость, милосердіе, жертвованіе собою и ежели можеше еще болѣе, осно-

французскіе писатели, учителя разврата, которые полагають удовольствіемъ и славою проповѣдывать безбожіе и егоизмъ, заражаютъ ядомъ своего ученія неопытныхъ молодыхъ людей и опъемлютъ у нихъ спокойствіе и утѣшительную надѣжду безсмертія. — Вопреки почтенному Автору сея книги и здравому разсудку, увѣряють они и щцаются ложными умствованиями доказать, что нѣтъ провидѣнія, ни другой жизни, нѣтъ Всевышняго Творца, и что по сему ни добродѣтель не можетъ быть ему угодна, ни порокъ мерзокъ и прошивенъ. — Просвѣщенный чинапель спличилъ ложь опъ истины и опровергнетъ всѣ сіи ослѣпляющіе софизмы; но слабый не имѣющій основательныхъ и швердыхъ правилъ легко можетъ повѣрить и развратиться. — И ешь люди, которые утверждають что нужна не ограниченная свобода писанія!

Прим. Перевод.

ваніемъ его опредѣленій; — по по симъ
мнимымъ правиламъ можно имъ оп-
вѣдствовать, что нѣтъ въ семъ ни-
какого достоинства, что оно не за-
служиваетъ уваженія ни признатель-
ности, пошому что сіе высшее суще-
ство пушеодствуетъ токмо личною
пользою, которую оно непременно по-
спановило въ томъ, чтобы быть вы-
сочайшимъ и совершеннѣйшимъ во все-
ленной. По сему Рошфуко, Пассерано,
Телвей и многіе другіе почли бы по
несовершенствомъ чловѣческимъ, что
по нашему мнѣнію составляетъ часть
самой сущности Божества, сколь со-
вершеннымъ не представили бы мы
себѣ оное.

Самолубіе по свойству своему не
можетъ быть названо ни порокомъ,
ни добродѣтелью; токмо средства упо-
требляемая онымъ къ достиженію
предполагаемой цѣли опредѣляющъ, къ
которому изъ сихъ обоихъ родовъ слѣ-
дуетъ оное причислить. Всякой чело-
вѣкъ, по самолюбію спосѣвствующій

благу общества, заслуживаетъ наше уваженіе; равнымъ образомъ какъ и помѣ который спремился къ разрушенію онаго, достойнѣ презрѣній, или судя какъ истинный философъ, заслуживаетъ наше сожалѣніе.

Другой софизмъ, опроверженный уже древними, но возобновленный въ наши времена, состоитъ въ томъ, что лишаютъ насъ нравственной свободы, полагая что склонности наши не зависятъ отъ воли и разума, и что самыя слабыя столь же необходимо опредѣляются самыми сильными, какъ при свѣщеніи, двадцати-фунтовая пягоסף перешагиваетъ пятнадцатую фунтовую. — Самые послѣдователи оной системы, ежедневными своими поступками опровергаютъ ложный блескъ сего опаснаго правила: ибо ежели бы всѣ наши предпріятія происходили отъ степени склонностей; ежели воля необходимо порабощается случайнымъ спеченіемъ многихъ непредвидимыхъ и неизбѣжныхъ обстоятельствъ, образующихъ

нашъ вкусъ и карактеры, по откуда
происходящъ сіи нервѣшимости, сіи на-
мѣренія, соображенія и правила благо-
разумія? — Ежели бы мы не могли имѣть
никакаго вліянія на произшествія, по
безразсудно было бы разсуждашь, соо-
бражашъ, или въ дѣйствіе производишь
какое либо намѣреніе; самый глупый
былъ бы тогда столь же благоразуменъ,
какъ и самый умный; гнуснѣйшій из-
вергъ былъ бы достоинъ того же ува-
женія, которое оказывается честному
человѣку; потому что они тогда бы были
прощены машинами непремѣнно зави-
сящими отъ случая и поспороняго
побужденія, и небыли бы въ состоя-
ніи направлять, умѣрять и усиливать
дѣйствіе онаго.

Сіи возраженія можно также про-
пивоположить системѣ *фатализма*,
столь безразсудной и опасной, или уче-
нію приписывающему все судьбѣ и при-
знающему настоящее слѣдствіемъ про-
шедшаго.

Различіе склонностей зависѣтъ отъ различнаго успроенія человѣческаго шѣла, или познаній. Первѣе опредѣляетъ нашъ вкусъ, вторѣе наше понятіе о благополучіи: одно относитъ къ чувствамъ, другое къ душевнымъ способностямъ; и хотя они имѣютъ общее начало, но раздѣляются на безчисленныя опрасли, кои по удаляются, шо вновь соединяются. — Нѣтъ несмѣшенной спрасши; и самая господствующая непримѣнно связуется со многими низшими. *Это залутанной мотокъ, сказала одна остроумная женщина, когда хочешь распутать одну нитку, то другая отрывается.* — Вѣроятно, что нѣтъ двухъ человѣкъ на землѣ, совершенно карактерами между собою сходствующихъ, и въ которыхъ одинаковыя спрасши поже бы самое дѣйствіе производили; но есть главныя пружины, коихъ дѣйствія суть почти всеобщія.

Токмо шесть главныхъ побудительныхъ причинъ возбуждаютъ спрасши проспаго народа; спрахъ, ненависть,

своевольствіе, скупость, чувственность и фанатизмъ: рѣдко вышія сихъ побужденія имъ управляющъ. — Большая часть великихъ перемѣнъ относится къ симъ главнымъ причинамъ, всегда украшаемымъ благовидными предложениями набожности, любви къ отечеству или къ славѣ. — Но приведя чернь въ движеніе, средства къ управленію оной подлежатъ большимъ затрудненіямъ; ибо ежели легко въ ней возбуждашь спраси, то весьма трудно ея руководствовашъ, особливо же содѣланъ ея намѣренія и предпріятія поспоянными.

Спраси уподобляютъ „въспрамъ „раздувающимъ паруса корабля, копы „рые иногда низвергаютъ оный въ без- „дну, но безъ коихъ однакожъ онъ плышь „не можетъ., Присовокупимъ къ сему, что мудрость есть кормчій онаго, путешествующій чрезъ прешкновенныя и бурныя стези жизни. — Требовашъ чтобы обуреваемый спрасями чловѣкъ всегда поступалъ по правиламъ робкаго благоразумія, есть поже что

Люди здраваго ума, но хладнокровнаго каракшера болѣе наклонны къ безмятежнымъ и тихимъ положеніямъ, и къ охраненію установленнаго порядка; въ опасностяхъ же мужи восплаемые великими спрасшями могушъ намъ доспавляшъ гораздо большія пособія: токмо они умѣюшъ поражашъ сильными ударами, и вѣдаюшъ какимъ образомъ изпоргнушъ то, чего получишъ немогушъ; они разсѣкаюшъ узелъ, тогда когда не могушъ оный развязашъ, — — — — —

Жизнь, значить чувствовашъ; кшо сильнѣе чувствуетъ, тошъ болѣе наслаждается своимъ бытіемъ. Можно сказашъ что онъ болѣе ошдаленъ ошъ вещественности, и свойственнѣе къ великимъ подвигамъ. Скромный, гибкій и равнодушный каракшеръ есть одинъ изъ первѣйшихъ даровъ природы; можешъ бышъ, тошъ кшо одаренъ онымъ, наиболѣе спосѣшеспвуетъ частному благу и болѣе способенъ ко всякому состоянію. Но таковаго свойства люди рѣдко чѣмъ ошличаюшся: будучи из-

нѣжны и непредпріимчивы, слѣдуютъ они по проложенному имѣ пути, слѣпо вѣрятъ мнѣніямъ другихъ и сообщаются ихъ поспушкамъ: малѣйшее опспушленіе опѣ введенныхъ обычаевъ ихъ успрашаещъ; „они болѣе дѣлаютъ „дурачествъ, но не столь великихъ“ пошому что предметы ихъ честлюбія маловажны, величайшія ихъ усилія слабы, и по робости мало на случай что предприемлютъ.

Токмо въ перзаніяхъ безпокойнаго сердца, въ опраженіи прошивоборспвующихъ спрасшей, въ спремленіи пылаго каракшера, или въ ужасахъ меланхоліи, душа разверзается, или такъ сказашъ испоргается изъ своего недра, разрушаетъ всѣ узы предразсудковъ и примѣра, и возникая превыше обыкновенной сферы, паритъ надъ оною, пролагая себѣ новые пути. — Каждый герой былъ съ начала эншузіаспомъ или нещасливимъ; но мудрый нечувспвительно соединяетъ преимущества обоихъ сихъ каракшеровъ, и шѣже самыя

знанія, коими одолжены мы волненію
спрасшей, служащъ ему въ послѣдствіи
къ порабощенію оныхъ и къ доставле-
нію себѣ того спокойствія, копорымъ
хладнокровный челоѡкъ безъ спаранія
наслаждаешя.

Сіе самое изспуленіе возпламеня-
ло рвеніемъ Регула, Деція и Винкелри-
да принесъ себя въ жершву опече-
ству. Оно соспавляетъ свойство вели-
кихъ душъ, коихъ малодушные Энпу-
зіасмами называющъ. — Энпузіазмъ,
копорый по знаменованію своему озна-
чаетъ душевное движеніе, имѣющее въ
себѣ нѣчто Божественное, перемѣни-
ло нынѣ свое значеніе: по утонченно-
сти нашихъ правилъ мы осмѣиваемъ
оный, хотя исторія доказываетъ, что
въ самыя просвѣщенные и великими
подвигами ознаменованные вѣки, въ мо-
гущественнѣйшихъ державахъ наибо-
лѣе было Энпузіасмовъ. Безъ оныхъ
почши ничего великаго на землѣ не
происходило; и въ наши времена му-
жественнѣйшіе народы сущъ пѣ, гдѣ

ихъ наиболѣе находишся. Въ обыкновенномъ свѣтскомъ общежитіи хладнокровные и робкіе люди надъ ними издѣваются; но въ важныхъ случаяхъ прибѣгаемъ мы къ онимъ, и сими по глупцами управляешся множеству мудрыхъ.

Сіи же самыя отношенія существуютъ между различными народами. Не въ умѣренныхъ нашихъ климатахъ родились источники мѣтній; — близъ тропика, гдѣ воображеніе гораздо пылче, рождаются сіи просперанная предпріянія, сіи величественныя идеи, которыя подобно быспрымъ потокамъ разливаются въ нравственномъ мірѣ. — Сіи жилиши воспока, коихъ слогъ, изображенія и виды кажутся намъ увеличенными, всегда пользовались правомъ разверзашъ наши познанія и опредѣлшъ наши правила о существеннѣйшихъ предметахъ. — Примѣчанія доспойно, что наиболѣе распросперанившіяся вѣры, какъ то Еврейская, Христіанская и Магомешанская возпріяли

свое начало въ спомъ сближенномъ округѣ какъ Египетѣ, Іудея и Аравіа. — Издревле Халдеи, Финикіяне, Египтяне нажешся изъ шѣхъ же спранѣ распро-спранили свои обряды богослуженія и мѣбнія между Персами, Индѣйцами, Скиеами, равно какъ и въ нѣкопорохъ владѣніяхъ Африки и Европы. Наши самыя ушонченныя художества и философическія науки пріемлютъ начало въ сопредѣльныхъ имъ обласняхъ.

Въ разсужденіи частнаго челоѣка, надобно чшобъ или спрасши ему покорствовали, или онѣ имъ порабощенѣ былѣ. Тогда увлекающѣ они его въ шакія крайности, кошорыя всегда подвергаютѣ безопасншъ и благополучіе его произволу перѣваго движенія. — Трудно обуздашъ шѣ спрасши, коихъ источникъ зависитѣ ошѣ устройства шѣла челоѣческаго, какъ на примѣрѣ любовь, приводящую кровь въ волненіе и запмѣвающую разсудокъ; или лѣбность ослабляющую всѣ пружины дѣяшельности. — Гораздо легче поноритѣ шѣ,

кошорья происходяшѣ отѣ сужденія нашего о предметахѣ и зависяшѣ отѣ степени душевныхѣ способностей, какѣ то: честолюбіе, щеславіе, скупость; пошому чшо можно искоренишѣ предрасудки. Кѣ несчастію многіе спрашяшѣ подверженныя люди подобны шѣмѣ сумасшедшимѣ, кошорые временно приходя вѣ разумѣ, чувшвуютѣ ужасѣ своего положенія, намѣревающяся употребитѣ всѣ усилія, чшобы извлечь себя изѣ онаго; но вѣ шу минушу, когда они наиболѣе онымѣ занимающяся, невольное обуреваніе паки обуяетѣ ихѣ чувшва, новыя призраки поражающѣ ихѣ воображеніе и сумазбродство опровергаешѣ всѣ ихѣ мысли.

Вѣ письмѣ одного моего молодого друга нашелѣ я сіи достопамятныя слова: „ненавистный карактерѣ! не „ужели не возмогу я никогда поработитѣ себя? Не возмогу извлечь изѣ „души моей сіи бурныя движенія, сіи „противоположныя желанія, разящія и „ополчающіяся другѣ противѣ друга,

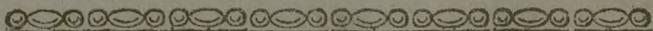
„копорья ни побѣждашь ни побѣдимы
„бышь не могушь!... Сила и слабосшь, ...
„любовь и ненависьть, . . . распушсство
„и умѣренносшь, . . . яросшь и спокой-
„сшвіе духа, . . . вы поперемянно по
„владычествуеша мною, по изнемога-
„еша. — Одна спрасть влечешъ къ од-
„ной споронѣ, другая къ другой; а я
„несчастныи тогда нахожу конецъ мо-
„имъ спраданіямъ, когда господсшву-
„юща изъ нихъ покоришь всѣ про-
„чія и засшавишь ихъ умолкнушь. —
„Кшо же сіа адское чудовище, осправ-
„ляющее мои способносши, и кшо сіа
„Божесшвенное Существо, дарующее
„миѣ попомъ спокойсшвіа и умѣшеніа,
„и засшавляющее меня улыбаешья соб-
„сшвеннымъ моимъ слабосшямъ? — О!
„кшо бы шы ни былъ, покарайся или
„управляй, . . . повелѣвай или пови-
„нуйся. — Но нѣшь, отвѣсшвуешъ
„миѣ оно, надобно прошивоборсшво-
„вашъ: преняшсшвіа увеличивающъ до-
„сшпоинсшво спраданія устроющъ бла-
„гополучіа . . . и шакъ спанемъ шер-
„пѣшь и спарашься ихъ преодолѣвашъ.,,

Самыя опасныя спрасши для молодого человека суть упорство и лѣность; для юноши любовь и тщеславіе; для человека совершенныхъ лѣтъ честолюбіе и мщеніе; для старика скупость и эгоизмъ. — Благороднѣйшая для всякаго возраста есть состраданіе; въ ней одной заключается почти вся нравственность, и она составляетъ прогнательнѣйшую черту человеческого совершенства.

Примѣчено, что большая часть вредныхъ склонностей находятъ наказаніе въ самихъ себѣ, и удаляются отъ своего предмета. Сладоспρασный содѣлывается немощнымъ и неспособнымъ къ наслажденію. Честолюбивый, для владычествованія содѣлывается рабомъ. Скупой, боясь чѣобы не впасъ въ нищету, дѣлается нищимъ. Тщеславный производитъ посмѣланіе кощораго спрасшится, а вспылчивый по гордости унижается.

Каждый языкъ имѣетъ множеств-

во словъ для выраженія различныхъ
степеней спрасшей, непримѣнными
ошибками между собою соединен-
ныхъ. — Опишемъ ошибившія изъ
оныхъ: они суть вѣрные пушеводители
къ познанію себя и другихъ.

О

ЛЮБВИ.

Склонность одного пола къ другому естъ самая обыкновенная и свойственная челоѣку спрасъ: чувственныя удовольствія составляющъ узелъ, но не всегда главный ея предметъ; нѣтъ однакожъ любви безъ нѣкотораго помышленія о сладострастїи. — Истинная любовь состоитъ въ желанїяхъ съ дружбою соединенныхъ; безъ дружбы она ни что иное какъ плоское вожденіе; безъ желаній, взаимное уваженіе или сходство нравовъ. — Люди полагающіе, что любовь состоитъ покомъ въ сластолюбїи, лишены чувствительности; а тѣ, которые воображаютъ что чувства никакой связи съ оною не имѣютъ, подобны невиннымъ

дѣвицамъ, которыя въ лѣта, когда
спраси ихъ воспаляющся, ощущающъ
нѣкоторое безпокойствіе, не зная чему
оное приписать, и непрежде узнающъ
причину онаго, какъ предавшись уже
дѣисствіямъ.

Я увѣренъ, что человекъ для коего
дружба имѣетъ столько же прелестей
какъ и любовь, и имѣющій болѣе пра-
воты нежели желаній, можетъ по-
жертвовать властью своею надъ ми-
лымъ предметомъ; знаю что онъ мо-
жетъ защититъ свою любовницу про-
тивъ ея самой, и въ тѣ минуты когда
разумъ властвуетъ, предохранитъ ее
отъ сѣпей, которыми бы могъ ее уло-
вить въ упоеніи любовномъ. Но въ глу-
бинѣ сердца своего вздыхаетъ онъ жер-
твуя тѣмъ должностію; и самая непо-
рочная женщина иногда жалѣетъ что
принуждена бытъ таковою. Сія самая
борьба есть вънецъ ея добродѣтели.
Нѣтъ торжества безъ побѣды; нѣтъ
побѣды безъ препяствій. Самая чест-
ная женщина не та, которая менѣе

чувствуешь, но которая при сильных
чувствованіяхъ наиболѣе оказываетъ
сопротивленія. Я знаю что человекъ
съ нѣжною душею еще болѣе сдѣлать
можетъ, и владѣя сердцемъ, немного
станешь ревновать къ тому, кто на-
слаждается самою ею, что можно оп-
казаться опъ того чего другой имѣетъ
право требовать, предпочипая пожапіе
руки своей любезной всѣмъ пріятнѣй-
шимъ очарованіямъ любви. Можно быть
щасливымъ въ такихъ пріятныхъ
бездѣлицахъ, коихъ цѣна состоитъ
въ томъ, чтобы ни съ кѣмъ оную не-
раздѣлять; единое чувство можетъ
се даровать, и оно шокмо можетъ имъ
наслаждаться: но се болѣе свойствен-
но женщинамъ, и шоль превышаетъ
понятіе простыхъ людей, что можно
оное почипать исключеніемъ, коего
рѣдкость почти въ ничто обращается,
примѣняя къ общему правилу.

Нѣтъ склонности которая бы шоль
нѣжно прогала душу, какъ начало не-
порочной любви; — восхищенія, шихая

меланхолия, пріяпность оживляющая
всѣ предметы; — сія единая мысль насѣ
занимающая, сей прелестный но ушо-
мипельной образѣ, ошѣ коего хопимѣ
навсегда сокрышься, и сѣ коимѣ на ми-
нушу спрашимся распашься; . . . огонь
снѣдающій сердце, шоска насѣ сокру-
шающая, все существо наше изнемога-
ющее ошѣ чувственности, и которое
не смопрѣ на всю оной силу, испасе-
ваемѣ ошѣ восторговѣ души: . . . какая
скука вѣ разлукѣ или вѣ другихѣ об-
щесствахѣ, какое верховное блаженство
при свиданіи! — Какая прошивополож-
ность героическаго духа и дѣтской
спыдливости, волненія души и шомле-
нія, силы и слабости, глупости и раз-
судка, дерзости и почшенія. . . . Какія
пылкія желанія, коихѣ главный пред-
метѣ не естѣ сластолюбіе, ибо шполь
обыкновенная вещь не можешѣ удоволь-
ствовашѣ, и согласіе бываешѣ пріяпнѣе
нежели самое наслажденіе. — Сколько
горькихѣ жалобѣ обѣ малыхѣ предме-
тахѣ, какое равнодушіе вѣ важныхѣ,
какая опчаянность вѣ бездѣлицахѣ,

сколько скорбь, коихъ вся цѣль соспоишѣ въ помѣ чшобъ послѣ ояшь помиришься! Какая пріятность въ разговорахъ одной любовницѣ понятная, какія непримѣшныя старанія, сокрышыя ошѣ глазъ всякаго другаго! . . . Она является, и взоръ ея плѣняетъ; уходитъ, и сердце смѣшается; . . . приходитъ ояшь, и слѣды ея примѣшны между тысячи другихъ. — Не сколько слова изображающѣ ея мысли, какъ нѣжность голоса. Если нечаянно произнесушѣ имя, или любовникъ коснетъя руки ея, то нѣжное пререпаніе обвемлетъ духъ его. — Уста ея прикоснулись сего спакана, и онѣ свъ восхищеніемъ оный цѣлуетъ: сія бездѣлка ей принадлежала и для него сдѣлалась драгоценною вещію. — Здѣсь она сидѣла; сколь восхищительно шутъ оспавашься! Тамъ признавалась въ любви своей; какое волненіе ощущаемъ мы на помѣ мѣшѣ! — Все чшо не она, неможешъ нравишься: равнодушно взираемъ и на плѣнительнѣйшую красоту. Мы признаемъся чшо черты лица сей женщины прі-

яшнѣ; но не шѣ самыя: что улыбка
шой милѣ; но не ея: что умъ другой
болѣ украшенъ познаніями; но споль
ли онѣ привлекателенъ? Наконецъ
спрасный любовникъ обожалъ бы да-
же всѣ спранности и безобразія своей
любезной, ежелибѣ очаровательная за-
вѣса, чрезъ кою онѣ на нее взираешѣ,
давала ему оныя усмашривашѣ.

Для хладнокровнаго человѣка нѣшѣ
спраниѣ зрѣлица какѣ видѣшѣ до бе-
зумія влюбленнаго; равно какѣ для
спраснаго, видѣшѣ равнодушнаго. Кѣ
нешаснѣю чувствуемѣ мы сіе нѣжное
упоеніе по мѣрѣ силы и благодушія,
отѣ коихѣ она часно спрадала: сомни-
тельно чтообы злобный и робкій ка-
рактерѣ могѣ вкушашѣ ея пріятности;
и женщина не имѣвшая любовникомѣ
мужеспвеннаго, нѣжнаго и просвѣщен-
наго человѣка, не знаешѣ что любовь
наипрелеснѣйшаго вѣ себѣ имѣешѣ.

Но пылкія спраси скоро прохо-
дешѣ. Сіе пріятное очарованіе мало

по малу ослабѣваетъ, и наконецъ превращается въ дружбу, ежели исчезающая мечта можетъ замѣниться почтениемъ. — Въ простомъ же народѣ исторія любви заключается въ слѣдующихъ степеняхъ: въ желаніяхъ, исканіи, хитростяхъ, восхищеніяхъ, равнодушіи, отвращеніи, ссорахъ, ненависти, презрѣніи и забвеніи. — Что ни говоримъ о постоянствѣ, но оно не свойственно природѣ нашей; и въ тѣхъ людяхъ, которые тѣмъ щеслаются, происходитъ оно болѣе отъ привычки и разума, нежели отъ чувствованія. Долгъ, честь и другіе узы безъ сомнѣнія могутъ насъ содѣлать вѣрными; но сердца наши стремятся къ переменѣ. Прелестъ новосты, сопровивленія, покушенія, пожертвованія, побѣды, юности, смѣливости и невинности необходимо съ привычкою увядаетъ, и хоща пріятность исчезаетъ, по желанія наши все къ тому же стремятся, и тогда даже когда мы убѣгаемъ случаевъ возобновить оныя. — Какъ спроси

въ женщинахъ несполь легко возбуждающа, шо и впечатленіе оныхъ долбе существуетъ: сверхъ шого несполь удобно для нихъ замѣнить предметъ ихъ горячности. По сей же самой причинѣ таупецъ бываетъ поспояннѣе нежели человекъ любезный. — Любовь, благопріятспивуемая своимъ предметомъ и преграждаемая обспояшельспвами, можешъ нѣсколькo лѣтѣ продолжашься; препяшспвія раздражаютъ ее, надѣжда подкрѣпляетъ, разлука пашаетъ: но преодолѣвъ всѣ прелоны, оспашетъ ей, (какъ говоритъ Г-жа Ционъ) величайшая изъ всѣхъ, шо есть *не имѣть болѣе никакой*. — О природа! ты кощорую укоряю и благодарю, что я могъ еще проникнуть въ изгибы моего сердца для изображенія сея картины. . . .
Для чего продлила ты наши спраданія, и ограничила въ споль тѣсныхъ предѣлахъ наше наслажденіе, содѣлавъ продолженіе онаго споль скоропреходящимъ, наши сердца непоспоянными, и часпными наши удовольствія споль

Ты же не простила отъ насъ

противоположными обществу
благу (*)?

Кто обращался съ женщинами большаго свѣта, и съ такими которыя со всѣми легко знакомятся, имѣетъ несовершенное еще поняшiе о любви. — Нѣтъ! въ сердцахъ самую природою образованныхъ, въ душахъ чувствительныхъ и нѣжныхъ, подв кровомъ уединенiя, искать должно истинныхъ, чистѣйшихъ наслажденiй. Простота и невинность болѣе плѣняющъ нежели все искусство кокетства. — Часто также женщины суровыя и хладнокровныя по наружности, имѣя пылкія чув-

(*) Одна изъ причинъ неосостоянства есть та, что любовь основывается отчасти на любопытствѣ: побужденіе сіе, начиная съ младенца старающагося узнавать бездѣлицы, до метафизика блудящагося въ лабиринтѣ первоначальныхъ причинъ, болѣе имѣетъ вліянiя на свѣтъ, нежели какъ то полагающъ. Оно существенно ни что иное какъ рвеніе къ познанiямъ, соединенное съ необходимостію чувствовать и быть развлекаему новыми предметами.

ства, пламенное воображеніе, всѣхъ болѣе оказывающѣ сопротивленія; но суровость шаковой красавицы, когда она неприпворная, и еспли взаимная горячность ее сопровождаетѣ, имѣетѣ свои необыкновенныя прелести, предпочпшительныя коварнымъ взглядамъ кокетокъ и безспыднымъ взорамъ португущихъ своими прелестями: перьвыя плѣняютѣ душу и заставляющѣ себя любить, а послѣднія ослабляютѣ насъ токмо красоною всею.

Вообще свѣтскіе люди, (и сіе должно почитатѣ болѣе щастіемъ) не чувствующѣ всѣхъ пріяшностей любви на нѣжности и взаимномъ почтеніи основанной. Кокетство женщинъ, распушествво мущинъ удаляютѣ отъ нихъ великія спраси, а щеславіе болѣе дѣлаетѣ побѣдъ нежели любовь. Будучи заняшы суешными нарядами, увлекаемы вихремъ большаго свѣта, спрашася насмѣшекъ, находясь подъ игомъ моды, слѣдующѣ они болѣе безразсуднымъ ея законамъ, нежели своимъ склонностямъ.

Въ томъ же мѣстѣ...

Многіе ушверждаютьъ что невозможно въ одно время любить болѣе одной. Но въ чемъ состоишь любовь? въ желаніяхъ съ дружбою соединенныхъ; по для чегожъ не любить съ равнымъ жаромъ и искренностию вдругъ восемь или десять милыхъ сердцу нашему, предпочитая сегодня одну, завтра другую, всегда же ту, которая къ намъ всѣхъ ближе. Истина сія признана всѣми народами многоженство перпящими; безъ нея не былобъ сералей; да содѣлаешь она подругъ нашихъ снисходительнѣе къ слабостямъ и непослушности, споль сроднымъ нашему полу (*).

(*) Здѣсь позволю я себѣ въ первый разъ прошиворѣчь Авшору. Я не однихъ съ нимъ мыслей. Истинная любовь не есть сластолюбіе, и я не думаю чтобъ челоѣкъ съ вѣжною и чувствительною душою имѣлъ таковой образъ мыслей. Онъ любитъ и любимъ одною, раздѣляетъ съ нею всѣ радости и прискорбія жизни, болѣе щастливъ нежели обладатель тысячи красотъ, изъ коихъ ни копорая искренно не можетъ любить гнуснаго деспота ее уничижающаго.

Прим. Перевод.

Также совершенно несправедливо что одинъ токмо разъ можно бышь испинно влюбленнымъ. Въ десятой разъ можно полюбить и бышь болѣ привязаннымъ къ предмету любви своей, нежели когда либо прежде. — Пожилыя люди, а особливо женщины, воображая что можешъ бышь въ послѣдніе ощущающъ или вливающъ сію спрасть, нѣжными ласками своими и предупрежденіемъ всѣхъ желаній любовника замѣняющъ увядающую ихъ красоту.

По пропивоположности естественныхъ законовъ съ гражданскими, прудно описывать нравственную часть любви. Судя о ней съ безприсраспіемъ философа, кажесть что наслажденіе ея пріятностями есть одно изъ самыхъ невинныхъ. Въ оспранѣ гдѣ бы женщины принадлежали всѣмъ, а дѣпи обществу, воздержность почишалась бы болѣ порокомъ, нежели добродѣтелию. Но по нашимъ полишическимъ унрежденіямъ цѣломудріе есть испинно уваженія достойное качество.

— Надлежитъ разсмаширивашъ не одно шокмо дѣисшвіе, но и всѣ могущія опѣ онаго произойши послѣдствія. Мы должны опѣшшвовашъ за всѣ при скорбныя чувшшвованія, которыя легкомысленнымъ своимъ поведеніемъ въ любовницѣ, опѣ или супругѣ возбудишь можемъ; хошябъ они основывались на здоровомъ разумѣ или на предразсудкахъ, шо дѣисшвіе оныхъ не менѣе шого бываешъ шягосшно и мучительно.

Много естъ чеспныхъ, пріятныхъ въ обхожденіи людей, способныхъ къ величайшимъ подвигамъ, но не имѣющихъ силы преодолѣвашъ чувшшвенныя удовольшшвія, и кои извиняя слабосшь сію, и предаваясь оной, зашавили многихъ проливаешъ горькія слезы, копорыхъ не въ сосшояніи загладишь всѣ ихъ великія добродѣтели — Даже „и въ самыхъ порокахъ надобно соблюдать „благоприсшюйность,“ и кшо не можешъ преодолѣшь себя, можешъ содѣлаться менѣе виновнымъ, не упошребляя во зло владычесшва своего надъ

милымъ предметомъ, соблюдая скромность и оказывая ему почтение и уваженіе. Но разглашать о побѣдѣ своей, открывая слабость женщины, которая по любви предалась оной, наказывая ее за снисхожденіе, оскорбляя честь; наидрагоценнѣйшее ея сокровище, если одинъ изъ пѣхъ мерзостныхъ поступковъ, коими всякой честной человѣкъ гнушашся долженъ! Но что сказать о пѣхъ которые безстыдно превозносятся что пользовались благосклонностію невинныхъ особъ, и кои ненавистною сею клеветною ошвемлютъ плоды нѣсколькихъ лѣтъ цѣломудрія и непорочной жизни?

Сильная спрасъ заключаетъ ошчастіи въ самой себѣ оправданіе; она есть нещастіе, равно какъ и слабость: но поработивъ себя слабой спраси есть малодушіе. „Естьлибъ я могъ „успокоиться,“ говорилъ нѣкто своему другу, который спрашивалъ у него совѣща, „занимашся дѣлами своими или „принимашъ участіе въ какихъ бы то

„ни было удовольствіяхъ, естълибъ я
„могъ изгнать изъ души моей уныніе
„и скуку меня снѣдающую, то бы
„взялъ шершнѣе: но не лучше ли по-
„гибнуть, нежели жить такимъ обра-
„зомъ; и прежде нежели изнемогу подъ
„симъ тяжкимъ бременемъ, испытаю
„не буду ли щастливъ въ страсти мо-
„ей., Сей человекъ не разсуждалъ какъ
мудрый, но заслуживалъ чшобъ снисхо-
дили его слабости.

Наидрагоцѣннѣйшая вещь для жен-
скаго пола естъ сохраненіе невинности.
Надлежитъ какъ можно чаще швер-
дитъ имъ, чшобъ онѣ не внимали оболь-
щающему гласу чувствъ, которыя за
минушныя удовольствія могутъ оп-
равить всѣ дни жизни ихъ. Сама при-
рода, (вопреки просшонародному мнѣ-
нію) усмирила въ нихъ сіи пылкія же-
ланія; спдишъ только имъ обратишь
взоры на всѣ предметы ихъ окружаю-
щіе, чшобы увѣришься въ сей истинѣ.

Испорченные наши нравы исключаютъ
почти совсемъ наслажденія су-

прудештвенной любви. Изв приддани
мужей едва ли найдется два, кошорыхъ
бы любовь совокупляла брачными уза-
ми. Богатое приданое, значная фамил-
ля или другіе какіе честполюбивые ви-
ды прельщающъ жениховъ болѣе не-
жели сама невѣста: и сіе самое слу-
жимъ еще сильнѣшимъ убѣжденіемъ,
сколь необходимо нужно прошивишься
сей склонности.

Но разсмащривая сіе въ полиши-
ческомъ видѣ, когда правленіе по вну-
шреннему своему усшановленію, пода-
етъ поводъ къ злоупощребленіямъ,
или не имѣетъ власши восщрепящство-
вашъ причинамъ оныхъ, то по спра-
ведливости должно оно бытъ къ онымъ
снисходительно. Мудрѣйшіе законода-
тели раздѣляютъ опощупленія опъ
ушановленнаго порядка на преступле-
нія и ошибки. Первые пушеводствую-
тся низкими спрасщями: вщорыя же
состоятъ въ проступкахъ для удовле-
творенія спрасти, которая по суще-
ству своему можетъ бытъ согласима

съ дружбою, благотворительствомъ и величіемъ души. Любовь, ни мало не исключая великодушныхъ чувствованій, есть напротивъ того обильнѣйшій онаго источникъ. Никогда не бываемъ мы столь человеколюбивы, чувствительны, исполнены героическаго духа, какъ въ нѣжнѣйшихъ ея восторгахъ, а ошъ продолженія или частаго употребленія могутъ они обратиться въ привычку.

Порабощайте насъ владыки земные! раздоры и слабости наши пребываютъ того; но предославше намъ виновныя, вамъ невредящія удовольствія. Не допускайте насъ разслабляясь въ нѣгѣ, но предохраните чшобъ мы не испытавали въ изнуреніи: вы будете виновны ошъемля у насъ наслажденія безъ крайней необходимости. — Возрише на красоту безплодно изсыхающую подъ вашими жестокими законами: (*) —

(*) Читатель безъ сомнѣнія повяшь можешь, что сіе относится къ Азіатскимъ обычаямъ и нравамъ.

пощипишься, еспли возможно, чшобѣ
оныя сообразны были съ нашими склон-
ностями; и соединивъ правосудіе съ
природою, ушвердише правѣ наши на
благополучіе; не прещипшуйше поль-
зоваться ея благодѣяніями, которыя
ушѣшаютъ насъ по претерпѣнному злѣ.

А ты прелесный юноша, рожден-
ный нравишься, не употребляй во зло
сего гибельнаго дара: не полагай ушѣ-
шенія и славы приводя раздоръ и не-
согласіе въ семействахъ и развращая
невинность. Торжество на слезахъ кра-
соты сооруженное не содѣлаетъ тебѣ
чести: ты одаренъ отъ природы си-
лою, ей слабостъ въ удѣлѣ досталась;
преодолѣй себя, будь напротивъ того
ревностнѣйшимъ ея защитникомъ; воз-
зри на предсоящія тебѣ опасности,
лишеніе щасія, спокойствія, чести и
правоты швоей; воззри на несчастную
шбой невинности лишенную: униже-
ніе заступило величіе ея духа, хипрось
замѣнила ея чистосердечіе, перьвый
проступокъ вовлечетъ ея въ шисычи

других Такъ! будь великодушенъ и благоразуменъ. Конечно трудно преодолевать склонности шoliko прелестней для себя имѣющія, но изъ двухъ золъ всегда надобно избиратьъ меньшее; и по сему самому правилу, когда не будучи связанъ узами брака, по пылкимъ стремленіямъ природа влечетъ тебя къ ушущенію обуревающей тебя спраши, шо сообразуй ушѣхи швои съ честиносшію. — Не похищай у невинной послѣдняго ея сокровища, не похищай чести иѣжнаго и добраго супруга. — Не унижай себя, не отправляй крови швоей и швоего попомшва съ несчастными жертвами распушества и слашюлюбія: избери для предмета любви своей особу, кошорая бы менѣе имѣла вліянія на частное и общешвенное благополучіе; — — — — —

Но ешли милая, невинная, любви достойная дѣвица, признавая необходимость любить и бышь любимою, ешли бы она робкимъ голосомъ спросила меня: *А мнѣ что осталось дѣлать?* — То съ сродною мнѣ опшкровенностію

смѣло ошвѣчалъ бы ей: Впервыхъ, не увеличайше въ воображеніи вашемъ сіи удовольствія, кошорья часто болѣе оштрацающъ нежели привлекающъ; наслаждась ими, подобно многимъ другимъ, можешъ бышь скажете: *Не ужели это то, что я найти думала?* — Спихошворцы и сочинители романовъ выходящъ почти всегда изъ предѣловъ природы, изображая любовь въ мечпашельномъ видѣ. — Немногіе испытали всю силу сея спраши, споль легкимъ перомъ мною начерпанную: большая часть людей предающа чувспвеннымъ удовольствіямъ сѣ унизишельною грубоспю; ничего нѣшъ обыкновеніѣ желаній; ничего рѣже какъ умѣшъ возвыспш цѣну ихъ пріашиспвомъ и благородными поступками; но сего еще недовольно, любовь пребуешъ красосш, пріашиспости ума, благородства души, обходительнаго нрава, силы шѣлесной и многихъ другихъ соошношеній форпуны и спеченія обстоятельспвѣ, рѣдко въ одномъ человекѣ соединенныхъ. — Но предположивъ, что сей фениксъ найденъ, что

онѣ васѣ обожаетѣ, клянется въ вѣч-
ной любви, какимѣ опасностямѣ под-
вергаете вы себя, если судьба не сое-
динитѣ васѣ съ нимѣ на всегда? Чѣмѣ
болѣе онѣ любезенѣ, тѣмѣ болѣе будете
вы его любить, и тѣмѣ болѣе очевид-
нѣе. Едва все время, когда вы господ-
ствуете надѣ спраснями, можете пре-
дохранить васѣ отѣ искушенія, а за
одну минушу удовольствія послѣдуютѣ
раскаяніе, стыдѣ, презрѣніе, и что еще
болѣе, угрызеніе совѣсти, копорыя на-
рушивѣ спокойствіе ваше, будутѣ шер-
зашѣ васѣ непрестанно. — Одно шокмо
есть средство предупредить сіи неща-
стія то, что обѣ избѣгать всегда короп-
каго обращенія: ибо не надѣйтесь на
силы ваши, они нечувствительнѣо осла-
бѣютѣ; вскорѣ идеи несогласныя съ ва-
шими разсужденіями покажутся вамѣ
менѣе прошивными; и вы нечувствительнѣо
вовлечены будете отѣ малыхѣ
благосклонностей до большихѣ, и након-
ецѣ до самой послѣдней. — Не ласкайте
себя надеждою, чтобы слабость ва-
ша оспавалась тогда неизвѣстною. Я

полагаю, что любовникъ вашъ скромнѣнъ, но онъ можетъ быть опкровененъ, ему пріятно говоришь о васъ, онъ будетъ щцеславиться что вами обладаетъ; вы также не всегда можете быть осно-рожными, и хопя шайна сія обнаруживается мѣдленно, но наконецъ всѣмъ будетъ извѣсна. — Полагайшесь еще менѣе на постоянство его, нежели на скромность; онъ получилъ уже все отъ васъ, а пріятное его обращеніе можетъ навлечь вамъ соперницъ: горячность ваша удержишь его нѣкоторое время въ оковахъ вашихъ, но съ его стороны любовь усыпится; и сколь восхищительно было сіе упоеніе, столь мучительно будетъ потеря невѣрнаго.

Вашъ обыкновенныя слѣдствія любовныхъ обращеній: но есть еще другія возможности, которыя по спеченію бѣдственныхъ обстоятельствъ и непредвидимыхъ случаевъ могутъ васъ звергнуть въ бездну несчастій. — Нѣтъ, повѣрьте мнѣ, любовь со всѣми своими прелестями не вознаградишь

опасностей оную сопровождающихъ: если благоразуміе не удержитъ спре-
мленія вашей спраши, шо внимлише
гласу должности; вспомнише, что
непорочность есть опличитель-
ная добродѣтель вашего пола, и что
въ любовныхъ дѣлахъ обращающаяся
женщина у большей части людей въ
паковомъ же безславіи, какъ и шрусъ
или бесчестный человекъ. Тщешно на
приговоры публики прибѣгнете вы къ
снисходительному и просвѣщенному
сужденію оной: тщешно, основываясь
на нѣкошорыхъ ошвлеченныхъ прави-
лахъ, спанете вы приводить въ изви-
неніе естественную свободу, ваши права
на благополучіе, или же малый вредъ
отъ шого для общества происходящій;
хотябъ вы и правы были, но публика
не разсуждаетъ, мнѣніе опредѣляетъ ея
законъ, и какъ часть вашего благопо-
лучія отъ нея зависишь, шо болѣе или
менѣе должны вы оному покараться....
Повшоряю еще, *бѣгите любви*, и пусть
дружештво и почшеніе замѣнятъ вамъ
оную.

О

ч е с ш о л ю б и и.

Желаніе возвысиль себя раздѣляется на многія шепени, по различію характеровъ и сужденій нашихъ. Любовь къ славѣ есть главнѣйшая; спрашивается благородная, хотя частію содѣлываетъ насъ зависимыми отъ мнѣнія другихъ; но она бываетъ зломъ угнѣтающимъ челоуѣчество, ежели стремишься къ достиженію своего предмета не помышляя о послѣдствіяхъ. — Уже многократно повсоряемо было: завоеватель, который не имѣя иного въ виду, какъ собственную свою выгоду или мнимую славу, распространяетъ повсюду опустошеніе, грабительство и смерть, производилъ въ большомъ видѣ то, что Каршувъ дѣлалъ въ ма-

ломъ; и вмѣсто того, чѣшобъ таковая величественность внушала въ насъ удивленіе, должна она паче возбуждать нашу ненависть и презрѣніе, соразмѣрно вреду причиняемому шѣмъ общественному благу.

Достопамятнѣйшій опривокъ исторіи о власполобивыхъ людяхъ былъ бы шомъ, въ коемъ бы извѣснили поспупки и сокровенныя побудительныя причины, руководствовавшія многими людьми, возникнувшими изъ самаго низкаго состоянія до первѣйшихъ степеней щастія. Намъ извѣстно, что болѣе пятнадцати Императоровъ, (*) столько же Королей, многіе Папы и другіе прославившіеся люди низкой по-

(*) Вишелій былъ сынъ чеботаря. Першинакъ, кирпичника. Макринъ, оппущеннаго на волю раба. Діоклитіанъ и Василій Македонскій, невольниковъ. Валентиніанъ, веревочника. Левъ Изаврскій, пастуха. Пуппіанъ, кузнеца. Галерій былъ мясникомъ, Юстиній пастухомъ, Андрискъ валяльщикомъ, и проч.

роды, взошли на вышшую степень могущества. Ежели бы спали разсматривать упошребленные ими способы, шо ввроятно увидѣли бы, что способности много шому способствовали, мужество еще болѣе, а щастіе равно обоимъ.

Еще полезнѣе было бы имѣть историческое начертаніе, вв которомъ бы намъ изобразили, сколько честолюбивыхъ людей успѣли вв своихъ предпріятіяхъ, и сколько имѣли неудачу. Кв вышшему ушѣшенію нашли бы, что число ввнорыхъ гораздо большее; и оное бы еще усугубилось видя сколь мало благополучныхъ и между самыми щастливыми. Проницая вв глубину ихъ сердець узрѣли бы мы, что при каждомъ усилѣніи желанія ихъ содѣлывались неограниченнѣе; и безв сомнѣнія ужаснулись бы мы шеспвовашъ по шезѣ исполненной шолкими безпокойствами, преградами, опасностями, а часшо и угрызениемъ совѣсти.

Простолюдимъ воображаетъ себѣ, что для достиженія благополучія должно непременно стремиться къ возвышенію; но мудрость вѣщаетъ намъ: предпочитай спокойствіе мясешной жизни, простоту ухищренію, основательность наружному блеску; сокрывайся отъ толпы, и знай, что надобно умѣль примѣняйся участи, даже ниже той, которая судьбою тебѣ опредѣлена; ты былъ подчиненный въ своемъ состояніи, но будешь начальствовать въ послѣдующемъ.

И смѣшное и сожалѣнія достойное зрѣлище представилось бы очамъ безприсраспнаго наблюдателя, ежели бы увидѣлъ онъ, что мы гоняясь за химерою благополучія, употребляемъ столько происковъ и пронырствъ, и шеемся шоскою, не помышляя о томъ, что источникъ онаго находится въ насъ самихъ, а непреложность его особенно зависитъ отъ нашего охраненія. — Всякой иной предметъ честолюбія подверженъ случайности обстоя-

шельствѣ и своеправію другихъ; по-
мо достойнѣйшій зависишь ошъ насъ
самихъ: и щещны были бы всѣ уси-
лія людей изпоргнушь изъ насъ оный;
самыя ихъ угнѣшенія подали бы новые
способы къ достиженію сея цѣли; по-
тому что, какъ говоришь Эпикшетъ,
не можно угнѣтать волю. Искусство
ирависься знашнымъ шрудно и нена-
дѣжно, ешь другое гораздо удобнѣй-
шее, благороднѣйшее и вѣрнѣйшее, то
есть искусство умѣшь обходиться безъ
ихъ милостей.

Чесполобіе къ спяжанію богатствѣ
есть собшвенно скупость. — Простое
чесполобіе, или желаніе владычествъ
бываетъ добродѣтелью, когда про-
испекаетъ ошъ рвенія, побуждающаго
насъ всѣми силами спснѣшесшвовашъ
благополучію намъ подобныхъ. Къ не-
щасію обыкновенно бываетъ оно же-
ланіемъ высокомѣрныхъ людей и не-
вѣжъ, представляющихъ себѣ благопо-
лучіе неразлучнымъ съ величешвомъ.
Чтобъ свергнушь сей предразсудокъ,

надлежишь разсмотрѣшь обстоятельно шѣхъ, коихъ возвышенію мы завидуемъ, и изыскивать въ самихъ себѣ, что мысляшь собственно о ихъ особѣ, за извѣстіемъ ихъ шипль. Тогда убѣдимся мы, что не сшибилъ труда беспокоиться о такой маловажности.

Подобно Фоншенелю надлежало бы часто вопрошать себя: „На что нужны миѣ сіи чины, коихъ я домогаюсь?“ — Чшобы бышь превыше многихъ другихъ. — Какая въ томъ надобность? — Чшобы они оказывали уваженіе. — „Какую буду я имѣть пользу отъ воздаваемого уваженія? — Оно будешь для меня весьма леспно. — Но какимъ образомъ можешь оно для меня бышь леспно, когда я шѣмъ обязанъ моему чину, а не самому себѣ?“, — Ежелибы такимъ образомъ разсуждали о всѣхъ спрасняхъ, ежелибъ самимъ себѣ отдавали отчетъ о сокровеннѣйшихъ нашихъ душевныхъ движеніяхъ, ежелибъ спали восходишь до источника оныхъ и разсмапривали

ихъ предметъ, шо малобъ было мнимыхъ нуждъ, коихъ бы нечувствительно не уничтожили.

Честолобивый! ты который во глубинѣ сердца спонешь по недоспащку душевныхъ способностей, разумъ одобряешь свои сѣшванія; усугуби сие рвеніе, но не ошибайся въ предметъ, не гонись за мечшою, мня сѣдовашъ за истинною. — Спезя истиннаго честолобія всѣмъ ошверзса, вступи въ поприще, испытай силы свои и сѣ сегоже дня непоколебимымъ духомъ снажи самому себѣ: *нѣтъ, я не потерлю чтобы кто либо на землѣ былъ гестнѣе меня!*

„жающее? Испинное чувспвовалъ удо-
„вольствіе слыша о добрыхъ его дѣ-
„лахъ, хотя самъ въ оныхъ не учав-
„спвовалъ; а узнавъ о случившемся съ
„кѣмъ несчастіи, первое мое движе-
„ніе никогда не было извѣяленіе радо-
„сши?„

Кто не можетъ таковымъ обра-
зомъ оправдаться самъ предъ собою,
того нельзя почестъ непричастнымъ
зависши; и къ несчастію картина сія
предспавляетъ самыя шокмо умѣрен-
ныя ея чершы. Сей порокъ, отъ коего
происходящъ всѣ другіе, наносищъ
вредъ и гибель обществу; обыкновен-
ное оружіе его есть клевета, которая
подобно самымъ гнуснѣйшимъ злодѣ-
ямъ, умерщвляетъ всегда съзади, или
въ шемношѣ; раны ея, самыя опаснѣй-
шія, не могушъ зашвориться и всегда
почти въ смершелныя превращаюш-
ся. — Можно загладищъ большую часть
несправедливостей, но какимъ обра-
зомъ выведешъ изъ общества ложно-но-

сящуюся въ ономъ молву; самое явное признаніе, что она несправедлива, достигъ ли до всѣхъ противу ее предубѣжденныхъ?

Великодушный законъ, повелѣвающій подавать вспоможеніе проливъ разбойника, предписываетъ также защищать противъ клеветника, похищающаго благо гораздо драгоценнѣйшее жизни и богатствъ. Всякой долженъ способствовать счастью ближняго, не только подвергая опасности жизнь свою, но хотя бы и навлекъ шѣмъ на себя гнѣвъ и мщеніе злодѣевъ.

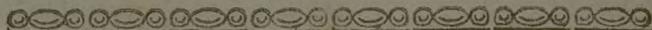
Сосраданіе смягчается при видѣ несчастія; но зависъ услаждаетъ взоры свои, взирая на погибель ближняго; онъ сущъ двѣ крайности нашего чувствованія. — Порицаніе просвѣщеннаго зависника есть не сомнительная похвала; и одна изъ примѣшъ обнаруживающихъ его, есть та, что онъ хвалишь только людей низшихъ себя, не

опасаясь, чтобъ его стали съ нимъ
сравнивать. (*)

„Ежели слава противника своего
„оскорбляетъ себя, говоритъ Г^нб Воль-
„перъ, то ты можешь опмстить ему;
„спарайся превзойти и его самого; воз-
„двини памятникъ выше его порже-
„сшвеннаго знака!„

Мы часто щеславимся даже наи-
порочнѣйшими спрашями; но зависть
есть спрашь пошудная и робкая, въ
которой никто не смѣетъ призна-
ся; когда мы скрываемъ ее во глубинѣ
сердца своего, тогда она мучитъ насъ,
а когда обнаруживаемъ, то содѣлываетъ
насъ ненавистными.

(*) Я зналъ одного военнаго человѣка, который
слыша о какомъ либо щасливомъ произше-
ствіи или похвалу его знакомыхъ, всегда взды-
халъ и содѣлывался угрюмымъ и мрачнымъ.
Товарищи часто приводили его въ опча-
аніе, щасъ одинъ передъ другимъ, кто болѣе
исторгнетъ вздоховъ изъ сего зависливаго
сердца:

О

ревности.

Сспрасишь сію, по превосходству силы ея, а не попому чшобъ она была общею, можно посшавишь въ числѣ главныхъ спшасшей. Немного шакихъ есть, кошорья бы спшоль сильно чело-вѣка ослабляли и доводили до нешшовствѣ самыхъ неспшраведливыхъ: малѣйшее подозрѣніе щипшаетъ она на спшоящимъ дѣломъ, повсюду видишь мечшы и находишь удовольствіе въ усугубленіи собшвенныхъ безпокойствѣ.

Человѣкъ пріобыкшій къ шонкому свѣшскому обращенію, знаешъ что средшва удостовѣришься въ вѣрности

женщины суть добрые поступки, умныя предсавленія, соединенныя съ безприторною довѣренностію: онѣ пошавляешѣ правиломѣ, что у всякой женщины подѣ присмотромѣ неблагопріятшувующіе случаи замѣняются снисхожденіемѣ; чѣмѣ ревнивый наблюдательнѣе, тѣмѣ жена его снисходительнѣе; чѣмѣ онѣ подозрительнѣе, тѣмѣ она хитрѣе и способнѣе къ обману. Недовѣрчивый засавляешѣ прошивѣ воли себя обманывашѣ, и въ тѣхѣ странахѣ гдѣ заключающѣ сей полѣ, первымѣ знакомѣ снисхожденія естѣ взаимное и тайное обѣщаніе покушиться на все при первомѣ случаѣ; у нихѣ начинающѣ романѣ тѣмѣ, чѣмѣ оный у насѣ оканчивающѣ.

Можно присматривашѣ за женою, но такѣ чтобы она шого незнала. Малая польза онѣ ревности происходящая, долженшвовала бы бытѣ первымѣ предохранишельнымѣ онѣ нея средствомѣ. Безѣ Евнуховѣ и Серали, (и сіе средство несовсемѣ еще надѣжно) рѣдко

принужденіе доспигаетъ своихъ видовъ, наипаче ежели пренебрегающія первыя начала связи: оно можетъ предохранить ошъ коварныхъ намѣреній глупца, но равно и способствовать искусству опышнаго человѣка, копорый дѣйствуетъ скрытно, когда неможеть иппи насупнашельно. Любовные переговоры болѣе производящя шайно, подобно шракшамъ великихъ Государей, о предварительныхъ спашьяхъ, коихъ публика узнаеть непрежде какъ когда согласяся уже въ главномъ дѣлѣ. Кромѣ сего обыкновеннаго шеченія вещей, есть шма адскихъ лукашьявъ, копорыхъ самой шонкой человѣкѣ опшрашяеть неможеть, и коимъ онъ часто споспѣшешвуешъ шогда, когда думаетъ что оныя ишребилъ. Бывшій жершвою своая легковѣрности пусть ушшися, разсудивъ сколько есть ему подобныхъ, и коликимъ слабостямъ полъ сей подверженъ.

Непорочность сохраняется болѣе случайными обстоятельшвами, нежели

честными правилами. Можешъ быть
нѣшъ женщины на свѣшъ, копорая
будучи одарена всѣми шѣлесными со-
вершенствами, послѣ перьвыхъ воспор-
говъ брака, не обрашила бы сладоспра-
стныхъ взоровъ на миловиднаго юношу,
и непожелала бы мыеленно поставишь
рога своему мужу. Нѣшъ можешъ быть
ни одной, копорая бы возпрощивилась
шому, коего охуждаешъ она власъ
надъ другою, ежелибъ онъ обрашилъ
къ ней свое вниманіе.

Сіи разсужденія долженствовали бы
содѣлать мужей менѣ чувствитель-
ными: сколько есть шаковыхъ, кои
имѣющъ нужду въ ушѣшеніи и при-
шворяются быть довольными бракомъ,
между шѣмъ какъ шайно сокрушаются
о своемъ нещасіи. — Сколько женщинъ
по видимому строгатаго поведенія, пре-
даются скрышно шому, коего по нару-
жности неважающъ, или съ коимъ
обходящя шокмо вѣжливо въ публикѣ:
но къ щасію сколько найдемъ и ша-
кихъ, копорыя слывя неоснователь-

ными, въ самомъ дѣлѣ вѣдушъ жизнь скромную, и избѣгаюшъ проступковъ по вѣпренности, заставляющей ихъ пренебрегать наружностью.

Ежели шрудно возпрепятствовать любовнымъ интригамъ, то не менѣе того шрудно и скрывать оныя. Будучи съ начала ошпорожными до излишества, мало по малу переходяшъ къ другой крайности: ненаказанность усыпляетъ благоразуміе. Избѣгавши шмоль часто опасности, полагаюшъ что и всегда оныхъ избѣгнушъ могушъ. Съ одной стороны предоспорожности уменьшаются, съ другой умножается недовѣрчивость. Любовниковъ подозрѣваюшъ, надсматриваюшъ, преслѣдуюшъ; наскупаенъ нещасливая минуша ошкрывающая глаза мужу, минуша за которую во всю жизнь, сколь удовольствія нибылибъ пріяшны, плащяшъ мученіемъ, спрахомъ и угрызениями: но есплибъ жена и была послѣ того шмолькоже любима и почишаема, то неможешъ уже бышъ равно щасливую, ибо чувствувешъ что того не заслуживаешъ. — Сверхъ того

опасность таковых забавъ отвращаетъ насъ отъ прелестныхъ удовольствій природы: навывъ къ тайнымъ обращеніямъ, проискавъ, непостоянству и первымъ восторгамъ любви есть самый опаснѣйшій: употребленіе оныхъ неможетъ быть продолжительно; когдажъ мы ихъ лишаемся, то всякое другое чувствованіе содѣлывается непріятнымъ: мы упомляемся въ волненіи чувствъ нашихъ, или усыпляемся въ безпечности: намъ все кажется, что чего-то недоспаетъ къ благополучію нашему, и тщетно спараемся вознаградишь оное. Сіе положеніе столь обыкновенное свѣтскимъ людямъ, болѣе свойственно спарымъ кокеткамъ.

Молодая дѣвица имѣющая склонность къ таковому образу жизни, должна въ началѣ сказать самой себѣ:
„Не много лѣтъ оспаетъ мнѣ быть
„пригожею; правда, я могу еще долгое
„время плѣнять сердца и видѣть спары
„спныхъ любовниковъ у ногъ моихъ;
„все сіе лестно будетъ для моего тщет-

„славія; но вѣрояпно что по причинитѣ
„миѣ сполько же заботѣ, какѣ и удо-
„вольствій, а одна минуша заблужде-
„нія можешѣ погубитѣ меня навсегда:
„нелучше ли избѣгаешѣ сихѣ опасностей,
„и посвятившѣ молодость мою на осно-
„ваніе постояннаго щасія, кошороебѣ
„было независимо отѣ лѣтѣ, чуждо
„упрековѣ, и утверждалось на собствен-
„номѣ моемѣ и другихѣ уваженіи?„

Ревность болѣе свойственна мужчи-
намѣ нежели женщинамѣ, болѣе без-
образнымѣ нежели пригожимѣ, и спа-
рымѣ нежели молодымѣ; а наиболѣе
тѣмѣ кои сами оную въ другихѣ про-
изводятѣ. Люди средняго состоянія
болѣе подвержены сей спраси нежели
знашныя. Первыя воображаютѣ себѣ,
что полѣ сей легко способенѣ къ из-
мѣнѣ; напрошивѣ того послѣднія, не-
слишкомѣ полагаясь на вѣрность онаго,
занимаются другими предметами: они
также чужды предразсудка, кошорый
заспавляетѣ невиннаго раздѣляшѣ без-
честіе съ виновнымѣ.

Въ свѣтскомъ обращеніи весьма обыкновенно видѣшь связи, имѣющія одинъ шокмо наружный видъ любви. За женщиною волочатся для того чшо нечемъ другимъ занимаешься, ошъ скуки, шщеславія, или слѣдуя модѣ. Эшо служивъ надѣжнымъ средствомъ убить се пріятностію время, составивъ партію игры, имѣль нѣкоторое вліяніе въ общесівахъ и узнавашъ о многихъ подробностяхъ, однимъ женщинамъ извѣстныхъ. Сіе болѣе походивъ на дружбу, союзъ наступательный и оборонительный, нежели на нѣжную связь. Но чшобъ дать сему наружный видъ любви или взаимной склонности, шо присовокупляють спрашныя выраженія, копорымъ внутренне смѣюшся, или неосшущныя прозбы, коимъ се другой стороны по учливости опказываютъ. — Ежели у кого въ предметѣ шокмо сладоспрашніе, шо шаковый мѣнѣе прилагаешъ спараній.

Не понятно до какой степени многія мужья, особливо изъ знатныхъ,

равнодушны къ вѣщренности и конешству женъ своихъ; но презрѣніе къ предмету, скука безпрестаннаго надзираія, желаніе сохранишь спокойствіе въ семѣйствѣ своемъ и собственную свободу, заславляющъ ихъ на многое смотрѣльсквозь пальцы. — Во многихъ странахъ, законы, мнѣніе и общенародная честность наблюдающъ за сею существенною частію семейственнаго благополучія. Въ другихъ же напротивъ того, равнодушіе правительсва, и такъ называемый *bon ton* содѣлывающся участниками опаснаго развращенія. — Для взаимнаго супруженнаго благополучія, не надлежитъ содѣлывать женъ ни рабынями, ниже освобождать ихъ изъ подъ необходимой власти мужей: не надобно ихъ ни запирашь, ниже давать поводъ къ близкому обращенію съ мужчинами и волостиству, которыя могушь бышь всегда для нихъ пагубными. — — —

— — — — —
— — — — —
— — — — —

Здѣсь слѣдуетъ примѣчанія до-
стойный примѣръ прошиву ревниво-
сти, который можно отнести къ нра-
вамъ Спарфы и Рима. Я привожу
оный не для подражанія, но болѣе по
его странности. — Одинъ мужъ при-
смащивалъ скрышнымъ образомъ за
своею женою, которая имѣла склон-
ность къ одному изъ почтеннѣйшихъ
людей. Онъ перехватилъ ихъ письма,
и нашелъ средство быть тайно при
ихъ свиданій. Они обожали другъ дру-
га; но любовь ихъ была основана на
честности. Часно хвалили мужа, жа-
лѣли что обманывали его въ бездѣл-
цахъ и почиали послѣднія его права.
Но сіе содѣлывало ихъ не столь неща-
стными, какъ затрудненіе видѣться,
и шоска мало по малу ихъ снѣдала. —
Нѣкогда мужъ засналъ ихъ въ самомъ
подозрительномъ мѣстѣ; смущенные
любовники не знали что начать. Обод-
ришесь, сказалъ онъ имъ, я доволенъ
вашимъ поведеніемъ Сударыня,
вы могли располагать вашими поступ-
ками, но не сердцемъ: къ щастію пред-

метѣ вами избранный дѣлаетѣ честь
вашему вкусу, и не можешѣ васѣ опо-
рочить, ниже меня обезславить. Я
ревную вашей вѣрности, но еще болѣе
благополучію. Имѣйте свиданіе съ лю-
бовникомѣ вашимѣ столь часто, какѣ
вамѣ заблагоразсудится, не опказывай-
те ему ни въ чемѣ, кромѣ послѣдней
благосклонности, которая могла бы
произвестѣ чужаго въ фамиліи нашей;
ежелижѣ и сіе необходимо для вашего
общаго благополучія, я и на то согла-
сенѣ. Произшедшій отѣ обоихѣ васѣ
на свѣтѣ будешѣ одаренѣ хорошими
качествами и тѣлесною крѣпостию, но
я пребую чѣтобѣ вы меня необманыва-
ли, и спрашивали бы моего согласія.—
Любовники изумленные, болѣе еще ви-
домѣ искренности, нежели словами,
хотѣли сами собою жертвовашѣ, они
обѣщали опказашѣся отѣ взаимной сво-
ей любви; но мужѣ наспоилѣ, просилѣ,
приказывалѣ. Послѣ того никогда не
спрашивали позволенія, и единое помы-
шленіе прешупись данное обѣщаніе
приводило ихѣ въ негодованіе. — Лю-

бовъ безъ препяшствій и пораженная великодушiемъ, мало по малу исчезла; но для мужа оспалась жена признательная, истинный другъ и память благошворенiя.

О

Г Н Ъ В Ъ.

Гнѣвъ есть изсшупленiе оскорбленной гордоспи; онѣ показываешѣ слабосъ ума нашего, когда мы за недосшашкомѣ причинѣ прибѣгаемѣ къ обидѣ. Иногда происходишѣ онѣ онѣ худаго навыка, нешерпѣливоспи, излишней чувсшвишельноспи, или ложнаго мнѣнiя полагающаго удобиѣе достигнуть своего конца спрахомѣ, нежели крошоспию.

Есть люди которые сердятся отъ скуки. Они находятъ удовольствіе въ томъ чшобъ ссориться и мириться, по той самой причинѣ, по коей въ трагедіи или уголовной казни предпочитаютъ мучительное чувствованіе усыпленному равнодушію: вспылчивостию извлекающаюся они изъ изнеможенія. Сверхъ того пріятно имъ говорить о себѣ, извиняя свои слабости, и жаловаться на другихъ. — Въ самомъ дѣлѣ великое удовольствіе играть въ большую игру; и что можеть быть пріятнѣе, какъ мучить своихъ друзей, родичей, прекращая съ ними связи и содѣлываясь ужасомъ, а часто и предметомъ ненависти всего того что насъ окружаетъ.

Какъ шло спраждеть, говоритъ Специано въ другихъ выраженіяхъ, когда всякое опшупленіе отъ порядка разрушаетъ гармонію онаго, шакъ равно страдаетъ и душа, когда прошиворѣчіе возмущаетъ ея покой; или еще хуже, когда добрые поступки наши приемлюся въ худую спорону.

Люди наиболѣе гнѣву подверженныя не всегда бываютьшъ споль незговорчивы, какъ шо мы полагаемъ, и часто сей карактеръ бываетшъ соединенъ съ самымъ добрымъ сердцемъ. Надобно шокмо умѣшь обходиться съ ними, и забыватьшъ что оскорбленія ихъ не всегда производяють зло; дашь время пройши перьвому гнѣву, пришворисьшъ что и самъ оскорбляешся, дабы удалишь мысль о презрѣннн, не оскорбля однако ихъ самолюбія; охуждашь по наружности, а въ сущестѣвѣ снисходишь имъ; обращаешь важное, которое они приписываютьшъ оспоришаемому предмету, въ смѣшное; пресѣкаешь ссору шушкою или непрямымъ ласкаельствомъ; наконецъ когда гнѣвъ пройдешь, воспользовашся минушою успалосши и униженія, дабы довести ихъ согласишься вопреки шому что они утверждали, что не споль легко получишь бы можно было, ежели бы они сохраняли хладнокровіе. — Но шаковый поступокъ, почти надѣжный въ разсужденіи людей, къ коимъ мы рав-

нодушны, содѣлывается запруднишель-
нѣ въ разсужденіи пѣхъ, коихъ мы
любимъ, и коихъ обиды болѣе насъ
огорчаютъ, нежели раздражаютъ.

Гнѣвъ рѣдко бываетъ полезенъ, и
единое не продолжительное излише-
ство сей глузости можетъ смутить
оспашокъ нашихъ дней. „Можно безъ
„вспылчивости доказывать съ швердо-
„стью свои права,“ и конечно сіе сред-
ство и благороднѣе и безопаснѣе. Про-
шиву низшаго себя оиъ насъ унижа-
етъ, прошиву равнаго опасенъ, проши-
ву сильнѣйшаго смѣшонъ, прошиву
всѣхъ же несправедливъ; ибо ежели
чувствуешь обиду, приноси жалобу;
ежели ты правъ, для чего обижаешь?
Сшаринная, но испинная пословица ча-
сто повиноряетъ: *ты сердисься? такъ
самъ и виноватъ.*

Гнѣвъ также вреденъ для здо-
ровья; всякой разъ когда мы сердимся,
переходимъ въ кровь часть желчи, ко-
шорую она мало по малу портитъ,

и осушиваешь первую влажность. — Маркъ-Аврелій говоришь, и опышь по утверждаешь, что у человека часто гнѣвомъ одержимаго переменяешь цвѣтъ лица, и сколько безобразишь красоту его, что она болѣе не возвращается. Сіе также происходитъ отъ всѣхъ вредныхъ страстей души, которыя оставляютъ всегда нѣкоторое непріятное впечатлѣніе въ чертахъ, кой предвараютъ другихъ противу насъ, и кажется предувѣдомляютъ ихъ бытъ въ разсужденіи насъ осторожными. — О вѣншемъ семъ признакъ можно удостовѣриться посредствомъ удобнаго замѣчанія. Среди множества незнакомыхъ, другъ на друга взоры свои усмремляющихъ, къ однимъ чувствуемъ мы особливую привязанность, къ другимъ отвращеніе; и впечатлѣніе сіе не будетъ касаться ни до красоты, ни до возраста, ни до наряда: изыскивая сему причину найдемъ, что она происходитъ отъ различныхъ изображений карактеровъ, на лицахъ, въ движеніи, или тонѣ голоса каждаго человека на-

черпанныхъ. (*) Нѣшѣ поступковѣ, въ которыхъ бы характеръ челоѣка болѣе или менѣе не обнаруживался: но наши чувствованія въ разсужденіи сего не всегда бывающѣ справедливы, и когда кто либо при перьвомѣ взглядѣ намѣ не нравился, то сіе происходиѣ болѣе отѣ нашего, нежели отѣ его несовершенства, ибо мы почиамѣ въ немѣ шокмо качества сходныя съ нашими. — Разсудительная фізіономія

(*) Какѣ душа имѣетѣ вліаніе на виѣшнюю наружность тѣла, такѣ кажетѣся что и движеніе мускуловѣ имѣетѣ нѣкоторое вліаніе на чувствованія. Когда принужденно усмѣхаюсь, то кажетѣся что легкое впечатленіе веселости сопровождаетѣ сію усмѣшку: когда стараюсь показывать пріяшній видѣ, то кажетѣся что внутренно нахожу себя спокойнѣе. — Читашѣ громко, естѣ такѣ же средство вознаграждать недостаткѣ общества. Нѣкоторый Аглинскій врачѣ таковое умѣренное сего употребленіе совѣтовалѣ людямѣ живущимѣ уединенно, или подверженнымѣ гипохондріи. Весьма вѣроятно, что все органы долженствуютѣ быѣ въ дѣйствии, дабы предохранить насѣ отѣ безчувственности, и сохраниѣ гармонию дѣлага.

будешь всѣхъ менѣе нравишься въшнему
человѣку, а видѣ честиаго и спро-
гихъ правилъ челоѣка будешь имѣшь
нѣчто ужасное для бездѣльника.

Сколько находится разныхъ средствъ
къ испребленію сихъ вспылчивыхъ дви-
женій, выводящихъ насъ изъ предѣловъ
разсудка? — Присовокучимъ, что для
человѣка чувствительною душою ода-
ренного, нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ
умѣшь прошивопологашъ крошесъ на-
сильствію, въжливосъ грубоси, и
здравое сужденіе оскорбленію. — Не
увѣрены ли мы въ самихъ себѣ и въ
своёмъ отвѣтѣ? И такъ лучшее сред-
ство есть молчаніе.

ЛѢНОСТИ.

Склонность сія, часто порабощающая всѣ другія, при первомъ возрѣніи кажется невинною, но разсудивъ основательнѣе, должно почестъ оную въ число пороковъ. Вообще *болѣе есть лѣнивыхъ умовъ, нежели тѣломъ*. Первые неспособны къ продолжительному вниманію, которое одно усовершенсвываетъ познанія, и руководсвуетъ къ мудрости. Вторые лишаютъ общество дани трудовъ ихъ, на которую оно неоспоримое имѣетъ право. Говорятъ, что *всякой лѣнивый есть трутень, живущій на щетъ пчелъ*. — Если и нѣтъ заняшій, то должно ихъ изыскивать; кпо для пользы общества не можеть спосѣшествовать своими нѣ-

лесными способностями, пошѣ долженъ стараться усовершенствовать душевныя. Не всѣмъ опредѣлено рубить дрова, обрабатывать землю, или жить какимъ либо промысломъ; но есть другія важнѣйшія средства оказывать услуги роду человѣческому: когда по молодости или по стеченію обстоятельствъ, не имѣешь еще кшо надлежащей должности, то таковой обязанъ стараться содѣлать себя способнымъ для будущаго времени; и когда нужно приобрѣсть полезныя познанія, исправлять должность, или испреблять личный порокъ, то никому не будешь недосадка въ занятіяхъ.

Народъ составленный изъ лѣнливыхъ не могъ бы существовать; бѣдность, болѣзнь, невѣжество, и всякое зло, которое они влекутъ за собою, испребило бы оный въ непродолжительномъ времени. Одинъ обыкновенный обѣдъ занимаетъ нѣсколько сотъ рукъ; и хлѣбъ, который ѣдимъ мы какъ вещь обыкновенную, есть плодъ осьмидеся-

ши и болѣе руководѣній, извѣ коихъ одна мѣльница пребуеиъ болѣе половины.

По законамъ Аѳинскимъ Дракона, праздность наказывалась смерщю, какъ похищеніе содѣланное публикѣ; по преданіямъ Иродота и Діодора, Египтяне въ разсужденіи сего не менѣе были строги. — Они почитали, что мѣра шруда, въ коей всякъ строга долженъ опивѣчать, по силѣ своихъ способностей, должна бытъ соразмѣрна выгодамъ получаемымъ имъ опѣ другихъ: кто доставлялъ болѣе, почитался благодѣшительнымъ, кто менѣе, излишнимъ бременемъ. — Но разсмаиривая шаковымъ образомъ, сколько найдемъ мы безлолезныхъ, или хуже еще, вредныхъ обществу, которые почитаютъ себя людьми весьма полезными!

Что касается до общежитія, избѣгають упражненій, значить лишаютъ себя того, что можетъ содѣлать жизнь наиприятнѣйшею. — Праздность производитъ скуку, которая лишаетъ насъ

самыхъ живѣйшихъ чувствованій. — Безъ желанія, безъ намѣреній, жизнь, не имѣющая ни предмета, ни надѣжды, есть ни что иное какъ скука и печаль; иѣсть дурачествъ, коихъ не можно бы было содѣлать, чтобъ избавишься отъ сего несноснаго бремени. — Или же, сія дѣятельность не различно съ природою нашею сопряженная, не имѣя предмета оную занимающаго, обращаетъ силу свою противу насъ самихъ: побужденія ея шщепныя и противорѣчашія, борющія, душа волнуется, спрашити раздражаются, воображеніе шѣряется въ предметахъ, оно шѣдается само собою и мучитъ другихъ; и иѣсть пороковъ ни бѣдствій, коихъ бѣ не могли произойти изъ сего мучительнаго соспоянія. — Занятіе есть самое надѣжное и предохранительное средство противу безпокойствія и изнеможенія души. Ежели кто подверженъ меланхоліи, шотъ долженъ принудить себя къ ученію или шуду; ежели не будешь у него на что потребнаго вниманія, шо долженъ отъ

прибѣгнушь къ сильному движенію; продолжишь оное до усталости, шѣмъ усыпишь онъ чувствительность; и наслажденія спокойствія, прекращающія немощь заставляшь разсудокъ его сильнѣе дѣйствовать.

Безпечный долженствовалъ бы наблюдать порядокъ въ дѣлахъ своихъ, а лѣнивый бытъ дѣятельнымъ. (*) —

(*) Для приобрѣтенія полезнаго проворства надлежало бы исправлять обыкновенныя дѣла съ скоростію, сообразно военнымъ правиламъ и никогда не употреблять прехъ минушь, когда потребны двѣ. Кромѣ сбереженія времени, сіе имѣетъ вліяніе на веселость, ловкость и самую пріящность. — Невбранишо, до какой степени навыкъ и непрерывныя труды могутъ довести шѣлесную дѣятельность. Мы видимъ на мануфактурахъ работниковъ (неуправляющихъ должности, въ коихъ всякой могъ бы бытъ равно искуснымъ), кои въ одинъ часъ дѣлають то, чего неуспражнявшійся не можетъ сдѣлать въ цѣлый день. — Трудолюбіе и навыкъ имѣють такъ же вліяніе и на способности душевныя. Я знаю двухъ друзей, которые въ одно время, съ равными способностями предприняли два разные пути:

Чтобъ трудъ не былъ напраснымъ,
надлежитъ предварительно дѣла свои
распорядить; дабы насладишься
истиннымъ спокойствіемъ, надобно
чтобъ трудъ оному предшествовалъ;
бездѣйствіе содѣлывается усталостію,
единообразіе скукою, а непрерывныя
наслажденія превращаются въ ошвра-
щеніе.

одинъ предался пріяшному, другой полезному;
первой достигъ до того, что въ одну недѣлю
могъ наговорить забавнаго болѣе, нежели дру-
гой въ цѣлый годъ; но второй могъ сказать
полезнаго въ одинъ мѣсяць болѣе нежели шестъ
во всю свою жизнь.

г о р д о с т и .

Злоупотребленіе словъ необходимо влечетъ за собою злоупотребленіе о понятіяхъ: *нигто столь не обыкновенно, какъ говорить, не понимая самихъ себя, ибо мы даемъ другой смыслъ тому же слову, или другія понятія шѣмъ же вещамъ.* (*) — Языки различествующъ также

(*) Записки мои о путешествіяхъ относительно сего слѣдующее представляющъ замѣчаніе: оно продолжительно, нѣсколько строга, но согласно съ намѣреніемъ. — Восемь чловѣкъ, сидѣвшіе нѣкогда въ кофейномъ домѣ, разсуждали, копорая есть первая изъ столицъ. — Семеро изъ нихъ рѣшительно положили, что никакая другая съ Римомъ сравниться не можетъ. Осьмый сказалъ съ скромностію: я знаю одну, копорую еному предпочитаю. — Мнѣ казалось, что всѣ они, будучи одного мнѣнія, судили о семъ инаково.

въ выраженіяхъ, и часно бываетъ не
возможно, исправно перевести шѣже

Одинъ былъ Аншикваръ, незнавшій ничего удивительнаго, кромѣ развалинъ древнихъ временъ: другой былъ живописецъ, полагавшій чпосвѣпъ только поддерживается картинами, и который говорилъ правоучителю болѣе всѣхъ занимавшемуся: *вы, не любящій никакого дѣла*. Третій не разсуждалъ иначе, какъ по виду улицъ, и воображалъ, что все хорошо иъ томъ государствѣ, гдѣ великое число сташпуй,obeliskовъ, фасадовъ и великолѣпныхъ зданій. Четвертый спраспенъ былъ къ музыкѣ, и восхищался великимъ изобрѣшеніемъ дѣлать дѣшею кастрашами, дабы голосъ ихъ былъ пріятнѣе. Пятой былъ проспосердечный человекъ, любившій вольность, кою иноспраенецъ наслаждается въ Римѣ, и дешевое вино. Шестшой былъ свяшпша, который почиталъ достшойными уваженія шокмо церкви, процессіи, и мнимую свяшпсть мѣспа. Наконецъ седьмой былъ придворный, проведеншій большую часть жизни своей въ переднихъ и униженіи, и который весьма живо чувствсвалъ дѣну кротосши, уваженія, вѣжливосши, а наипаче шокъ равенства, которыми опличаются янашныя Рима. — Осьмой, бывшій противнаго мнѣнія, казался по видимому человекомъ не имѣющимъ никакого вкуса; ибо онъ думалъ, „что ничего не надобно заводипъ изъ лишняго, не снабдя себя прежде необходи-

красоты, въ коихъ иногда самыя писа-
тели мало согласуются. — Гордость,
 тщеславіе, надменность, самолюбіе, ки-
теніе, высокоуміе, пренебреженіе, хо-
лодность, сушь страха довольно ясныя
и которыя безпрестанно смѣшиваются.
Первый шагъ къ умствованію надле-
жалъ бы бытъ шогъ, чтобъ умѣнь го-
ворить; сіе случается рѣже нежели какъ
мы думаемъ, и вообще самое надѣжное

„мымъ., Онъ любилъ художества, а паче
еще науки, но преимущественно философію,
и сожалѣлъ что столь мало въ оной упражня-
лись: пренебрегалъ частную пышность, но
болѣе еще печалился о всеобщей бѣдности,
и сравнивалъ сіи великолѣпныя церемоніи и
роскошь духовныхъ съ простотою перваго
учителя. Онъ былъ праводушенъ и почиталъ
сіе главнымъ знакомъ добродѣтелей народа,
а всякую минушу его обманывали. Любилъ
давать подаваніе, но оно не производило въ
немъ тамъ никакого впечатленія, потому что
будучи худо разполагаемо, служило болѣе под-
поркою лѣности, нежели облегченіемъ спра-
дущему человѣчеству. Онъ почиталъ хоро-
шее земледѣліе доказательствомъ благоден-
ствія и истиннаго богатства, а видѣлъ де-
ревни опустошскныя, и проч. и проч.

средстве усовершенствованъ познаніе народа, состоянъ въ очищеніи его языка.

Ежели гордость есть необходимое слѣдствіе весьма высокаго о себѣ мнѣнія, то нѣтъ почти никого, кто бы въ себѣ не былъ виновенъ. Всякой увеличиваетъ цѣну своего достоинства, и хотя свѣтъ преисполненъ глупцами, но нѣтъ ни одного человека, который бы поспавлялъ себя шаковымъ. Заносчивый различествуетъ обыкновенно въ своихъ разговорахъ о себѣ скромнаго только шѣмъ, что говоритъ то, что другой думаетъ, и обнаруживаетъ что другой скрываетъ.

Есть родъ гордости или надменности, которую именуютъ благородною, и которая есть существенная добродѣтель. Человекъ гордый хочетъ заслужить свою собственную похвалу; тщеславный похвалу другихъ: одинъ желаетъ, чтобъ дѣянія его казались похвальными, другой чтобъ онъ были

таковыми на самомъ дѣлѣ: одинъ со-
храняетъ свое достоинство въ вели-
кихъ дѣлахъ; другой желаетъ опли-
чить себя въ маловажныхъ; но оныя
могутъ имѣть наружной блескъ, и быть
не менѣе того достойными сожалѣнiя:
сие рѣшимъ можемъ родъ предмета,
а не цѣна онаго. — Тщеславiе деревен-
ской дѣвки, кошорая чванится и важ-
ничаетъ въ праздничный день, попо-
му что у ней новыя башмаки, равно
какъ и графини, кошорая гордо ѣдетъ
въ великолѣпномъ экипажѣ и богатымъ
уборѣ, есть одно и тоже тщеславiе;
хотябъ побудительный къ оному пред-
мету стобилъ гривенъ, или спа шы-
сячи рублей, шо сiе одинаково до-
стойно посмѣянiя; равно какъ и оди-
наковое доставляетъ обѣимъ удоволь-
ствiе.

Самолюбiе поспавляется въ числѣ
свойствъ, кошорыя должно паче возбу-
ждать, нежели искоренять. Опнявъ у
многихъ людей ихъ слабости, испре-
бимъ шѣмъ и сѣмена ихъ добродѣтелей.

Не разсуждающъ о томъ, что необходимо нужно, дабы величайшіе люди во всѣхъ родахъ имѣли высокое о себѣ мнѣніе. Безъ довѣренности, каковую оно внушаетъ, ничего не привелибъ въ совершенство: Китайцы, самый скромный народъ, есть одинъ изъ самыхъ боязливыхъ и наименѣе изобрѣшательныхъ. Въ печеніи многихъ вѣковъ онъ болѣе лишился, нежели приобрѣлъ себѣ новыхъ открытій.

Тотъ, кто усовершенствовывается, предполагаетъ необходимо, что онъ въ сословіи присовокупилъ къ тому, что предшественники его сдѣлали наилучшаго: безъ сей надѣжды онъ будетъ токмо слѣпо по стезямъ ихъ слѣдовать. Ежелибы инокшорые изъ нашихъ предковъ не полагали, что возможно мыслишь лучше, нежели ихъ жрецы и публика, то бы мы осшавались въ идолопоклонствѣ и невѣжествѣ. — До нашего еще сполннѣя часто повипоряли, что ничего нельзя сказать новаго. Ежелибы Моншескю, Руссо и многіе другіе тому вѣрили,

то мы не имѣли бы лучшихъ ихъ пво-
реній; и ежели наши попомки будуще
думають, что невозможно насъ превзой-
ти, то никогда не исправяють нашихъ
погрѣшностей. Равно какъ и юный
Сципионъ, ежелибъ не дерзнулъ срав-
нить себя съ опытнымъ Аннибаломъ,
то никогда бы его не побѣдилъ. Слѣдова-
тельно въ весьма многихъ родахъ ве-
ликіе успѣхи оказываютъ шокмо люди
предубѣжденные въ своихъ собсвен-
ныхъ способностяхъ. Надобно имѣть
къ себѣ нѣкоторую довѣренность, ко-
торая наиболѣе приличествуетъ юно-
шѣ: безъ нея онъ будетъ всегда по-
средственнымъ, и онъ долженъ швовалъ
бы себя увѣрить, что *все другими сдѣ-
ланное есть возможно и для него*. Мо-
жно также примѣнить къ сему Махиа-
велево правило въ политикѣ, который
говоритъ: что надобно подражать
спрѣлку, который мѣститъ выше, не-
жели куда должно ему попастьъ.

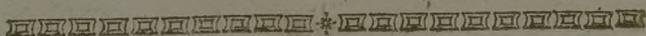
Относительно общества, самолю-
біе, ежели оно не у мѣсна, заслужива-

ешѣ посмѣяніе, но когда сопровождается познаніями, то можешѣ бышѣ испочникомѣ самыхъ знаменитыхъ добродѣтелей; чшо жѣ касается до вліянія его на частнаго человѣка, оно соснавляетѣ мученіе его жизни. Тотѣ, коего требованія всегда выше его имущества, понятія и уваженій, коимѣ другіе ему обязаны, ощущаетѣ опвращеніе, безпокоинся и сѣшуетѣ. Онѣ менѣ чувствившеленѣ къ благополучію и хорошимѣ поступкамѣ, ибо всегда признаетѣ оныя маловажными въ разсужденіи его заслугѣ. Болѣ терзаетѣся нещасіями и противорѣчіемѣ, пошому чшо увеличиваетѣ всегда оныя; напросивѣ шого скромность покрѣшитѣ, улаждаетѣ, уменьшаетѣ заботы и спосѣшествуетѣ къ удовольствіямѣ.

Обыкновенную гордость можно почесѣ болѣ *слабостію*, нежели порокомѣ: она бываетѣ иногда соединена съ самыми добрыми качествами; но рѣдко сносятѣ ее терпѣливо, ибо всякой, будучи подверженѣ оной, (хотяжѣ

скрывалъ или обнаруживалъ ее), оскорбляешия гордостію другихъ. Чѣмъ же касаешия до высокоумія, происходящаго отъ вѣршихъ преимуществъ, и которое бываешия тѣмъ сильнѣе, чѣмъ оныя сомнительнѣе, то оно естъ удѣлъ малыхъ умовъ; но когда обнаруживаешия грубымъ образомъ противу низшихъ, то сіе обыкновенно бываешия знакомъ подлой души.

Хотите ли вы умѣришия свою гордость? испытайте себя въ важнѣйшихъ дѣлахъ; преиятствія, которые вамъ вспрѣпятся, окажутъ вашу слабость и униязятъ ваше самолюбіе. — Сіе испыталъ я писавъ сіе сочиненіе.

О

скупости.

Жестокость, себялюбие, испорченные нравы, маловажные занятия низкой душѣ свойственныя, и многія другія погрѣшности, суть слѣдствія сего порока, копорый какъ извѣстно болѣе бываетъ свойственъ шарости. — Богатство обезпечиваетъ независимость скупаго, замѣняетъ различныя желанія, подкрѣпляетъ ослабѣвающія его силы, и служишь вмѣсто пѣхъ пособій, въ копорыхъ бы ему другіе ошказали, не предвидя ошъ него ни опасности, ни надѣжды, и зная что онъ не можетъ ничѣмъ бышь полезенъ обществу. — Но еслии спросишь сія овладѣешь молодымъ человекѣмъ, то она не токмо стѣсняетъ разумъ его, но и заглушаетъ всѣ благороднѣйшія чувства ду-

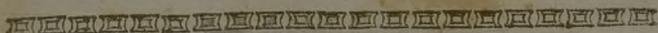
ши. — Скупой судитъ обо всемъ по деньгамъ, находитъ достойнымъ презрѣнія то, что не приноситъ ему прибыли; и старость, ослабляющая множество другихъ спрасней, сію единую шокмо усиливаетъ.

Скупость не всегда опорочиваетъ наслаждение. Чшобъ бытъ виновнымъ въ глазахъ ея, довольно имѣть непомятную алчность къ богатству и мало уважать средствами, какими оное пріобрѣтаешь. Сія безмярная спраснь, умножаемая всегда роскошью, есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ бѣдности, удручающей большую часть народовъ, для уполенія ненасытной албы малаго шокмо числа людей. — Скупой не есть пакже, какъ онъ себѣ воображаетъ, *геловѣкъ никакихъ нуждъ не имѣющій*; напрошивъ шого въ немъ соединены всѣ возможныя склонности, и онъ выдумываетъ безпреспанно средства къ удовлетворенію оныхъ; но малодушіе не допускаетъ его ими наслаждаться. — Такимъ образомъ ученый

познавъ всѣ правила мудрости, не имѣ-
ешь довольно твердости духа, чтобы
имѣ слѣдовать.

*Истинное богатство состоитъ въ
томъ, когда желанія наши достаточно
удовлетворены быть могутъ; а по се-
му и со множествомъ денегъ можно
быть очень бѣдну. Тотъ кто имѣетъ
сто тысячъ рублей въ годъ дохода, но
кого нужды пребудутъ двухъ сотъ,
гораздо бѣднѣе того, который получа-
етъ сто рублей, довольствуясь въ годъ
только пятидесятью. — Самый вѣр-
ный способъ къ приобрѣтенію бо-
гатствъ, есть ограниченіе желаній. Не-
обходимыя нужды наши весьма не мно-
гаго пребудутъ; напрошивъ чего ску-
пость и честлюбіе не имѣютъ друга-
го предѣла, кромѣ невозможности. Кто
имѣетъ миліонъ, тотъ желаетъ имѣть
ихъ нѣсколько. — Кто рожденъ Кня-
земъ, тотъ желаетъ быть Королемъ,
а достигнувши онаго, все еще не бу-
детъ доволенъ.*

Не скажемъ съ Сенекою, что богатство есть зло; не будемъ думатьъ съ просшимъ народомъ, что оно есть высшее блаженство; но придерживаясь середины, будемъ увѣрены, что оно тогда только есть истинное благо, когда приобретено дозволеннымъ образомъ, и когда мы умѣемъ изъ него дѣлать полезное употребленіе. — Будемъ скупы на шѣ блага, которыхъ мы ни похитить, ни дать не можемъ, на шѣ, которыхъ мы вездѣ, даже и за предѣлами краинкой сей жизни взять съ собой можемъ; еще немного, и всѣ другія покажущся намъ презрѣнія достойными! — Спавемъ изчислять сокровища наши числомъ нашихъ добрыхъ дѣлъ и благодѣяній. Будемъ неусыпно стараться умножать оныя; и въ пошъ день, въ который мы ничего къ нимъ не присовокупили, повспоримъ подобно божественному Титму, великое его слово: *Друзья мои! я потврялъ сей день!*

О

Бережливости.

Бережливости

Весьма многіе называютъ скупостью
благоразумную бережливость, которая
примѣняясь необходимостямъ ограни-
ченнаго положенія, по доходамъ сообра-
жаетъ свои издержки. Сіе качество
есть одно изъ сущесственнѣйшихъ для
домашняго благополучія, внушеннаго
спокойствія и охраненія независимости.

Бережливости
Человѣкъ прудолюбивый, умѣрен-
ный и любящій порядокъ, презирая
предразсудки роскоши и нѣги, находитъ
шамъ себѣ пособія, гдѣ другой оныхъ
найти не можетъ; шѣмъ замѣняетъ
онѣ малое свое имущество, и приобрѣ-
щаетъ средства къ приращенію онаго,

къ утвержденію уваженія, а часто и
къ защитѣ правоты.

Безпорядокъ ослабляетъ душу при-
чиняя безпокойствіе; по обязанности
къ опказамъ ожесточаетъ сердце; уни-
женія, хитрости и другіе способы къ
коимъ прибѣгаемъ въ распроенномъ
положеніи содѣлываютъ насъ низкими
и подлыми; и сверхъ спраданіями
исполненной спарости, кошорую оно
угошвляетъ, распуствво можетъ до-
вести молодыхъ людей до величайшихъ
преступленій. Нѣкто изъ наблюдаше-
лей челоѣка, разговаривавшій ошкро-
венно въ Ньюгашской темницѣ съ пышью-
десятью осужденными на смертную
казнь, возходя до первоначальныхъ по-
будительныхъ причинъ ихъ пресшуп-
леній, удивился, что большая частъ
оныхъ происходила ошъ заблужденій
щеславія и небережливости. *Ежели
бы я лучше зналъ Ариѣметику, сказалъ
ему одинъ изъ нихъ, то не повѣли бы
меня завтра на висѣлицу.*

Какъ женщины по ихъ состоянію болѣе занимающія домашнимъ хозяйствомъ, по бережливостъ есть одна изъ главнѣйшихъ ихъ добродѣтелей. Моншенъ, между обязанностями супруги, предпочиталъ сіе качество всѣмъ прочимъ; можетъ быть пошому что оно наиболѣе въ обыкновеніи и продолжается во всю жизнь. — И подлинно, въ нѣкошорыхъ лѣтахъ непорочность не столь обращаетъ на себя вниманія; бережливостъ же напрошивъ того всегда имѣетъ вліяніе на семейства, и ушверждаетъ домашнее благосостояніе, которое супругъ извѣдъ для онаго приобрѣшаетъ.

При нынѣшнихъ обычаяхъ, въ обществѣ наиболѣе надлежитъ убѣгать игры, спраси пагубной, которую надобно спараться подавлять съ самага начала; сверхъ того что изощраетъ умственные способности, испребляетъ она и природныя дарованія, помрачаетъ иногда честь, подвергаетъ ссорамъ, ненависти и всегдашней опасности.

Нѣтъ игрока, который бы твердо полагался могъ, что не наспушитъ когда либо пагубная минута, въ кошору, разъяренный отъ проигрыша, не усугубитъ онъ во сто разъ потерю свою, въ чаюни возвратитъ проигранное, и не доведетъ себя наконецъ до совершеннаго разоренія. — Молодой человекъ долженъ себѣ поставитъ правиломъ играть въ карты болѣе съ женщинами, коихъ игра обыкновенно умѣреннѣе бываетъ. — Другое неменѣе се-то важное правило, есть то, чтобъ предварительно не полагаться на будущее имѣніе: надобно издерживать то, что имѣемъ, а не то что можемъ имѣть. Самая основательная надежда часно оспается щепною, или по крайней мѣрѣ столь долго должно ожидать исполненія оной, что всякое о семъ предметѣ изчисленіе не есть вѣрное. N. N. прожилъ въ молодыхъ лѣтахъ вѣроятное наслѣдство большаго своего родственника, кошорому отъ роду болѣе боши лѣтъ было; нынѣжъ дяди 81й годъ, и онъ похоронилъ своего племян-

ника, который скончался въ болѣзни приключившейся ему ошв печали и ра-спушсшва.

Главное средство къ предваренію большихъ долговъ есть то, чшобы не входишь въ малые. Безпорядокъ упо-добляютъ снѣжнымъ шарамъ, кои шѣмъ болѣе увеличиваются, чѣмъ болѣе ихъ кашаютъ. — Надлежало бы издержи-вашь шокмо двѣ шреши своего дохода: (*) иначе въ непредвидимыхъ случаяхъ средства были бы недосшаточны къ до-спавленію себѣ нужнаго. Также нехудо имѣшь всегда въ запасѣ нѣкоторую сумму, и не касашься оной безъ крайней необходимости: сіе доспавляетъ ши-шину и спокойствіе предпочтительныя малымъ выгодамъ, которыя бы оная

(*) Но бѣдный, котораго весь доходъ едва слу-житъ ему на пропитаніе и необходимости жи-зни, можетъ ли слѣдовать сему правилу? — И шакъ оно остается для однихъ богатыхъ, которымъ и безъ шого все предоспавлено.

Пр. Пер.

доставишь могла, а въ случаѣ несчастія даешь время къ принятию надлежащихъ мѣръ.

Каждое состояніе подвержено не предвидимымъ несчастіямъ, и нынѣшнее обыкновеніе безъ вѣрнаго залога отдаваешь деньги въ ростъ не надѣжнымъ должникамъ еще болѣе насъ оному подвергаетъ. Богачъ вспавая упрямъ, можешь сдѣлаться бѣднымъ въ вечеру. Мало шаковыхъ людей, кои бы переносили сіи зоключенія съ швердосію и равнодушіемъ: они болѣе перпяшь по гордоси, нежели опъ другаго какого недоспашка: и когда оспашся у нихъ еще довольно имѣнія, чшобы оспашокъ дней своихъ прожись въ умѣренности и спокойствіи, то жертвуютъ они и онымъ, дабы еще нѣсколько времени поддержать санъ, кошорый бы могли съ честію съ себя сложить. Всякой долженъ бы предполагать неминуемое раззореніе, и предварительно принять мѣры и положить какой образъ жизни изберешь онъ въ подобномъ случаѣ.

Ювеналъ дѣлаетъ глубокомысленное примѣчаніе, говоря: „что наивеличайшее несчастіе бѣднаго человѣка состоитъ въ томъ, что онъ подверженъ „посмѣянію.“ Разсмотрѣвъ со вниманіемъ найдемъ, что посмѣяніе сіе происходитъ отъ тщеславныхъ усилій къ сокрытію бѣдности, равно какъ отъ нерѣшимости и ложнаго стыда оныя сопровождающихъ.

Ежели проливный рокъ лишилъ тебя своего имуществва, (говорилъ одинъ умный человѣкъ своему другу, обанкротившемуся купцу), то научись довольствоваться умѣренностію. Обнаружь чего не можешь скрыть; оказывай шуже швердость духа, но съ большею скромностію и сщепенностію. Сохраняй пѣже высочія чувствованія и смѣлыя правила; докажи что несчастіе не можетъ тебя привести въ уныніе. — Ты не имѣешь чѣмъ поддерживать роскошь: поспѣши ограничить свои издержки. Ты жилъ въ великолѣпномъ зданіи: избери себѣ простиой домикъ.

Домашніе твои уборы состояли изъ богатыхъ мебели и блестящихъ уборовъ: замѣни оныя простыми; они столько же будутъ для тебя полезны. Вместо серебряной и фарфоровой посуды имѣй фаянсовую или глиняную; она не столько блистательна, но столько же чиста и менѣе слѣдитъ. Слѣди пивой изобиловалъ иностранными напитками и вкуснѣйшими яствами: пей воду и не много вина, употребляй простую и здоровую пищу; тогда подагра и бессонница не столько будутъ тебя беспокоить, а воздержность въ пищу болѣе возбудишь пивой аппетита и лучше сохранишь здоровье, нежели все искусство повара и врача. Промѣняй шелковое твое платье на вапу и саржу; но будь опрятнѣе и старайся одѣваться со вкусомъ. Оставь всѣ безполезныя вещи и излишнія украшенія: простые часы также будутъ показывать тебѣ время какъ и драгоценныя; обыкновенная палка столько же тебѣ послужитъ какъ и дорогая цѣны, шабакъ твой столько же будетъ

свѣжѣ въ бумажной, какѣ и въ бриллианшами осыпанной пабаперкѣ. Для прислуги имѣль шы множесшво людей, шебѣ не нужны они болѣе: оппусти ихѣ, шы будешъ независимѣе и менѣе своенравенѣ. — Природа одарила шебя способностями, не спыдись упошребляшь оныя къ швоему пропишанію: *герный хлѣбѣ и правота* должны бышь девизомѣ швоей бѣдноти. Дабы изпоргнуть себя изѣ онаго положенія не гнушайся никакими способами, ежели они чесны. — Въ нѣдрахѣ швоего семѣйшва должно царешвовашъ равеншво въ обращеніи: чшобѣ ничего не было ни бѣдкаго, ни прошивоположнаго. Имѣй домѣ, кошорый бы болѣе походилъ на зажиточнаго ремесленника, нежели на домѣ раззореннаго богача: соблюдай вездѣ чистоту, и пущѣ будешѣ въ ономѣ видимо изобиліе, хошябѣ оное въ каршофеляхѣ состояло. — Кѣ украшенію оставь нѣкоторыя избранныя книги; изѣ опличій же, благонравіе, просвѣщеніе и учшивое обхожденіе; бѣдное швое положеніе получишь ошѣ того

новый блескъ. Вскорѣ ты почувствуешь, что привычка содѣлывается почти всѣмъ состоянiя равными; ты познаешь новыя удовольствiя о коихъ прежде никакого не имѣлъ понятiя; пошѣрю блеска замѣнишь спокойствiемъ, а можешь быть и свободою. Съ начала изумишь ты всѣхъ шаковымъ поведенiемъ; но попомъ будешь удивляться своему состоянiю. Ты прежде былъ богатымъ, тогда прослышишь мудрымъ. вмѣсто ложныхъ найдешь ты искреннихъ друзей; можешь быть поправляешь они свое состоянiе: но единожды привыкнувъ къ просшымъ удовольствiямъ, вѣроятно что упущенныя не будешь имѣть для себя прелестей.

Отъ небрежливости и неумѣренности между знатными много находишь нищихъ богачей, проводящихъ дни въ безпокойствiи и недостаткѣ; пышное хвастовство ихъ есть завѣса ихъ бѣдности. Роскошь многихъ шаковыхъ подобна роскоши мѣщанокъ, которыя по воскресеньямъ въ нарядномъ

уборѣ и шелковомъ плащѣ гордо вы-
супающъ, но коихъ нескромное дви-
женіе обнаруживаетъ грязную рубашку
и чулки съ дырами.

Часто многіе по щеславію быва-
ющъ расночишельны, а чтобъ поддер-
жать пышность свою, скряжничаютъ
въ мѣлочахъ. Служащихъ людей ли-
шаютъ нужнаго, торгуются до по-
слѣдней копейки съ бѣднымъ работ-
никомъ, который изъ двухъ убавлен-
ныхъ копѣекъ могъ бы сварить супъ
для своей жены и дѣшей. Заспавля-
ющъ ждашь плашежа мѣлочнаго купца
или бѣднаго ремесленника, которые
трусами доставляютъ себѣ дневное
пропитаніе, и кои чрезъ шаковое за-
мѣдленіе, по робости своей или ложному
почтенію, принуждены бываютъ при-
нимать раззорительныя для нихъ мѣ-
ры. Наконецъ содѣлывающа презри-
тельными, желая заспавить другихъ
уважать себя. — „Скупымъ называющъ,
„говоритъ нѣкоторый Англицкій на-
„блюдатель, болѣе того кшо скряжни-
Часть I.

„чаешъ въ бездѣлицахъ, нежели кто
„бережливъ въ большихъ вещахъ.“

Надобно быть бережливымъ въ важныхъ предметахъ, и благородно поступать въ малыхъ. Вознаграждать щедрою рукою заслуги нашихъ подчиненныхъ есть вѣрнѣйшій способъ къ приобрѣтенію ихъ почтенія и уваженія. — Щедрость есть одинъ изъ первѣйшихъ признаковъ величія души и добросердечія; несправедливо судятъ тѣ которые полагаютъ что для сего надлежитъ быть богатымъ: она бываетъ всегда соразмѣрна владѣемому нами имѣнію. Кто имѣетъ сто копѣекъ и даетъ двѣ, щедрѣ того кто имѣя сто червонцовъ даетъ одинъ. — Сколь низкія имѣемъ мы чувствованія! наши журналы торжественно обнародываютъ подвигами благошворительства даянія отъ 10^{ти} до 20^{ти} шалеровъ; и когда наибогатѣйшій частный человекъ въ Европѣ въ суровую зиму жертвуетъ десятинысячною частію своихъ доходовъ, чтобы согрѣть нѣсколькихъ несчастныхъ, уми-

рающихъ сѣ холоду, що всѣ вѣдомости
такое дѣяніе поспавляють дивомъ
и превозносять похвалами (*); напро-
тивъ того Турки, коихъ мы называемъ
варварами, обязаны по ихъ религіи да-
вать бѣднымъ десятую часть полуцае-
мой или прибыли (**), каковыи долгъ
многіе изъ нихъ исполняютъ сѣ до-
вольною точностію, а иногда и болѣе
того жертвуютъ.

Вообще нестоль трудно пріобрѣ-
сти богатства, какъ умѣли распо-
лагать оными. Изъ тысячи пріобрѣ-
вшихъ себѣ имѣніе, весьма немногіе най-
дутся, кои бы умѣли благоразумно
онымъ пользоваться. Воображаютъ, что
богатство соспавляетъ званіе, цѣнятъ

(*) Конечно не въ Россіи, гдѣ и великодушнѣй-
шія усилія для пользы Государства и къ об-
легченію страждущаго человечества, почи-
ются обыкновенными дѣяніями. — Любезное
отечество! сколь пріятно сердцу моему, что
я не измѣняя истинѣ могу хвалить себя, и
шцеславиться именемъ Россіянина.

Прим. Переводъ.

(**) Смори предисловіе Алкорана.

себя по роскошному своему житію, и удивляются попомъ чпо сіе суешное щщеславіе не доставляешъ имъ оббщаннаго удовольствія. — Надлежало бы изчисляшъ богатства по числу наслажденій, а не по способамъ къ снисканію оныхъ; и выраженіе *устроишь свое щастіе* долженствовало бы означашъ ту перемену, которая изъ глуца дблаетъ умнаго.

Можно въ одно время бышь весьма расшочительнымъ и корысполюбивымъ, весьма бережливымъ и щедрымъ. Первый много издерживаетъ, рбдко даритъ и безъ выбора: другой мало ирашитъ, часто даритъ и знаетъ кому оказывать благодбня. Умалчивая о праводушіи, по гордоспи надлежало бы бышь менше щщеславнымъ; по корысполюбію менше скряжничашъ; и по сласполюбію бышь воздержнбе.

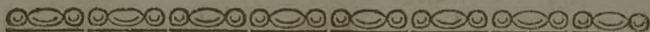
Много естъ людей, кои ежегодно жершуютъ значными суммами суешному желанію казашъ себя въ большомъ свблб; шбмъ не увеличиваютъ они еште-

ешвенныя свои удовольствія: пышность ихъ производилъ впечатленіе въ глупцахъ, но они навлекающъ на себя посмѣяніе благоумныхъ, и часто въ глазахъ бѣльшей части людей слывущъ гнусными. — Ежелибы десяную часть своихъ издержекъ употребили они на щедролубивыя даянія и малыя благошворенія, то равно приобрѣли бы удивленіе перьвыхъ, почщеніе вторыхъ, а сверхъ того и славу благошворительнаго челоука. — Единая цѣна излишняго украшенія, мебели или драгоценной вещи, будучи замѣнены проспыми, моглибъ извлечь цѣлое сѣмейство изъ бѣдствія, чеснаго челоука изъ опчаянности, прекрашисъ спраданія болнаго, изпоргнушь должника изъ темницы, а можешъ бышь и невинность оубъ порока.

Нещасный! на лонѣ пышности влачатій жизнь свою въ скукѣ, досадѣ и пресыщеніи, щещно ищешъ шы разсѣяшь припупленные швои чувства и мечшу швоей гордосши! разумѣ швой

ослабѣлъ, шѣло швое изнурено; но ты не вѣдаешь еще душевныхъ наслажденій, пошому что пренебрегѣ чистѣйшія удовольствія природы: можешь быть никогда прогашельный взорѣ несчастнаго, гонимаго судьбою, не преклонялъ себя къ сожалѣнію; можешь быть никогда не встрѣчалъ ты нѣжную улыбку дружбы; сердце швое не изливалось въ ушѣшеніяхъ спраждушаго, котораго бы ты облегчилъ жребій, оно не приходило въ восторгѣ отъ движенія челоѣколюбивѣйшихъ чувствованій, и не трепетало съ восхищеніемъ при воспоминаніи благодѣянія. — Никогда не зрѣлъ ты признашельность припадающую къ швоимъ стопамъ, вздохами прерывающимся гласомъ приносящую тебѣ благодареніе; недоумѣвающую въ восторгѣ своемъ, ангелъ ли ты или челоѣкъ, и возводя къ небу орошенныя слезами очи, умоляющую оно, да ниспошлетъ тебѣ свою благодать въ воздаяніе швоихъ добродѣтелей. — Опринь на время великолѣпную пышность, всегда уклоняющуюся отъ цѣли природы и непрони-

цавшую до крова бѣдности. Единая
покло проспоша къ ней имѣешь до-
спунѣ; и къ вящему несчастію покло
опытѣ вѣдаешь всѣ оной ужасы, и пред-
пріемленѣ благоразумныя мѣры къ ула-
жденію ея участи.— Сибни шворишь до-
бро, возврати пошерянное время, жизнь
споль скоропреходяща, случаи споль
рѣдки, и искусшо къ смисканію оныхъ
споль мало извѣсно! — Чпо останеш-
ся у тебя наконецъ ошѣ всѣхъ сихъ
богашствѣ, кромѣ прискорбнаго убѣж-
денія, видя оныя преходящими въ дру-
гія руки. Упошребляй ихъ на благо-
шворительство; доходы швои сидушѣ
сѣ шобою во гробѣ. Сія ушѣшитель-
ныя воспоминанія предшавляшѣся бу-
душѣ шобѣ на смершномѣ одрѣ, и со-
кровенный гласѣ сѣ прошоснію ша-
нешѣ вѣщашѣ шобѣ: *не страшись ниге-
го; я тебя сопровождая: вскорѣ ты ло-
бѣдишь; вскорѣ благія твои намѣренія
возведутѣ тебя на вышшую стелень,
здѣ возможешѣ ты раслространишь на-
слажденія и дѣйствія оныхѣ,*

0

умѣренности.

Сія любви достойная добродѣтель, дщерь мудрости и мужества, есть одна изъ главнѣйшихъ качествъ для владычествованія надъ смертными, безъ коей нѣтъ истинной философіи. — Умѣренность можно раздѣлить на нравственную и физическую. Первая руководствуетъ душевными нашими желаніями, другая умѣряетъ чувственные. Свойство первой есть довольствоваться малымъ, другой, вкушать удовольствія безъ прискорбія. Одна изчисляетъ наслажденія, и опровергаетъ изъ оныхъ тѣ, копорыя болѣе вреда нежели добра причиняютъ: другая наблюдаетъ истинную средину между крайностями.

Примѣчанія достойно, что всѣ крайности касающія одна другой и составляющія непрерывный кругъ; какъ то: удовольствіе обращается въ *печаль*; свобода въ *своевольствіе*; величіе въ *рабство*; вышшая степень ума сопряжена съ *глупостію*, пошому что множество познаній походитъ на замѣшательство; чрезмѣрная чувствительность, на меланхолію; самая глумокомысленная ученость ведетъ къ сомнѣнію, пошому что вѣдаетъ ограниченность ума человѣческаго: сомнѣніе влечетъ за собою невѣжество и суевѣріе; а часто вышшая степень безумія цѣлаго столѣтія служила къ просвѣщенію послѣдующаго. Несчастіе заставляетъ разсуждать, шѣмъ самымъ содѣлываетъ насъ умными, а пошому и благополучными. — Надлежитъ обозрѣть почти всѣ нравственные и физическіе предметы, дабы означить нѣ случаи, когда отъ крайняго зла происходитъ добро, а отъ добра зло.

Ограничивая наши нужды, наслаждаемся мы драгоценнымъ плодомъ, умѣ-

ряющимъ честолюбіе, скупость и другія пагубныя спрасши, угнѣпающія чело-вѣчество. — Кшо довольствуешься малымъ, шомѣ гнушаешься бышь несправедливымъ и прииѣснишелемъ; и какую бы нашелъ онѣ въ томъ выгоду? Онѣ лучше чувствуешь необходимость собственнаго своего и честныхъ людей почшенія, и пошщишься оное заслужить. Съ большею швердосшію будетѣ исполнять свои обязанности, пошому чшо менѣе спрашишься ударовъ форшуны, кошпкой основаніе въ немъ самомъ находишься.

Умѣренность, и безкорыстіе ошѣ нея происходящее, въ какомъ бы положеніи мы ни находились, суть вѣриѣшніе залогои нашея правоты. Онѣ также служатъ защитною ошѣ порабощенія, зависши, хипросшей и униженія, споль часто помрачающихъ славу шѣхъ кои ищущъ благополучія въ блескѣ и благосклонности знашнихъ. Не имѣя надобности въ ихъ милосшяхъ, содѣлываемся почти имъ равными: можемъ даже бышь и превыше ихъ, пошому

что тогда между ими и нами не оспашся иных сношений, кромѣ личнаго до-
стоинства. Атлинскій мѣщанинъ насмѣ-
хаешся покровительству своихъ Лор-
довъ. Ежели ты ревностный сынъ оте-
чества и честный человекъ, говоришь
онъ ему, то я тебя почитаю и уважаю;
но ежели ты плутъ или глупецъ обѣ-
щанный орденами, то ненавижу и пре-
зираю тебя: мы не имѣемъ ничего обща-
го кромѣ законовъ, а предъ оными мы
равны. „Не спанемъ полагаться,“ гово-
ришь одинъ стихотворецъ, „на сіи
„слова: житейскія надобности; значеніе
„оныхъ распространяюшь до роскоши
„и распустишся.„ Необходимыя нужды
бываюшь весьма ограниченны; и еже-
либы чаще вникали въ сокровенныя побу-
дительныя причины оныя распростра-
няющія и увеличивающія, то сіи опкры-
нія весьма унизилибъ нашу гордость.

Человекъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ
долженъ опвыкаться опъ изнѣженной
жизни, несвойственной многимъ со-
спояніямъ, какъ то военному и другимъ.

Главный предметъ воспитанія древнихъ былъ шотъ, чтобы приобучашь юношество къ трудамъ, переносить спужу, жаръ, голодъ, жажду и прочія нужды: сверхъ полезнаго вліянія на здоровье, оно въ разныхъ случаяхъ способствовуешь душевному спокойствію и свободѣ. Кшо ограничиваешь желанія свои въ необходимыхъ надобностяхъ, можешь онымъ вездѣ удовольствовишь: онъ не сполько спрацишья опасностей когда долъ его къ шому зовешь: не унываешь когда противныя обстоятельства ввергають его въ бѣдностъ: а кшо изъ смертныхъ знашь можешь, чшо судьба ему угошовляешь?

По привычкѣ споль же спокойно спяшь на соломѣ, какъ и на мягкой перинѣ. Предразсудки заспавляютъ насъ думать, чшо лучше обѣдаемъ когда на столѣ бываетъ двадцать блюдъ нежели шокмо два. — Скажемъ, чшо комната испещренная всѣми ушонченными художествъ украшеніями болѣе насъ увеселяешь нежели хижина; чшо

нарядѣ со вкусомъ содѣлываетъ природныя прелести пѣвнишельѣ; что ананасъ вкусаѣ рѣпы. Признаѣмся также что пріятно имѣшь великолѣпныя зданія, блестящія экипажи, и что высокое почтеніе глупца, который судитъ насъ по ложному блеску сихъ бездѣлицъ можеть бышь иногда весьма забавно. Станемъ наслаждаться сими выгодами, ежели положеніе наше шо позволяеть, но не будемъ споль малодушны, чтобы онымъ придавалъ излишнюю цѣну: и повѣримъ, что и безъ нихъ благополучными бышь можемъ.

Между роскошными людьми надобно различать шѣхъ, которые пышность полагають пушемъ къ пріобрѣпенію уваженія, и другихъ, кои примѣняясь проспонароднымъ предрасудкамъ бывають распочительны для доспизженія ихъ цѣли, и для того чтобы блистать предъ чернію. — Ежели молодой человекъ желая нравиться прекраснымъ женщинамъ, которые часно

менѣе бывающѣ въ состояніи судить
объ особѣ его нежели объ одѣждѣ,
употребляющѣ всю упомоченность убо-
ра, дабы болѣе возвеличить свою кра-
соту; или ежели знашнѣе стараешся
ослѣпить своихъ подчиненныхъ надѣ
коими иначе господствовашъ не мо-
жешъ; но таковыя средства могутъ
быть основательны, и употребляюща-
го оныя скорѣе должно почестъ заблу-
горазумнаго, нежели за щеславнаго
человѣка. — Бывающѣ такія положе-
нія, гдѣ надобно являть нѣкошорую
пышность; но прудно опредѣлишь вре-
мя и предѣлы ея, пошому что слово
роскошь по свойству своему имѣетъ
неопредѣлительное значеніе, и необхо-
димо сопряжено со многими личными
и общественными обстоятельствоми.

Удовольствіе также принадлежитъ
къ первѣйшимъ потребностямъ.
Неушомимое прилѣжаніе, или крайне
спрогая жизнь могутъ быть споль же
пагубны, какъ и противоположныя
крайности; таковая жизнь изсушаешъ

и повреждаетъ здоровье, содѣлываетъ
человѣка пугливымъ и жестокосердымъ :
напрощивъ того умѣреннаго удоволь-
ствія освѣжаютъ воображеніе, смягча-
ютъ нравъ, и преклоняютъ насъ къ
благошворительнымъ чувствованіямъ.
Душа и тѣло получаютъ новыя силы
для полезныхъ трудовъ. Всякое удо-
вольствіе никому не вредящее есть
невинное, а то которое причиняетъ
вредъ только намъ самимъ, есть сла-
бость, а не порокъ.

Безъ сомнѣнія надлежитъ предпо-
чищать внутреннія и нравственныя
наслажденія, не исключая однако виш-
нихъ и тѣлесныхъ. — Человѣкъ со-
составленъ изъ тѣла и души; изъ чего
слѣдуетъ, что благополучіе и добродѣ-
тель не могутъ быть отнесены къ
одному изъ оныхъ; но состоятъ въ
союзѣ необходимыхъ нуждъ обоихъ и
въ равновѣсіи ихъ дѣйствій. Сама при-
рода опредѣлила степень оныхъ, нака-
зывая того кто отъ нея уклоняется
или переходитъ предѣлы оной. Отвер-

гая невинныя удовольствія презираемъ
ея благодѣянія: обуздывая съ крайнею
суровоспшю внушаемая природою склон-
ности пресупаемъ ея законы. Но сіи
желанія и нужды равно распространя-
ются на наше нравственное и шѣлес-
ное бышіе; польза и честность столь-
кожъ оному свойственны какъ пріят-
ность и чувствительность. Удовольствіе
низко, ежели не сопровождается нѣж-
ными чувствованіями, а сладостраспіе
безъ оныхъ шѣряетъ прогашельнѣй-
шія свои прелести.

Утренняя работа, вечерній отдыхъ,
частое шѣлесное движеніе, воздерж-
ность, церемѣнная жизнь, по уединен-
ная по свѣтская, спокойствіе невин-
ности и умѣренность въ желаніяхъ
продлѣвають цвѣтущія лѣта юности,
увеселяють насъ, укрѣпляютъ разумъ
и утверждаютъ согласіе душевныхъ
способностей.

Многократно говорено было, и нель-
зя того довольно повторять, что не-

воздержность разрушаетъ здравіе, помрачаетъ славу, содѣлываетъ насъ несчастными, малодушными и даже неспособными къ наслажденіямъ. Человѣкъ слишкомъ предавшійся чувственнымъ удовольствіямъ и распусшивъ неприобыкъ переноситъ шаягостные пруды, безъ коихъ рѣдко можно выйти изъ посредственнаго положенія. — Гдѣ окончивается нужда, тамъ начинается прискорбіе, и кто безпрестанно упоиваетъ въ удовольствіяхъ, тому оныя скоро наскучатъ. Чемъ рѣже мы наслаждаемся, тѣмъ пріятнѣйшее ощущаемъ впечатленіе. Женщинамъ, для ихъ благополучія, слѣдовало бы поступать по сему правилу, и твердо удостоверить, что чемъ чаще пользуемся мы ихъ благосклонностями, тѣмъ скорѣе горячность наша охладѣваетъ, и что пресыщеніе есть величайшій врагъ любви.

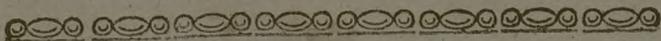
Вообще умѣренность въ пищѣ есть отрасль бережливости и народнаго воспитанія, особливо же въ шѣхъ спра-

нахѣ, гдѣ число жителей соразмѣрно
проспанству обитаемыхъ земель, а
еще болѣе намѣ гдѣ оно превосходитъ:
и убавка свѣспныхъ расходовъ часп-
наго челоѣка опчаспи приращаешя
въ пользу общенароднаго изобилія. Еспъ
народы, кои на пищу, а еще болѣе на
пишье сполько издерживаютъ, что
въ развореніе приходятъ, но къ край-
нему ихъ спыду они шѣмъ еще пше-
славяшя, и св сосрадашельнымъ
окомъ взираютъ на своихъ сосѣдей,
для шого что они нешакіе же обжоры.

Проспона еспъ шакже одна изъ
опличныхъ свойствъ умѣренности.
Чтобъ бышъ независимымъ, надлежитъ
приучать себя обходиться безъ дру-
гихъ, и прислуживать себѣ въ случаѣ
нужды. Также надлежало бы оставишъ
высокомѣрное педанство, украшаемое ча-
спо благовиднымъ пишломъ *важности* и
степенности, въжливо обращаться св
низшими, и убѣдишъя что никакого
спыда нѣшъ бышъ самому себѣ полез-
нымъ, а еще менѣ другимъ. — Я при-

веду нѣкопорыя примѣры прогашельной просшоты, кошорые покажущся маловажными для шѣхѣ, кои не вѣ сошюяніи будущѣ оныя чувспшовашь. — Фельдмаршалъ де Саксѣ нѣкогда скинулѣ сапогѣ у раненаго солдата. — Нѣкошорой Авспрійскій Принцѣ прогуливаясь одинѣ, увидѣлѣ ребенка плачущаго на берегу канавы, куда шляпа его упала, онѣ спустился шуда и принесѣ ему оную. — Другой Принцѣ пришедѣ къ оградѣ, кошорую вѣшерѣ свалилѣ на дорогу, гдѣ свшпа его ее бы разломала, силился ее приподнять; прибѣжавшій придворный вскричалѣ: *Помилуйте Ваша Свѣплость, што вы дѣлаете? Я избавляю, ошвѣчалѣ онѣ, одного изѣ моихѣ подданныхѣ отѣ трехдневной работы.* — Одинѣ изѣ первѣйшихѣ Монарховѣ сидя вѣ коляскѣ наѣхалѣ на перекресткиѣ на шельгу, мужикѣ ненаочно ударилѣ его вѣ лице: *это служилось незнагай,* сказалѣ Герой, и безѣ гнѣва и ропоша, сѣ хладнокровіемѣ продолжалѣ свой разговорѣ. — По симѣ мнимымѣ бездѣлицамѣ философѣ часто

познаетъ великаго челоѡка, коего бла-
городная простота содѡльвается
однимъ изъ отличнѡйшихъ качествъ. —
Чтожъ касается до людей напыщен-
ныхъ щеславіемъ, то оставимъ ихъ
каковы они есть: и къ несчастію въ
каждомъ возрастѣ довольно найдемъ
шаковыхъ.

0

з д р а в і и.

Искусство сохранять свои телесныя силы, по вліянню на благополучіе и даже на добродѣшель, принадлежитъ нѣкошорымъ образомъ къ философіи. Безъ здравія къ чему послужатъ всѣ другія выгоды? — Къ прискорбію нашему; ибо мы не въ состояніи оными наслаждаемся. А мы безразсудные, не радѣемъ о здоровьѣ, какъ будто бы оно никогда не могло повредиться! Въ цвѣтущихъ лѣтахъ юности наиболѣе надобно спараться о сохраненіи онаго, но обыкновенно въ семъ возрастѣ наименѣе мы попеченія объ немъ имѣемъ. „Одну часъ жизни нашей, говоримъ

„ла Брюйеръ, упоцребляемъ мы на шо,
„чтобы содѣлать другую несчастною.“

Тѣло и душа сопряжены пошь шѣ-
снымъ между собою союзомъ, что раз-
спройсшво перьваго ошъ часпи имѣетъ
вредное вліяніе на нравсшвенное наше
бышіе; и сія взаимная зависимость бы-
ваетъ причиною, что имѣя раденіе о
шѣлѣ, прилагаемъ ошъчаспи попеченіе и
о душѣ. — *Дайте мнѣ*, говорилъ Га-
ліенъ, *буйнаго теловѣка*, я сдѣлаю его
умѣреннымъ; а *лѣниваго прилѣжнымъ*:
незнаю правдали сіе, но по крайней мѣ-
рѣ достовѣрно сказать можно, что
умѣренность въ пицѣ и питіи имѣетъ
большое вліяніе на нѣкошорыя спра-
спи, и что ошъ распусшва сила испре-
бляешся, красота увядаешъ и душев-
ныя свойсшва ослабѣвають. — Сіи при-
чины и многія другія должны бы побу-
дипь каждаго имѣшь особое попеченіе
о своемъ здоровѣѣ, и сверхъ наблюдае-
мой діешы общошпельно узнать соб-
сшвенное сложеніе.

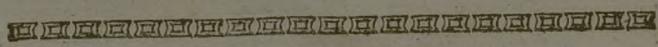
Не надобно съ лишкомъ много, ни съ лишкомъ мало полагаться на врачебную науку. Ежели естъ болѣзни, прошивъ кошорыхъ неизобрѣла она еще никакихъ вѣрныхъ средствъ, шо ушвердительно сказашъ можно, что естъ много и шакихъ, къ излѣченію коихъ она руководствуется основательными правилами: но когда и не можешъ насѣисѣлишь, шо по крайнѣй мѣрѣ доставляешъ облегченіе; и врачъ кошорато лѣченіе унимало бы шокмо боль, доставляя природѣ время собрать силы свои, дабы съ вѣроянѣйшимъ успѣхомъ прошивоборспивовашъ вкоренившемуся злу, естъ уже весьма полезный человѣкъ. По невѣжеству часто обращали въ смѣхъ сіе сосшоаніе: но мало шаковыхъ, кошорые бѣ были почщеннѣе и полѣзнѣе, когда оныя исполняются съ познаніемъ, благоразуміемъ и безкорыстіемъ. — И естъли званіе досшохвальнѣе шого, какъ неусынно шрудиться о облегченіи учасши спраждущаго человѣческа!

Опытъ доказываетъ намъ, что въ нашихъ климатахъ лучшіе способы къ сохраненію здравія суть воздержность, оспорожность избѣгашъ внезапной переменъ отъ теплоты къ стужѣ, пошому что большая часть болѣзней происходитъ отъ оспанавливающего испаренія: частое пѣлесное движеніе также необходимо нужно, ибо оно предвѣщаетъ другую болѣзнь, шо есть всякаго рода завалы: чистой воздухъ не менѣе шого нуженъ, онъ полезенъ для мозгу и груди, и спосѣшествуетъ варенію желудка; лишеніе коего есть шягосшная дань приносимая нами въ жершву большимъ городамъ. — Но невходя въ подробности не соразмѣрныя моимъ способностямъ и непринадлежащія къ моему предмету, шшобы обратиться къ нравственной цѣли, надлежитъ признаться, что ничшо шшолько не спосѣшествуетъ къ прохладенію крови и къ утвержденію согласія во всѣхъ частяхъ, какъ владычество надъ нашими спрасшями и внутреннее спокойствіе, обыкновенная подруга добродѣ-

тели. Присовокунимъ къ тому, что ежели существенная обязанность человека есть имѣть попеченіе о сохраненіи своего здравія, то чрезмѣрность онаго обращается въ пороки; что можно оному жертвовашь нѣкоторыми удовольствіями, никогда же должно; и что содѣлывая оное главнѣйшимъ предметомъ нашихъ попеченій, болѣе бываемъ малодушны, нежели благодарны.

Наконецъ и самыя болѣзни служатъ къ пользѣ мудраго. Онѣ находятъ случай обнаружитъ твердость духа, прошивоборшвуя боли. Въ сихъ положеніяхъ также убѣждаемся мы о суетѣ мірской и въ необходимости къ доставленію себѣ истинныхъ удовольствій. — Умершій или со смертию борящійся человекъ часто бываетъ весьма хорошею бесѣдою; а кладбище превосходнымъ училищемъ, гдѣ можно обучаться познаванію самаго себя, умѣрять свое честолюбіе, прощать своимъ врагамъ, кошорые вскорѣ сущесствовашь небу-

душѣ. — Еще нѣсколько минушѣ, и всѣ
люди превращаясь въ прахѣ: ужасная
мысль для несправедливаго прииѣсни-
теля; но уиѣшишельное ожиданіе для
угиѣшенной добродѣтели! . . . Увы!
жизнь наша столь скоролпреходяща, а
мы содѣлываемъ себя толико виновными!

благоразуміи.

Средства упошребляемыя къ достиженію предполагаемой цѣли называемы мы благоразуміемъ. Оно само по себѣ не есть ни порокъ ни добродѣтель, но содѣлывается шѣмъ или другимъ, смотря по предметамъ, кошорые оно избираешъ. Тиранъ, начальникъ разбойниковъ, могутъ бытъ наиблагоразумнѣйшими людьми; и къ несчастію даръ сей есть болѣе удѣлъ слабыхъ и подлыхъ душъ, нежели великихъ и добродѣтельныхъ. Симъ послѣднимъ шятошно скрывать свои сердечныя чувствованія, казаться хитрыми и прищворными, чего шребуешъ однакжъ

осторожностъ, для защищенія отъ напастей и бѣдъ, столь часто жизнь нашу удручающихъ.

Человѣка съ великими дарованіями, но не пушеводимаго благоразуміемъ, сравнивали съ баснословнымъ Полифемомъ, мощнымъ, но лишеннымъ зрѣнія, который не въ состояніи употреблять въ пользу силы свои. — Испорія, опышностъ и изученіе человѣка естъ ея училище. Надлежало бы упражняться въ сей наукѣ и на маловажныхъ предметахъ. Падая младенецъ привыкаешь ходишь, а *стрѣляя въ цѣль* приготавливаемся *братъ приступомъ крѣлости*. Сверхъ того пріятно занимаешься малыми предметами, которые привлекающъ наше вниманіе, не причиняя намъ безпокойствія, и по коимъ научаемся мы замѣнять искусствомъ неблагопріятствующую форшуну. Въ семъ состояишь главное удовольствіе, которое доставляетъ намъ игра: и сіи начальныя опыты могутъ быть *пикетомъ* или *кадрильею* для полишическихъ умовъ.

Мало есть намбрений или предпри-
ящій, копорыхъ бы нельзя было при-
наровишь къ правиламъ Ариеметики,
единственное средство судишь съ поч-
носною; надлежитъ шокмо опредѣ-
лишь цѣну нещасно, котораго опасе-
мся, и благополучію котораго ожида-
емъ, сдѣлашь соображеніе, и по оному
рѣшишь на то или на другое.

Всякой человекъ, находясь въ одина-
комъ съ другимъ положеніи, будетъ ра-
злично судишь объ однихъ и тѣхъ же
предметахъ; но изчисленіе ихъ не мѣнѣе
будетъ вѣрно, по той причинѣ что до-
бро и зло, завися вообще отъ чувствован-
ія или мнѣнія нашего, суть въ самомъ
дѣлѣ шакovy, каковыми намъ кажу-
ся. — Одинъ пожертвуетъ жизнію
своею за бездѣлку; другаго перзаетъ
мысль разснаться съ оною: перьвый
скажетъ, она ничто сама по себѣ, цѣ-
на ей опредѣляется гореснію или прі-
япностями оную сопровождающими:
другой полагаетъ ее перьвѣйшимъ бла-
гомъ сего свѣша, безъ коего не возмо-

жно наслаждашья всѣми другими, и не захочешь пожертвовашь цѣлымъ за малую часшь.

Благоразуміе проспирающеся до робости часшо бываеть преградою шѣмъ способамъ, которые находящя въ насъ самихъ или въ положеніи нашемъ; оно мѣдленно шеспвуеть намъ гдѣ должно бѣжашь, не опшавиваясь предпринимашь чрезвычайныхъ мѣрѣ, которыя конечно могуть бышь пагубными, но безъ коихъ не возможно преодолѣвашь преняшшвій; — въ большую игру большія бывають и выигрыши.

Чемъ болѣе кто неуспрашимъ, шѣмъ менѣе имѣешь нужды бышь *благоразумнымъ*; ибо то, что моглобь навлечь злѣйшее нещасіе послѣднему, не можеть бышь вредно для перьваго. Слабый, или злобной души человекъ проспираетъ значеніе сего слова до низости, вѣроломства, шрусости: перьвый безпокоясь о своей безопасности изумляется всему необыкновенному и

окуждаетъ всѣ сильныя мѣры: другой не имѣя никакихъ понятий о великихъ выгодахъ добродѣтелию доставляемыхъ, руководствуется низкимъ честолюбиемъ. — Граціанъ говоритъ, что *коптыль ожиданія могущественнѣе Геркулесовой палицы*. Юлій Цесарь напрошивъ того полагалъ надѣжду на опважность, и ожидалъ успѣховъ отъ быспрошы дѣйствія. Оба они разсуждали по своимъ способностямъ и положенію: одинъ былъ старъ и Езуитъ, другой молодъ и Герой.

Весьма ошорожное поведеніе не есть добрый признакъ въ юношѣ: ему болѣе приличесивуетъ иѣкоторая пылкость и опважность, копорья съ лѣтами превращаясь въ поспоянное мужество; напрошивъ чего толь копорый въ 20 лѣтѣхъ поспунаетъ съ благоразуміемъ свойственнымъ спарикамъ, върояшно будетъ въ 40 лѣтѣхъ хишрымъ, жестокимъ и робкимъ.

Главнѣйшія правила къ успѣху предпринимаемыхъ дѣлъ насъ пушеводящія суть слѣдующія:

Начни разсмотрѣніемъ цѣли своей. Дай самому себѣ отчетъ о причинахъ тебѣ къ оной побуждающихъ. Отъ сего перваго шага зависяшъ всѣ прочія: ибо если предметъ тобою избранный низокъ и подлъ, или что еще хуже, несправедливъ, то и всѣ средства употребляемыя къ достиженію онаго содѣлаются шаковыми же.

Не увлекайся первыми движеніями своихъ спрасшей; дай время умолкнуть онымъ; и тогда уже когда разсудокъ будешь дѣйствовать, предприми свое намѣреніе.

Разочти напередъ, вознаградишь ли выгоды тобою отъ онаго ожидаемыя, шѣмъ труды и опасности кои предстоитъ въ исполненіи его. — Если ты ошибся въ своихъ видахъ, то возымѣй швердосшь отказатьшъ отъ оныхъ. Ничего нѣтъ обыкновеннѣе, какъ умножать глупости свои другими, для того что не хотимъ признашъся въ нѣкошорыхъ маловажныхъ.

Не допускай однакожъ чшобъ одна умная мысль споль шобою овладѣла, дабы ты не могъ перемѣнить ее на другую лучшую.

Прежде нежели предпримешь какое намѣреніе, испытай твою смѣлосшь, постоянство, способность и состояніе. „Будь мѣдленъ, (какъ говоритъ одинъ „неизвѣстный Авторъ), даже въ ша- „кихъ предпріяшяхъ, которыебъ спо- „ро привести въ дѣйство можно было. „ Правило сіе всего нужнѣе въ дѣлахъ съ издержками сопряженныхъ, или пребу- „ющихъ многого времени: шупъ недѣли превращаются часто въ мѣсяцы, а рубли въ червонцы.

Предвидь върояшныя постигнушь тебя могуція препятствія; разсуди съ хладнокровіемъ, чшо ты въ шаковыхъ случаяхъ сдѣлаешь; запиши шо на бумагѣ, руководствуйся оною въ случаѣ надобности, и сколь великобъ ни было искушеніе, не перемѣняй предположеннаго плана, развѣ обстоятельство при- мушъ совсемъ другой оборотъ.

Будь мѣдленѣ въ предпріятіяхъ, скорѣ въ исполненіи; не ослабни пекись о существѣ дѣла, не занимайся много формами; не опьлагай до завшраго шо, что можешь здѣлашь сегодня. — Будь разсудительнѣ-осшорженѣ, но не вреди шѣмъ швоей дѣятельности. — Осшанавливайся иногда на пупи своемѣ; не опшсупай никогда назадѣ. — Преслѣдуй сѣ жаромѣ, постоянствомѣ, швердосшю, шо что шевѣ наилучшимѣ кажешся; шы можешь исправить ошибку свою когда опшшнѣ содѣлаешся. Вѣрнѣйшее средство ничего не здѣлашь, естѣ всегдашняя нерѣшительность.

Не опшвращайся порицаніемѣ, не прельщайся похвалами. Всякой чело-вѣкѣ, чтообы онѣ ни говорилѣ и ни дѣлалѣ, бываетѣ оуждаемѣ или превозносимѣ. — Дѣянія добродѣтельныхѣ одобряемы бывающѣ мудрыми, производящіе опш случайности глупцами, порочные зловѣыми.

Обезпечь присшойное для себя убѣжище. — Жершвуѣ излишнимѣ, но ни-

когда шѣмѣ чпо для тебя необходимо. Чѣмѣ опасносшь очевидѣе, шѣмѣ болѣе являй мужеспва; въ смущеніи убѣждай надѣжнимѣ своимѣ видомѣ: по скользкому мѣсшу всего безопасѣе ходишь смѣлою и швердою посушью. Сѣ болѣшею для тебя чеспью преидешь шы оное: падешь сѣ меньшимѣ спыдомѣ. „Безъ „надмѣиноспи ожидай успѣха.„ Боязнь, безпокойспвіе, преждевременно производяшѣ мнимое зло, и лишаютѣ насѣ присущспвія духа, а пошому и способовѣ избѣгнушѣ онаго. — Умѣренность во всемѣ, еспѣ одно изѣ первѣйшихѣ правилѣ благоразумія, и вообще мудрости. Препяшспвія должны возбуждашѣ въ шѣбѣ смѣлосшь, а не повергашѣ въ уныніе; въ комѣ произведешѣ ошвращеніе перѣвая неудача, когда оспалось множеспво другихѣ средствѣ поправившѣ ошибку свою? Изыскивай оныя, испышывай, надѣйся, будь швердѣ въ своемѣ предпріяшії: нѣшѣ человѣка кошорый бы не имѣлѣ какой слабой спороны, мало шакowychѣ положеній, кошорыхѣ бы нѣвозможно было лучши-

ми содѣлашь. Обстоятельствва пере-
мѣняюща, отъ одной вещи происхо-
дитъ множество другихъ, а время, му-
жество и благоразуміе преодолавають
все на свѣтѣ.

Ежели ты вступишь въ какое важ-
ное обязательство по предмету тебѣ
извѣстному, и другіе тебѣ въ помѣ-
благотворительствуютъ, но не мѣди, дѣй-
ствуй и заключай: когда же они тому
противятся, то сложи свое пред-
приятие; не оканчивай ничего, старайся
выиграть время: оно можетъ произ-
вести въ тебѣ новыя намеренія и дасть
другіе способы; невѣрояно сколь пе-
ремѣняешь оно сужденія наши о пред-
метахъ.

Не полагайся на предложенія весьма
выгодныя: онѣ часто бывають при-
манкою плуша и завѣсою сокровенной
опасности. Не смотря на прельщаю-
щую наружность, предпринимай всякое
дѣло съ размышленіемъ; но единожды
давъ обѣщаніе, храни оно свято, ис-
полни данное слово съ самою крайнею
точностію. Не упускай назначеннаго ча-

са и даже минушы; сверхъ того что долѣкѣ тому обязываешь, приобретаешь ты довѣренность и уваженіе: обязанность же въ исполненіи обѣщанія обращается почти въ великодушіе.

Имѣй предосторожность чтобы другіе не распоряжались твоимъ имѣніемъ. вспомошествоуй ежели можешь деньгами, а не ручательствомъ. Оно есть долѣ, и другъ твой захочетъ ли чтобы ты здѣлалъ для него то, чего самъ для себя не здѣлаешь? Упоминай иногда о семъ правилѣ въ разговорахъ; имѣй предупредишь ты нескромныя требованія. — Мы находимъ болѣе примѣровъ дружбы прекращенной отъ непризнаваемыхъ заслугъ, нежели отъ чистосердечнаго и учтиваго отказа.

Не препоручай другимъ того, что самъ сдѣлаешь можешь: но помни и то, что желаешь самому привести все въ дѣйство, есть средство не успѣшь ни въ чемъ. — Часто видимъ мы что весьма умные люди желая въ одно время

быть и кормчимъ и мапросомъ, столь изнуряющъ себя мѣлочными подробностями, что не имѣющъ уже силъ занимать важнѣйшими дѣлами. — Будь разборчивъ въ выборѣ подчиненныхъ, присматривай за ними тайно, пребудь ошъ ихъ ошчеша по дѣламъ, но оказывай имъ довѣренность. Ежели ты слишкомъ ограничишь ихъ власть, то способности оныхъ будутъ бесполезны, ты преградишь имъ случаи воспользоваться многими маловажными дѣлами, скоропреходящими, но ошъ коихъ часто главныя дѣйствія зависятъ. Начальникъ долженъ посшавишь себѣ за правило, чтобы никогда самому не дѣлать того, что подчиненный его столь же хорошо исполнишь можешъ. Всего болѣе *ему* не должно перяшь времени, а употреблять способности свои къ важнѣйшимъ дѣламъ; но находясь въ необходимости возлагать подробности на своихъ подчиненныхъ, долженъ онъ прилагать попеченіе о выборѣ способныхъ людей. Худыми инструменшми производится и худая работа.

Умѣй пользоваться и малыми сред-
ствами; онѣ часпо имѣютъ вліяніе на
большія; и нешоль легко можно оныя
предвидѣшь и отвратишь. — Не упускай
никогда случая, еспли оный встрѣиши-
ся, но посшоянно ожидай его, повшоряя
сѣ Филиппомъ IIмъ Королемъ Ишпан-
скимъ: *Я и время многое сдѣлать мо-
жею.* — Терпѣливостію и хладнокро-
віемъ владычествуемъ мы наиболѣ
надъ людьми пылкаго карактера. Но
кѣ несчастію сіи двѣ главнѣйшія под-
поры благоразумія болѣе бывающѣ да-
рами природы, или плодами долговре-
меннаго навѣка, нежели дѣйствіями
воли или размышленія,

„Переноси малыя несчастія, дабы
„не навмечь на себя другихъ гораздо
„бблшихъ.“ Сѣ веселымъ духомъ при-
мѣняйся неминуемой участи, или по
крайней мѣрѣ научайся сносить оную
сѣ швердостію. Сѣшванія и ропощъ
болѣе производящѣ презрѣнія нежели
сжалѣніе. Изливай прискорбныя швои
чувствшванія шокмо въ кругу искрен-

нѣйшихъ друзей. Прибѣгни къ симъ послѣднимъ: они за тебя спарашься будущъ, пошому что дѣло ваше есть общее.

Будь скрытенъ въ важныхъ дѣлахъ, и ошкровененъ въ другихъ несполь вниманія достойныхъ; обнаружь то чего не можешь скрыть: разглашай что всѣмъ скоро извѣстно будетъ. Ежели предпріятіе швое необыкновенное, и успѣхъ онаго сомнителенъ, то можешь оное объявишь: можешь спашься ошъ одинаго ожиданія получишь шы нѣкоторую славу, кошорая не совсемъ съ предметомъ исчезнетъ. Ежелижъ увѣренъ въ успѣхъ, то скрывай приугошования онаго, дѣйствуй пошазненнымъ образомъ; слухъ о шомъ раздашся повсюду и въ шу минушу, когда наименѣе шого ожидающъ: слава швоя будетъ блистательнѣе и произведетъ сильнѣйшее впечатленіе.

Вообще шайна есть основаніе благородумія: она ошвращаетъ и предупреждаетъ преняшствія, и скрышнымъ

образомъ ведетъ насъ къ той цѣли, кою кою явно достигнуть не можемъ. Изумленный непріятель непрежде узнаетъ о прислупѣ, какъ когда уже обезоруженъ, и узритъ на валу своемъ развѣвающеся знамя побѣдишеля. Но храня въ молчаніи свои предпріяшя, надлежитъ избѣгатьъ скрышнаго вида; оный часно бываетъ признакомъ лицемерія, и всегда предваряетъ другихъ бытъ прошиву насъ оспорожными.

Кто слышетъ хитрымъ, далекомъ отъ того чюобъ бытъ таковымъ на самомъ дѣлѣ, а кто всегда кажешся основательнымъ, тотъ не вѣдаетъ пончайшихъ оборотовъ благоразумія: для достиженія цѣли своей употребляетъ самую неловкость и ошибки наши, въпренность, жеманство, пришворство, и даже наглость. — Яковъ II^й Король Англинскій часно повторялъ „что онъ не „зналъ ни одного скромнаго челоуѣка, „который бы при дворѣ свое щасшье „успроилъ., Скромный челоуѣкъ, знашней породы или покровительствуе-

мый форшуную, можешь достигнуть чиновъ и почестей: для сего нужно шокмо ему примѣняться введеннымъ обыкновеніямъ; но ежели кто самъ, преодолавъ препятствія, пролагаетъ себѣ путь къ щасію, тому потребно болѣе отважности и швердосши духа.

Одинъ по хипрости дается въ обманъ, другой по ушонченности ума представляется глупымъ. Подъ видомъ дурной насмѣлки скажетъ онъ то, что бы иначе не могъ къ сташи употребить; спираннымъ словомъ, легкою неучпивостію или излишнею ласкою приведетъ въ замѣшательство, кошорое противъ воли себя обнаружитъ, а онъ узнаетъ сокровенную мысль швою, и употребитъ то въ послѣдствіе въ свою пользу. — Непоняшно, сказалъ одинъ оспорожный въ разговорахъ и поступкахъ своихъ человекъ, говоря о Фоксѣ, какимъ образомъ сей неловой можешь успѣвать: но сей самый человекъ ничего не значилъ въ нижнемъ Парламентѣ, кошорымъ управлялъ

Фоксѣ, несполько по понюкоши ума своего, сколько по присущствію духа, чистосердечію, вишійспву, а еше болѣе по высокосши своихъ чувстввованій, послѣднему качеству всегда владычествующему надъ неуспрашимѣйшими народами.

Но сія жѣ швердосшь духа оболъщающая Англичанѣ, изумила бы шокмо робкій народѣ. Великодушіе Пишша, для нихѣ споль чувстввишельное, произвело бы въ другихѣ безплодное удивленіе, а можешѣ бышь и менѣ шого; великіе подвиги Патриотизма и истинной полишки воспаменяющіе Англичанѣ, не имѣли бы никакого дѣйствія въ спранахѣ гдѣ царшвуешѣ невѣжесшво и гдѣ способности не возникаюшѣ превыше предразсудковѣ, обычаевѣ, или посшыднаго рабства, коихѣ основаніемѣ бываешѣ эгоизмѣ. — Просвѣщенные народы надобно убѣждашѣ просвѣщеніемѣ; и ежели нравственное чувствво погасло, шо и героическія дѣянія не могушѣ насѣ шронущѣ. — Тщешно было бы все краснорѣчіе Демосоена у ди-

кихъ народовъ; но можешъ спасться
вскорѣ познавъ бы онѣ слабую ихъ
спорону и примѣнилъ бы въ оной свою
науку.

Сообразивъ все, ушвердительно ска-
зашъ можно, что вѣрнѣйшая оспорож-
ность есть та, чтобы не опасаться
обнаруживашъ свои мысли и поступки.
Во всѣхъ случаяхъ когда не удѣва-
ешь какъ поступашъ, предпочитаешь че-
стное поведеніе, и шы на вѣрное не
ошибешся.

Еще болѣе надлежитъ бытъ осто-
рожнымъ на бумагѣ, нежели на словахъ
по древней пословицѣ: *verba volant, scripta
manent*; то есть: слова улѣтаютъ, а пи-
санное остается.

Бываютъ такія обстоятельствова,
что мы принуждены дѣйствовать, и
каковы бы ни были наши усилія, кро-
мѣ поперя ничего имѣть не можемъ;
но и тогда не надобно унывашъ, и при
невозможности опврашишь зло, долж-
но спарашъ содѣлать оное сколько
можно меньшимъ. — Ежели опасность
неминуемая, то неуспрашимо шествуй

на поприщѣ, и вмѣсто того чѣмбы
ожидашь, назначь самъ бѣдшвенную
минушу. Смѣлосць приводишь въ уди-
вленіе, ободряешь собственное муже-
ство, и сокращаешь мучительную не-
извѣстность: преимущество чрезвы-
чайныхъ предпріяшій состоишь
въ томъ, что онѣ скоро приходишь
къ окончанію.

Ежели ты доведенъ до крайности,
то предпринимай на удачу, отважи-
вайся на все. Какой опасности подвер-
гаешься ты, кромѣ той чѣмбы сдѣлашь-
ся еще несчастнѣе? но ты узнаешь бла-
гопріяшествоуешь ли тебѣ еще форту-
на. — Есть такія положенія, гдѣ луч-
шее благоразуміе состоишь въ томъ,
чѣмбы не имѣть никакого. Робосць
усугубляешь препятствія, смѣлосць
же напрошивъ того находишь способы
въ самой себѣ и замѣняешь иногда про-
тивныя обстоятельства. — Но пред-
принимашь чрезвычайныя мѣры, доко-
лѣ остаются умѣренныя средства,
есть слабосць, а не мужество.

Наконецъ ежели ты сдѣлалъ все къ чему долгъ себя обязывалъ, по не уиывай въ неудачѣ; опшмши доказавъ что ты достоинъ лучшей участи. Печаль и жалобы не перемѣняютъ наше положеніе, но опягчаютъ оное. Все что происходитъ отъ несправедливости людей или суровости судьбы, не можешь себя унижить; собственныя шокмо наши просшупки наводяшъ безславіе.

Жалѣи о глупостяхъ швоихъ, но для того, чтообъ загладишь и избѣгаешь впредь оныхъ. Прошедшее невозвратимо; надлежитъ сообразовать поступки наши съ шѣмъ положеніемъ, въ которомъ находимся, и спарашся бышь впредь благоразумнѣе. — Сколь бѣдственна ни былобъ положеніе швое, ты можешь еще найти себѣ прибѣжище; но не полагайся на собственную разсудокъ: отъ печали, сѣшования и боязни разумъ ослабѣваетъ, и всѣ предметы предспаляюща намъ шогда въ мечшательномъ видѣ. Прибѣгни къ совѣшамъ искреннѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ

своихъ друзей: безприсрасіе и хладнокровіе предсавяшъ имъ вещи въ прямомъ видѣ, чего бы щещино искалъ ны въ самомъ себѣ.

Самое лучшее правило благоразумія состоишъ въ образѣ мыслей независимомъ отъ людей и обстоятельствъ, которые бѣ могли нарушить наше спокойствіе: тѣмъ упреждаемъ мы излишнія заботы и безпокойствія, производящія сильное впечатленіе надъ простолюдимами; но въ несчастію, сіе правило какъ и многія другія, хотя постоянно въ своихъ дѣйствіяхъ, но трудно въ исполненіи.

Не пренебрегая правилъ, не надобно слишкомъ на оныя полагашься. Опытъ доказываетъ что онѣ не столь способствуюшъ успѣхамъ, какъ нѣкое сокровенное могущество, располагающее случаями и обстоятельствомъ, и устрояющее благоденствіе или несчастіе человѣческое. — Ежели спанемъ разсмапривать всякаго рода вре-

менщиковъ и способы употребленные ими къ доспуженію вышней степени знаши, шо неоспоримо убѣдимся, что слѣпой рокъ столько же онымъ благопріиспшвовалъ, сколько и самыя ихъ пошунки, и что какъ бы ни были они благоразумны, шо надлежитъ еще чтошбъ судьба увѣнчала ихъ дѣянія.

Иной щцеславился превосходствомъ ума, приписывая оному свое возвышеніе, хошя шѣмъ обязанъ посредшвеннымъ способностямъ, нѣкопорымъ щасливымъ шункамъ, или шеченію обстоятельствъ совсемъ ошъ него независящихъ. — Тѣже средшва кошорыя возводяшъ однихъ на вышнюю степень могущества, низвергаюшъ другихъ въ бездну нещасній; но публика мало заботится узнавать причины, а судитъ шокмо по послѣдствіямъ.

Человѣкъ ограниченнаго ума нѣкопорымъ образомъ руководшвуется вършйшими правилами благоразумія, ибо чтошбы узнать какое дѣйствіе про-

изведетъ надъ просполюдимомъ такая рѣчь или такое дѣяніе, нужно ему шокмо спросишь самага себя, какое впечатленіе произвело бы оно надъ нимъ; или лучше сказашь безъ дальнѣйшаго изысканія судипъ онъ о шомъ махинально; великой же души человекъ, напрошивъ шого, имѣетъ чувствованія и мнѣнія споль различныя онъ бѣльшей часпи людей, что предполагая въ оныхъ свои собшвенныя мнѣнія, ошибается въ своемъ сужденіи. Симъ послѣднимъ споль же несвойшвенно занимаешь мѣспа низкаго званія, сколь перьвые неспособны къ вышшимъ должностямъ. — Упошребляешь человекъ съ превосходными дарованіями къ маловажной должности, значитъ запречь манежную лошадь къ шелѣгѣ, и ропшашь что она везетъ худо и брыкается онъ ударовъ.

При несовершенствѣ нашихъ законовъ, излишесшвъ приказнаго порядка и мѣдленности въ производствѣ дѣлъ, пляжбы еспь одно изъ золъ, спокойшвие наше нарушающихъ. Надле-

жипѣ убѣгашь оныхъ какъ яда, жизнь
нашу управляющаго. — Переноси шер-
пѣливо малыя обиды, оскорбляющія
шюкмо шщеславіе или касающіеся до
маловажныхъ выгодъ. Представъ правѣ
свои вѣжливо: защищай оныя съ умѣ-
ренностію. Ежели оиѣ равны сопер-
никовымъ, шо пущь жребій рѣшишь
о шомъ; а ещли хощя не много вѣ себѣ
замѣшишь своенравія, шо не полагайся
на свои шребованія. — Прежде нежели
прибѣгнешъ къ законамъ, избири вѣ
посредники друзей швоихъ или чес-
ныхъ людей. Таковой пошупокъ дока-
жетъ миролюбивыя и искреннія швои
намѣренія; вѣ послѣдствіи приобрѣнешъ
шны шѣмъ благосклонность публики и
швоихъ судей. — Но упошребивъ всѣ
средства къ примиренію, и убѣжден-
ный вѣ правосши швоего дѣла, защи-
щай оное съ шаквою же швердостію
духа, сколько прежде извѣвлялъ сни-
схожденія. Не довольствуйся шѣмъ
шчобы оправдывашъ себя, собери всѣ
свои силы, упошребляй вѣ пользу свою
друзей, деньги, совѣшны, прозьбы, дѣя-

шельность, угрозы, лесть и даже самую хитрость: надобно побѣдиль, слѣдуя въ семъ случаѣ военному правилу, но естъ предпринимая шо, чего непришель болѣе всего спрашишь, или чего наименѣе ожидаешь. — Въ шажбахъ, равно какъ и въ поединкахъ, одно хорошо окончанное дѣло предупреждаетъ многія другія, но какъ въ томъ пакъ и въ другомъ зачинщикъ ссоръ доспойны ненависти и презрѣнія.

Ежели вмѣсто того чтобъ выиграть, потеряешь шы шажбу свою, шо долженъ увѣришься что былъ неправъ; помыслишь, что ослѣпленные самолюбиемъ, рѣдко судимъ мы безприсрашно о дѣлѣ своемъ, и удосновришься что сословіе судей опытныхъ въ законовѣденіи и обуздываемыхъ присягою, можешь лучше насъ усмапривать доводы правосудія, укрывающія ошъ нашего невѣжества. — Ежели бы стали полагаться на мѣрнія шѣхъ, которые потеряли шажбы свои, шо можешь бышь не нашлось бы ни одного

суда, коего приговоры, въ глазахъ ихъ оказались бы справедливыми.

Есть проспонародная пословица, ежели хочешь быть слокоенъ, то не смѣшивайся въ тужія дѣла. Сіе часто бываетъ правиломъ малодушнаго и подлаго человѣка; много есть случаевъ, гдѣ поспавляется священнѣйшею обязанностію вступаться за невиннаго и прищѣннаго. Ты долженъ содѣлаться другомъ угнѣщеннаго, тогда когда онъ имѣетъ въ тебѣ надобность; ты человекъ, одаренъ разумомъ, чувствительностію, зришь спраждащаго — дозволено сего чпобы поспѣвшии къ нему на помощь.

Благоразуміе по степенямъ проспирается даже до вѣроломства, или лучше сказашь, сему послѣднему даюшъ названіе перьваго. Надлежитъ избѣгать хипрости, которая обыкновенно бываетъ доказательствомъ недостатка въ великихъ качествахъ. — Замѣвши надобно, чпо презрѣніе оказываемое хипрымъ людямъ много зависитъ отъ предполагаемаго ими предмета; и

кажешся чшо ежели намѣреніе честно, то и всѣ душеводящіе къ достиженію онаго средсва, должны бышь таковы-миже.

Сколь бы впрочемъ кто хитръ ни былъ, не можешъ однако обманушь всѣхъ: наружный видъ являешъ всегда нѣчто принужденное, не укрывающее-ся отъ людей проникательныхъ. — Не показывай прищворно благородныхъ чувствованій, ежели ты оныя въ самомъ себѣ не ощущаешъ. Добродѣтели подобны языкамъ; природный жистель узнаешъ всегда иноспранца по его выговору.

Вѣрнѣйшее средство къ приобрѣ-щенію почтенія другихъ состоишъ въ томъ, чшобъ содѣлать себя почтенія достойнымъ. Хотя бы мы не имѣли инаго предмета, какъ собственную свою выгоду, шо признанная правда въ по-слѣдствіи намъ наиболѣе въ томъ бла-гопріятствовашъ будетъ. Истинно-бла-горазумный человекъ долженъ имѣшь каракшеръ чистосердечный, откры-тый, безприщворный, и шши пря-

мою дорогою, не помышляя объ
обманахъ, и не заботясь о сѣтяхъ
воими его уловить можешь. — Еже-
ли шаковый благоразумный доспа-
гнетъ цѣли своей, то въ большую
пріятноштію и удовольствіемъ восполь-
зуется успѣхомъ; ежелижъ будешь
имѣть неудачу, то безъ стыда; ему
встанется спокойствіе и утѣшеніе:
плушь же напрошивъ шого, единожды
обнаруженный, падешь и никогда воз-
стать не можешь.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПОГРѢШНОСТИ

въ первой части.

страни.	строка.	напечатано:	читай:
9.	4.	супѣхѣ	успѣхѣ
16.	20.	Моншескіе	Моншескую,
30.	10.	посвѣщаль	посвящаль
43.	7.	ничшо	ни что
111.	1.	завислѣ	зависилѣ
118.	21.	пошщашея	пошщился
147.	2.	увеличайше	увеличивайше
200.	20.	опѣ	опѣ
219.	3.	Аглинскій	Англинскій
232.	7.	оспанавли- вающего	оспанавлива- ющагося

Съ дозволенія Санктпетербурскаго
Цензурнаго Комитета.

Печашано въ Императорской
Академіи Наукъ.

гскаго

кой

Inches
Centimetres

Colour Chart #13

Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black

DANES
PICTA
COM

